

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник— четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

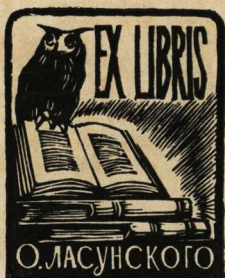
<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

Учм.
Воп. сем.
II

Из б-ки С.Н. Предкина. 1967г.

ИСТОРІЯ

ВОРОНЕЖСКОЙ ДУХОВНОЙ

СЕМИНАРИИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

П. Никольскій.

ВОРОНЕЖЪ.

Типографія В. И. Исаева, Большая Дворянская ул., д. д-ра Стоаль.

1899.

ИСТОРИ

ВОРОНЕЖСКОЙ ДУХОВНОЙ

СЕМНИЦЫ

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозво-
ляется. С.-Петербургъ. 29 Декабря, 1898 г.

Старшій цензоръ, Архимандритъ Климентъ.

Періоды третій (1817—1841)

и

четвертый (1841—1874).

Преобразование семинаріи по уставу 1808 года.

Подготовка къ реформѣ Воронежской семинаріи началась еще съ 1811 г. ¹⁾. Семинарское начальство съ этого времени заботилось объ открытіи въ уѣздныхъ городахъ приходскихъ училищъ, съ тѣмъ чтобы потомъ удобнѣе можно было раздѣлить существующую семинарію на нѣсколько учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ были открыты приходскія училища въ Землянскѣ, Новохоперскѣ и Старобѣльскѣ. Уѣздное училище на первыхъ порахъ предположено было открыть одно—въ Воронежѣ. Въ то же время намѣчены были и учителя для семинаріи и училищъ, большею частію изъ наличнаго состава семинарской корпораціи. При этомъ отъ кандидатовъ на учительскія мѣста въ семинаріи Коммиссіей духовныхъ училищъ затребованы были конспекты ихъ преподаванія. Въ 1816 г. пр. Епифаній доносилъ Коммиссіи духовныхъ училищъ, что Воронежская семинарія готова къ преобразованію. Послѣ разрѣшенія со стороны Коммиссіи, преобразование началось съ Сентября 1817 года. Но торжественное открытіе преобразованной семинаріи состоялось *17 Октября 1817 года* по заранѣе составленному «церемоніальному акту». Послѣ литургіи, совершенной ректоромъ семинаріи, пр. Епифаній со всѣмъ городскимъ духовенствомъ отслужилъ въ соборѣ молебенъ, послѣ чего все духовенство въ облаченіяхъ направилось въ сем. корпусъ. Послѣ окропленія зданія и семинаристовъ св. водою и послѣ рѣчи ученикамъ пр. Епифанія «о ревню-

¹⁾ Семин. архивъ, 87, № 49.

стномъ вступленіи въ новое поприще ученія, при соблюденіи благонравія», процессія возвратилась въ соборъ. Въ 3 часа пополудни состоялся актъ, который послужилъ на будущее время образцомъ подобныхъ же собраній. Здѣсь прочитаны: выдержки изъ Проекта новаго устава, рѣчь ректора: «Объ истинномъ просвѣщеніи христіанскомъ», рѣчь учителя философіи: «De vera philosophandi ratione», — учителя словесности: «О совершенствахъ оратора» и рѣчь студента богословія — благодарственная архіерею и посѣтителямъ. Рѣчи перемежались пѣніемъ кантовъ. Посѣтителямъ предложена была книга для подписи доброхотныхъ пожертвованій на новостроющійся семинарскій корпусъ. Архіерей благословилъ преобразованную семинарію иконою и актъ кончился.

Съ тѣхъ поръ семинарія до 1867 г. испытала только одну учебную реформу 1841 г. Остальныя стороны въ жизни семинаріи за все это время остаются безъ существеннаго измѣненія.

Средства содержанія.

Реформа 1817 г. сопровождалась благими послѣдствіями прежде всего въ матеріальномъ обезпеченіи семинаріи. Въмѣсто 3500 р., семинарія стала получать по 20000 р. штатнаго оклада. При этомъ нужно замѣтить, что прежній окладъ полагался на нераздѣленную еще семинарію, тогда какъ по новому штату на духовныя училища, выдѣлившіяся изъ низшихъ классовъ семинаріи, положены были особые оклады. Такое увеличеніе штатныхъ суммъ сопровождалось улучшеніемъ матеріальнаго быта и начальствующихъ, и учащихся, и учащихся. Къ сожалѣнію, новая штатная сумма оставалась почти безъ измѣненія до 1867 г. А между тѣмъ жизнь за это время очень сильно вздорожала, почему семинарія попрежнему испытывала очень большія экономи-

ческія затрудненія. Случайныя пожертвованія, исходившія большею частію отъ мѣстныхъ архіереевъ, очень мало помогали дѣлу. Поэтому часто дух.-учебное управленіе при-
нуждено было дѣлать крупныя экстраординарныя ассигнов-
ки, иногда почти равнявшіяся штатному окладу. Но и это-
го было мало. Требовалось изыскать такія новыя средства
содержанія, которыя бы превысили самый штатный окладъ.
Эти средства были изысканы въ 1865 г., когда семинар-
скіе доходы возросли до 65 тысячъ рублей (приблизитель-
но) ¹⁾. Послѣ этого семинарія вступила въ новый, болѣе
благопріятный для нея, періодъ своего существованія.

Завѣдываніе штатными суммами лежало на обязанности
семинарскаго Правленія, которое состояло изъ ректора,
инспектора и эконома. Почетное положеніе эконома, какъ
члена семинарскаго Правленія, а также и матеріальныя вы-
годы этой должности привлекали на эту должность людей
заслуженныхъ, преимущественно изъ семинарской же кор-
пораціи. Въ расходованіи суммъ Правленіе ежегодно давало
подробный отчетъ Окружному Академическому Правленію.
Послѣднее очень тщательно провѣряло эти отчеты, часто
дѣлая запросы, внушенія и выговоры семин. Правленію за
разныя промахи въ отчетахъ. О своихъ заключеніяхъ объ
отчетахъ Академич. Правленіе докладывало Коммисіи дух.
училищъ, а потомъ Духовно-учебному управленію, которыя
въ свою очередь дѣлали соотвѣтствующія распоряженія се-
минарскому начальству. По требованію Коммисіи дух. учи-
лищъ, Епархіальное начальство иногда наряджало ревизіи
сем. суммъ изъ лицъ духовныхъ. Кромѣ того, провѣрка
отчетовъ въ израсходованіи семин. суммъ составляла одну
изъ главныхъ обязанностей ревизоровъ семинаріи.

О нѣкоторыхъ безпорядкахъ въ отчетахъ и въ израсхо-
дованіи семинарскихъ суммъ сообщено будетъ ниже, при

¹⁾ См. смѣту доход. и расход. на 1868 г., сем. арх., № 331.

изложеніи дѣятельности тѣхъ членовъ семинарскаго Правленія, которые обвинялись въ этихъ безпорядкахъ.

Отношеніе къ Воронежской семинаріи высшаго духовно-учебнаго начальства и мѣстныхъ архіереевъ. Семинарское Правленіе.

Въ управленіи Воронежской семинаріи произошла значительная перемѣна сравнительно съ предшествующимъ періодомъ. До 1817 г. дѣйствительнымъ и непосредственнымъ начальникомъ семинаріи былъ мѣстный архіерей. Онъ былъ отвѣтственнымъ лицомъ за семинарію предъ Св. Синодомъ и потому зорко слѣдилъ за всѣми сторонами семинарской жизни. Ректоръ, префектъ и Семинарское Правленіе имѣли значеніе только исполнительныхъ органовъ, находившихся въ полномъ подчиненіи у архіерея. Это сообщало опредѣленность семинарскому управленію, хотя и ставило семинарію иногда въ нежелательную зависимость отъ усмотрѣнія одной личности.

По проэкту 1808 г. высшее управленіе надъ всѣми духовно-учебными заведеніями поручено было Комиссіи духовныхъ училищъ, которая въ 1839 году была замѣнена Духовно-Учебнымъ Управленіемъ. И то, и другое учрежденія завѣдывали семинаріями и непосредственно, и главнымъ образомъ чрезъ посредство Окружныхъ Академическихъ Правленій. Воронежская семинарія съ 1817 до 1819 г. находилась въ вѣдѣніи С.-Петербургскаго Академическаго Правленія. Съ преобразованиемъ въ 1819 г. Кіевской академіи Воронежская семинарія вошла въ составъ Кіевского округа и стала зависѣть отъ Кіевского Академическаго Правленія. Послѣднее заботилось о назначеніи сюда учителей, рассматривало ежегодные отчеты о всѣхъ сторонахъ семинарской жизни, обсуждало различные запутанныя дѣла по семинаріи и т. д. Для контроля надъ семинаріей Академиче-

ское Правленіе отъ времени до времени присылало въ семинарію ревизоровъ изъ членовъ Академическаго Правленія. Отчеты этихъ ревизоровъ давали возможность Академическому Правленію дѣлать замѣчанія и внушенія семинаріи. Въ продолженіе разсматриваемаго періода ревизіи семинаріи были произведены слѣдующими лицами: проф. прот. І. М. Скворцовымъ въ 1828 г., архимандритами—Евлампіемъ въ 1830 г., Іеремією въ 1832 г., Теофаномъ въ 1848 г., Леонтіемъ въ 1854 г., Дмитріемъ, Іоанникіемъ въ 1861 г. Отчеты ревизоровъ, по разсмотрѣніи ихъ Академическимъ Правленіемъ, отсылались въ Коммиссію дух. училищъ или въ Дух.-уч. управленіе и тамъ снова подвергались тщательному просмотру. Въ случаѣ какихъ-нибудь неточностей въ отчетахъ ревизоровъ или ошибочности замѣчаній, сдѣланныхъ ими семинарскому начальству, высшее духовно-училищное управленіе дѣлало свои поправки, которыя сообщались семинаріи, а ревизоры подвергались болѣе или менѣе строгому выговору. Въ этомъ отношеніи особенно много поправокъ сдѣлано въ отчетѣ ревизора архим. Іереміи. Изъ числа многихъ замѣчаній, сдѣланныхъ ему, достаточно привести одно. Архим. Іеремія, обративши вниманіе на недостатокъ учебныхъ пособій по философіи, порекомендовалъ начальству Воронежской семинаріи выписать «Обозрѣніе философскихъ системъ» Аста. Коммиссія дух. училищъ, указавши на неправославное направленіе этой книги, отмѣнило это предложеніе и внушило Академическому Правленію «обратить должное вниманіе на степень основательности и чистоты познаній самого ревизора, соответствуетъ ли оная потребности и пользѣ служенія, которое онъ проходитъ при Духовной Академіи» ¹⁾.

Насколько близко стояло Кіевское Академическое Правленіе къ Воронежской семинаріи, объ этомъ свидѣтель-

¹⁾ Архивъ Кіевск. Окружнаго Академич. Правленія. 1833, № 30.

ствуется тотъ фактъ, что семинаристы, недовольные распоряженіями Семинарскаго Правленія, писали жалобы въ Академическое Правленіе, и дѣло иногда пересматривалось вновь, хотя Академич. Правленіе вообще было недовольно этими жалобами, что и выражало семинарскому начальству. Поэтому въ 1832 г. ото всѣхъ Воронежскихъ семинаристовъ была отобрана подписка въ томъ, что они не будутъ обращаться непосредственно въ Академическое Правленіе. Подобное же распоряженіе было повторено въ 1843 г.

Кромѣ Академическаго Правленія, семинарія должна была подчиняться и Воронежскому архіерею. Такимъ образомъ, семинарія оказалась въ двойной зависимости, что на первыхъ порахъ неблагоприятно отзывалось на отношеніяхъ Семинарскаго Правленія къ архіерею. Нерѣдко Семинарское Правленіе входило даже въ открытое столкновеніе съ архіеремъ, стараясь отстоять свою независимость по отношенію къ нему. Напр., до 1828 г. въ Воронежской семинаріи не было даже «обыкновенія представлять журналы на усмотрѣніе и утвержденіе преосвященнаго». Только въ 1828 г., по предложенію ревизора прот. Скворцова, «сдѣлано было опредѣленіе въ Правленіи впредь представлять всѣ журналы». «Сіе, писалъ ревизоръ, почитаю нужнымъ для того, чтобы тѣмъ удобнѣе и опредѣлительнѣе могъ знать преосвященный о состояніи семинаріи» ¹⁾. Впрочемъ, недоразумѣнія между архіереемъ и семинарскимъ начальствомъ повторяются и послѣ этого и всегда кончаются не въ пользу семинарскаго начальства. Иногда въ тяжбы между ними принуждено было вмѣшиваться и Академическое Правленіе, и Комmissія дух. училищъ. Ревизія прот. Скворцова была вызвана этими тяжбами. Къ 40-мъ годамъ отношенія между архіереемъ и семинарскимъ Правленіемъ дѣлаются довольно опредѣленными: архіерей уже безъ протестовъ со стороны

¹⁾ Арх. Кіевск. Акад., 1828, № 69.

Семин. Правленія начинаетъ вмѣшиваться въ семинарскую жизнь и вліять на нее силою своей власти.

Епархіальное духовенство и сами семинаристы пользовались этимъ вліяніемъ архіереевъ на семинарію и очень часто осаждали ихъ жалобами на семинарское начальство и прошеніями о принятіи уволенныхъ учениковъ обратно въ семинарію. Нѣкоторыя изъ этихъ жалобъ такъ характерны, что мы рѣшаемся привести хотя выдержки изъ нихъ. «Отъ природы имѣя непреоборимую ревность къ просвѣщенію, пишетъ одинъ уволенный семинаристъ, лишень оной Правленіемъ Воронежской духовной семинаріи за мнимые, какіе-то недоказанные поступки въ моемъ поведеніи. Надѣжда, быть полезнымъ болѣе Отечеству, нежели себѣ, потеряна вся исключеніемъ меня изъ мѣста просвѣщенія. Высокопреосвѣщеннѣйшій Владыко! Ни совѣсть моя, никто изъ постороннихъ не былъ убѣжденъ въ моихъ худыхъ поступкахъ, которыхъ и не было» ¹⁾. «Училищное начальство, читаемъ въ другомъ прошеніи, по уваженію къ Вашей личности, можетъ дѣлать все, что только Вамъ будетъ угодно. Посему прошу Васъ, Преосв. Владыко, какъ Отца, благодѣтеля бѣдныхъ и покровителя несчастныхъ, повелѣть кому слѣдуетъ принять сына моего хотя въ число частныхъ». На этомъ прошеніи пр. Іосифъ положилъ резолюцію: «Надобно дѣлать то, что законно, а не то, что хочется» ²⁾.

Неопредѣленность на первыхъ порахъ обнаруживалась и во взаимныхъ отношеніяхъ между различными органами семинарскаго управленія, особенно между членами семинарскаго Правленія, ректоромъ, инспекторомъ и секретаремъ Правленія. До реформы ближайшимъ начальникомъ семинаріи былъ большею частію префектъ; ректоръ былъ только почетнымъ представителемъ семинаріи; Семинарское Правле-

¹⁾ Списки воспит. Воронеж. семинаріи, стр. 348, сравн. 365, 382, 495, 394, 472, 590 и др.—²⁾ Семин. архивъ, 1856, 567, № 54.

ніе было преимущественно исполнительнымъ органомъ, об-суждавшимъ предложенія префекта и ректора, а особенно архіерея. Теперь ближайшимъ начальникомъ семинаріи является ректоръ. Но въ то же время и Семинарское Пра-вленіе смотритъ на себя, какъ на главный органъ семинар-скаго управленія. Отсюда возникаютъ очень серьезныя стол-кновения между ректоромъ и Семинарскимъ Правленіемъ, причемъ иногда побѣда остается на сторонѣ Семинарскаго Правленія.

Довольно вліятельное положеніе занималъ секретарь Правленія. Секретарь Собкевичъ велъ борьбу съ ректоромъ и инспекторомъ и одно время даже не допускалъ ихъ въ канцелярію Правленія. Въ 1828 г., ссылаясь на то, что ректоръ и инспекторъ унесли изъ семинарскаго архива ка-кой-то документъ, онъ заперъ отъ нихъ архивъ до тѣхъ поръ, пока свыше не послѣдовало приказаніе снова открыть туда доступъ семинарскому начальству ¹⁾. По предложенію того же секретаря, въ Семинарскомъ Правленіи установлено было дежурство писмоводителей для храненія дѣлъ, по при-мѣру другихъ присутственныхъ мѣстъ ²⁾. Тотъ же секре-тарь неоднократно хвастался предъ семинаристами, что онъ выживетъ изъ семинаріи и ректора, и инспектора. А когда дѣйствительно послѣдніе были отрѣшены отъ своихъ дол-жностей, секретарь торжественно, въ праздничный день послѣ литургіи, въ присутствіи учениковъ и постороннихъ посѣтителей, приходившихъ въ семинарію къ Богослуженію, опубликовалъ объ этомъ отрѣшеніи.

Не ограничиваясь одними семинарскими дѣлами, семи-нарское начальство слѣдило и за жизнью уѣздныхъ и при-ходскихъ училищъ Воронежской епархіи. Изъ послѣднихъ ежегодно представлялись въ Семин. Правленіе отчеты объ ихъ состояніи и доклады о разныхъ экстраординарныхъ дѣ-

---

¹⁾ Семин. архивъ № 197, л. 467.—²⁾ Тамъ же № 208, л. 78.

лахъ. Что касается назначенія на учительскія мѣста, то въ уѣздныхъ училищахъ оно зависѣло отъ Академическаго Правленія, а въ приходскихъ—отъ Правленія Воронежской семинаріи. Наконецъ, зависимость училищъ отъ семинаріи выражалась въ частыхъ ревизіяхъ училищъ со стороны Семинарскаго Правленія. Соотвѣтственно этимъ ревизіямъ Семинарское Правленіе дѣлало свои распоряженія, а иногда и довольно рѣзкіе выговоры училищнымъ начальствамъ. Въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ семинаріей было Воронежское уѣздное и приходское училища, особенно въ началѣ періода. Это объясняется тѣмъ, что и семинарія, и училища на первыхъ порахъ помѣщались рядомъ—около Благовѣщенскаго собора. Въ 1820 г. учитель духовнаго училища Я. Покровскій писалъ, что Воронежская публика не знаетъ новаго раздѣленія семинаріи и училищъ, называя семинаристами и учениковъ семинаріи, и учениковъ училищъ. Вслѣдствіе этой близости семинарское начальство имѣло возможность вникать во все училищныя дѣла и даже вмѣшиваться въ мелочныя распоряженія училищнаго начальства. Это обостряло взаимныя отношенія начальствъ того и другого учебнаго заведенія и иногда вело къ крупнымъ непріятностямъ. Первое очень крупное столкновеніе произошло при ректорѣ Авксентіи, который жаловался на непочтеніе къ себѣ со стороны смотрителя и учителей. Съ перемѣщеніемъ семинаріи въ новый корпусъ на Дворянскую улицу, училище освобождается отъ постоянного надзора со стороны Семинарскаго Правленія. Но по всеѣмъ дѣламъ оно попрежнему зависитъ отъ этого Правленія.

Таково было въ общемъ положеніе семинарскаго управленія. Переходя къ исторіи этого управленія, слѣдуетъ прежде всего остановиться на заботахъ о семинаріи Воронежскихъ архипастырей, а затѣмъ перейти къ характеристикѣ ближайшихъ начальниковъ семинаріи—ректоровъ и инспекторовъ.

Преосвященный Епифаній (1816—1826 г.г.). Вступивши на Воронежскую кафедру еще до реформы семинарии, пр. Епифаній обнаружилъ особенную заботливость о содержаніи учениковъ и по этому поводу принужденъ былъ даже писать увѣщательное посланіе къ епархіальному духовенству, которое хотѣло лишить семинаристовъ одного изъ важныхъ источниковъ содержанія—зачисленія за ними приходскихъ мѣстъ. Желая помочь дѣлу матеріальнаго обезпеченія семинаристовъ, пр. Епифаній для этого пожертвовалъ въ семинарію 6000 рублей съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этихъ денегъ содержались три семинариста. Семинарское Правленіе, желая отблагодарить за это архипастыря, рѣшило назвать его стипендіатовъ Епифановыми и опубликовать объ этомъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Но преосвященный остался очень недоволенъ послѣднею мѣрою, что и выразилъ семинарскому начальству.

Съ семинарскимъ начальствомъ пр. Епифаній старался жить въ мирѣ, но это ему не всегда удавалось. Въ его время вліятельнымъ лицомъ въ семинаріи былъ префектъ, а потомъ инспекторъ Зацѣпинъ. Уважая въ немъ ученаго человѣка и хорошаго учителя, пр. Епифаній поддерживалъ его сторону во время пререканій съ нимъ ректора іером. Авксентія.

Преосвященный Антоній II (1826—1846 г.г.). Преемнику пр. Епифанія долго пришлось поработать на Воронежской кафедрѣ. Дѣятельный и благочестивый, пр. Антоній II считается однимъ изъ выдающихся Воронежскихъ архипастырей. На его отношеніяхъ къ семинаріи лучше всего можно видѣть, въ чемъ обнаруживалось вліяніе архіереевъ на семинарію. Во время его долголѣтняго пребыванія въ Воронежѣ выяснился и его взглядъ на задачи и цѣли семинарскаго воспитанія, и на постановку семинарскихъ наукъ, и на власть семинарскаго Правленія.

Воспитаніе, по мнѣнію пр. Антонія, должно быть утвер-

ждено на основаніи св. писанія и св. отецъ. Въ ковчегѣ только Православной церкви можно спастись и сохранить себя отъ огненнаго потопа. Поэтому испытаніе по богословію онъ открывалъ чтеніемъ Православнаго Исповѣданія Петра Могилы, какъ голоса Православной церкви. А такъ какъ Православное ученіе утверждается на откровеніи и ученіи св. отцовъ, то онъ не только требовалъ отъ учениковъ знанія св. писанія, но выражалъ желаніе, чтобы ученики знали изреченія отцовъ о разныхъ богословскихъ предметахъ. «Такимъ образомъ прежде, нежели введена была патристика (въ 1841 г.), онъ зналъ, да и другимъ давалъ чувствовать нужду въ этой наукѣ». «Въ самыхъ трактатахъ философскихъ онъ хотѣлъ, чтобы философія во всемъ согласовалась съ словомъ Божиимъ. Особенное изъяснялъ удовольствіе, когда слышалъ трактаты философскіе, написанные языкомъ богословскимъ на основаніи писанія. Въ историческихъ статьяхъ преимущественно любилъ примѣры Отцевъ, просіявшихъ вѣрою и святостью». Но особенно поощрялъ пр. Антоній благонравіе семинаристовъ. Не ограничиваясь требованіемъ благочестивой настроенности, онъ желалъ, чтобы ученики выражали эту настроенность «не только словами и дѣйствіями, но и взорами, одеждою и самою поступью». А «окончившимъ курсъ семинаріи онъ вмѣнялъ въ непремѣнную обязанность, чтобы они отращивали волосы, носили подрясники, и чрезъ то заблаговременно сближались бы съ будущимъ своимъ назначеніемъ»¹⁾.

Эти личные взгляды пр. Антонія почти совпали съ новою духовно-учебною реформою, которая при немъ введена была въ Воронежской семинаріи (1841 г.), а такое совпаденіе не мало способствовало быстрому и дѣйствительному преобразованію семинарскаго курса въ Воронежской семинаріи.

¹⁾ М. Савостьяновъ. Жизнь пр. Антонія. С.-П.В. 1852 г., стр. 108—111.

Этими же взглядами отчасти объясняются и отношенія пр. Антонія къ семинарской корпораціи. Цѣня больше всего скромность и смиреніе и не всегда встрѣчая эти качества въ профессорахъ семинаріи, онъ не особенно уважалъ семинарскую корпорацію. Слово «вченый» (ученый) всегда звучало въ его устахъ нѣсколько иронически. Къ тому же случайное стеченіе обстоятельствъ только утверждало его въ такомъ взглядѣ. Самый видный профессоръ семинаріи проф. Ставровъ, назначенный въ кафедральнаго протоіерея, не оправдалъ надеждъ преосвященнаго, такъ что послѣдній послѣ этого иногда оказывалъ и въ епархіальной службѣ предпочтеніе семинаристамъ предъ академистами. Особенно вліятельнымъ человѣкомъ при немъ былъ архим. Теофилъ, человѣкъ сомнительной нравственности, но хитрый и пронырливый. Вошедши въ довѣріе у преосвященнаго, этотъ архимандритъ приносилъ много непріятностей семинарской корпораціи. Но особенно сильно развилась подозрительность пр. Антонія къ семинарскому начальству вслѣдствіе его неоднократныхъ столкновеній съ семинарскимъ Правленіемъ, которое часто не признавало его власти и даже жаловалось на него высшему духовно-училищному начальству. Ниже мы расскажемъ эти столкновенія преосвященнаго съ Правленіемъ, которыя оканчивались побѣдою архіерея, но все болѣе и болѣе вооружали его противъ семинарскаго начальства.

Преосвященный Инатій (1847—1849 г.г.), премникъ пр. Антонія II, въ Воронежѣ пробылъ только годъ съ небольшимъ. 19 Апрѣля 1848 г. онъ вызванъ былъ для присутствія въ Св. Синодѣ и умеръ въ 1849 г. въ Петербургѣ. Поэтому и составить опредѣленную характеристику его отношеній къ семинаріи почти невозможно.

Преосвященный Парфеній (1850—1853 г.г.), опредѣленный на Воронежскую кафедру послѣ пр. Игнатія, тоже слишкомъ мало жилъ въ Воронежѣ, чтобы его взгляды на семинарское образованіе и отношенія къ семинаріи опредѣ-

лились съ достаточною ясностью. Къ тому же, пораженный параличемъ, онъ почти не могъ посѣщать семинарію. Впрочемъ, свое благожеланіе къ семинаристамъ онъ выражалъ во время рекреаций, которыя онъ любилъ посѣщать и на которыя привозилъ много гостинцевъ. На улучшение содержанія бѣдныхъ учениковъ имъ пожертвованъ 4% билетъ въ 357 рублей.

Преосвященный Іосифъ (1853—1866 г.г.), управлявшій довольно долго Воронежской епархіей, имѣлъ возможность хорошо ознакомиться съ семинаріей и потому принимать участіе въ ея жизни. Это былъ человѣкъ очень строгій и требовательный: его считаютъ подражателемъ Моск. митроп. Филарету. Онъ любилъ семинарію и вникалъ въ ея нужды. Самыя богатые пожертвованія на улучшение содержанія учениковъ были сдѣланы имъ: всего билетовъ на 7500 р. Строгій и взыскательный, онъ обратилъ особенное вниманіе на аккуратное исполненіе учителями ихъ обязанностей и строго взыскивалъ съ нихъ какъ за небрежность къ дѣлу, такъ особенно за недобросовѣстное исполненіе разныхъ порученій.

Пользуемся воспоминаніями объ этомъ архипастырѣ, появившимися вскорѣ послѣ его смерти. «Въ видахъ улучшения наличнаго состава духовенства, пр. Іосифъ принялъ за правило: предоставлять лучшіе въ матеріальномъ отношеніи приходы лучшимъ по разряднымъ спискамъ воспитанникамъ семинаріи. Эта мѣра побуждала воспитанниковъ семинаріи стремиться къ лучшему окончанію ими курса семинаріи». Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ онъ «почти всегда являлся неожиданнымъ посѣтителемъ, причемъ достойно вниманія то, что посѣщенія его преимущественно начинались или съ столовой, или съ жилыхъ комнатъ. Часто также онъ посѣщалъ классы и особенно экзамены, — и онъ не замедлилъ устранить торжественную безцѣльную обстановку такъ называемыхъ публичныхъ, актовъ экза-

меновъ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ зоркой наблюдательности преосвященнаго. Вызываетъ онъ на экзаменъ лично самъ по разрядному списку одного, другого, третьяго воспитанника. И высшій, и низшій изъ нихъ по списку отвѣчаетъ одинаково удовлетворительно. Преосвященный отпускаетъ ихъ на мѣсто одними и тѣми же словами: «довольно, ты—Иванъ Петровъ?.. ищеть его по списку, для отмѣтки ему балла, и вдругъ слышитъ отвѣтъ: «я»... «Довольно; ты—Петръ Ивановъ»... и тотъ же неожиданный имъ отвѣтъ: «я»... Когда и третій воспитанникъ повторилъ тотъ же отвѣтъ, преосвященный вдругъ спросилъ: «когда день твоего Ангела?»... воспитанникъ—увы!—не далъ отвѣта... Воочію обнаружился подмѣнъ однихъ воспитанниковъ другими, наиболѣе подготовившимися къ сдачѣ экзамена... Преосвященный бросаетъ списокъ, гнѣвно укоряетъ двумя—тремя словами ректора и учителей, быстрымъ шагомъ выходитъ изъ класса и требуетъ свою карету для отъѣзда. Но не настала еще назначенная часъ, и она не прибыла. Тогда преосвященный скрывается въ семинарскомъ саду. Ректоръ слѣдуетъ за нимъ съ мольбою о прощеніи. Но не догнать ему подвижнаго преосвященнаго: онъ ускользнулъ уже изъ сада и чрезъ семинарскій дворъ вышелъ на Двор. улицу и пѣшій направился домой въ Митрофановъ монастырь. По разслѣдованію оказалось, что воспитанники, плохо приготовленные, вслѣдствіе болѣзни наставника, сами рѣшили учинить подмѣнъ одного другимъ, чтобы плохими отвѣтами не сконфузить своего учителя и своего класса предъ новымъ преосвященнымъ. На мысли о подмѣнѣ они остановились, руководствуясь примѣромъ публичныхъ экзаменовъ, на коихъ такой подмѣнъ былъ узаконенъ обычаемъ тѣхъ временъ... Ректоръ и учителя сразу, конечно, замѣтили этотъ подмѣнъ; но пока рѣшали, будучи озадаченными, что имъ дѣлать, какъ преосвященный самъ уже искуснымъ вопросомъ о «днѣ Ангела» обнаружилъ злополуч

ный подмѣнъ. Убѣдившись въ полной правдивости разслѣдованія и снисходя къ побужденіямъ подмѣна, въ существѣ—добрымъ, преосвященный простилъ всѣхъ, не исключая и виновныхъ учениковъ, сдѣлавши, однакоже, строгое и памятное для всѣхъ внушеніе. Съ того времени даже и публичные экзамены, отъ времени до времени допускавшіеся, потеряли уже присущее имъ фиктивное значеніе.— По условіямъ того времени, преимущественное вниманіе преосвященнаго было обращено на экономическое положеніе духовно-учебныхъ заведеній. Вполнѣ сознавая скудость средствъ, отпускавшихся на ихъ содержаніе, онъ постоянно ставилъ на видъ, что «не копейка, а и рубль пронадаетъ самъ собою безъ счета», и что «сколько бы казна ни дала, все будетъ мало». Строгая отчетность и надлежащее употребленіе имѣвшихся средствъ улучшили при немъ благосостояніе семинаріи и училищъ въ возможной, конечно, степени. По мѣрѣ возможности, пр. Іосифъ отпускалъ изъ суммъ Митрофанова монастыря средства на улучшеніе стола, на приобрѣтеніе одежды и постельнаго бѣлья для казеннокоштныхъ воспитанниковъ. Чаше эти воспособленія направлялись въ духовную семинарію» ¹⁾).

Ректоры семинаріи.

Архимандритъ Меѳодій (1817—1819 г.г.). О немъ см. въ первой части, стр. 88—89.

Иеромонахъ Авксентій (1819—1821 г.г.), въ мѣрѣ Аѳанасій Галинскій, обучался въ Кіевской академіи. Въ 1803 г. опредѣленъ учителемъ 2 русскаго класса и греческаго языка въ низшемъ отдѣленіи академіи. Въ 1805 г. опредѣленъ учителемъ русской и латинской грам-

¹⁾ А. С. Кончина и погребеніе Высокопр. Іосифа, бывш. архіепископа Ворон. и Задонскаго. Ворон. Епарх. Вѣд. 1892 г., № 6, стр. 240—243. Тамъ же характеризуется отношеніе пр. Іосифа къ Ворон. дух. училищу (стр. 243) и къ Епарх. ж. училищу (стр. 243—245).

матики въ низшемъ, среднемъ и высшемъ классахъ и въ то же время преподавалъ ариѳметику, географію и исторію въ двухъ низшихъ отдѣленіяхъ. 14 Февраля 1814 г. принялъ монашество. 21 Февраля опредѣленъ учителемъ русской и латинской поэзіи. Въ Сентябрѣ того же года назначенъ учителемъ русской и латинской риторики и катихизиса въ низшихъ классахъ. Тогда же опредѣленъ присутствующимъ въ Академическомъ Правленіи. Въ 1817 г. былъ опредѣленъ въ Воронежскую семинарію инспекторомъ и учителемъ богословскихъ наукъ.

Въ 1819 году о. Авксентій былъ опредѣленъ ректоромъ Воронежской семинаріи. Въ этой должности онъ прослужилъ до 1821 года. Кратковременное ректорство іером. Авксентія все прошло въ борьбѣ его съ Семинарскимъ Правленіемъ. Причины этой борьбы лежатъ частію въ убѣжденіяхъ и характерѣ о. Авксентія, частію въ неопредѣлившемся еще положеніи ректорской должности. О. Авксентій былъ человѣкъ очень религіозный, но односторонне настроенный. По его мнѣнію, образованіе должно носить исключительно религіозный характеръ. «Св. Писаніе, говоритъ онъ въ одной официальной бумагѣ, есть алфа и омега всѣхъ вообще знаній, потребныхъ христіанину, паче же долженствующему быть служителемъ церкви». Поэтому онъ предлагалъ, чтобы «во всѣхъ классахъ, какъ языковъ, такъ и всѣхъ вообще наукъ, ученики ознакамливались съ своимъ предметомъ не иначе, какъ чрезъ св. Писаніе, и послѣднимъ концомъ своимъ поставляли не иное что, какъ полное и дѣятельное разумѣніе божественныхъ книгъ св. Писанія. Св. Писаніе есть господствующій, такъ сказать, предметъ нашего занятія. Всѣ ученія и книги человѣческаго изобрѣтенія, не противныя духу писаній, въ духовныхъ училищахъ терпимы только. При ощутительной ихъ противоположности и несогласіи съ св. Писаніемъ, въ дух. училищахъ онѣ отвергаются безъ всякой пощады параграфомъ устава 141. При

семъ, въ силу § 9 устава, не должно упустить изъ виду и того, чтобы учащіе давали свободу ученикамъ отъ уроковъ и задачъ по учебнымъ предметамъ, во всѣ святые, воскресные и праздничные дни, особенно въ утренніе часы, которые въ чтеніи св. книгъ и богомыслии христіане проводить обязаны, по словамъ псаломѣвца: «упразднитеся и разумѣйте»... ¹⁾.

Съ такими убѣжденіями іером. Авксентій едѣлся ректоромъ Воронежской семинаріи, что называется, совершенно не во время для себя. Въ то время особеннымъ вѣсомъ и въ семинаріи, и у пр. Елифанія пользовался ученый протоіерей І. Зацѣпинъ, преданный естествознанію и не особенно благоволившій къ богословію и виѣшней набожности. По своей горячности, о. Авксентій не всегда могъ скрыть свое нерасположеніе къ специальности Зацѣпина и иногда при посѣщеніи его лекцій по физикѣ называлъ его нечестивцемъ и безбожникомъ. Уже это одно должно было послужить основою къ серьезному взаимному нерасположенію между ректоромъ и Зацѣпинымъ, который въ это время состоялъ инспекторомъ семинаріи и смотрителемъ училищъ. Другіе преподаватели также не всѣ были довольны ректоромъ. Еще раньше, состоя инспекторомъ семинаріи, о. Авксентій иногда заступался за учениковъ, о которыхъ доносили ему учителя. Напр., въ штрафной книгѣ за 1818 г. читаемъ слѣдующую его замѣтку о поведеніи двухъ учениковъ: «хотя и было на нихъ отъ учителя греч. языка доносимо, что первый оказывалъ предъ нимъ нѣкоторыя грубости, а второй оказался неисправнымъ; но они себя довольно оправдываютъ, по моему замѣчанію, первый своею дѣятельностью, а второй важностью характера» ²⁾. Тоже дѣлалъ онъ и въ должности ректора. Однажды учитель училища Я. Покровскій за незнаніе урока опредѣлилъ наказать

¹⁾ Постановленіе Правленія отъ 15 Января 1821 г., подписанное однимъ ректоромъ.—²⁾ Сем. архивъ, № 96, 149.

ученика 50 лозами. Ученикъ пожаловался ректору и тотъ вздумалъ заступиться за ученика, но этимъ только раздражилъ учителя. Во время наказанія учитель приказалъ набавить ученику еще 2 лозы за ходатайство ректора, крича на него: «я тебя учу, а не ректоръ» ¹⁾. Партія недовольныхъ нашла себѣ могущественнаго покровителя въ лицѣ пр. Елифанія, уважавшаго въ Зацѣпинѣ ученую силу. Это послѣднее обстоятельство привело къ тому, что партія недовольныхъ стала пренебрегать распоряженіями ректора. Между тѣмъ о. Авксентій, не находя себѣ сочувствія ни въ архіереѣ, ни въ преподавателяхъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ раздраженія, надѣлалъ много безтактностей. Между прочимъ, онъ, не созывая членовъ правленія, сталъ дѣлать самовольно распоряженія отъ имени правленія.

Одна бумага въ этомъ родѣ излагала вышеуказанныя требованія ректора относительно религіозной постановки семинарскихъ наукъ. Прежде чѣмъ подписаться подъ этой бумагой, члены Правленія просили ректора «опредѣлительнаго означенія касательно сихъ словъ его, чтобы во всѣхъ классахъ, какъ языковъ, такъ и всѣхъ вообще наукъ ученики ознакамливались съ своимъ предметомъ не иначе, какъ чрезъ св. Писаніе, дабы впослѣдствіи за неточное выполненіе, могущее произойти отъ недоумѣнія, не подпасть отъ его же ректора по сему предмету взысканія». «Его Преосвященство, писалъ на это требованіе ректоръ, вскорѣ, по прибытіи своемъ на Воронежскую паству, довольно явственно сей способъ ученія и ознакамливанія съ св. Писаніемъ учащихся изложилъ въ своемъ предложеніи, данномъ Правленію 26 Апрѣля 1816 г.». Но оказалось, что подлинная выписка по этому дѣлу, «содержащая въ себѣ резолюцію ректора и сданная въ числѣ трехъ бумагъ при предложеніи отъ Его Преосвященства, подмѣнена другою, отъ прежней многоразличною».

¹⁾ Сем. архивъ, № 121, 2.

Другая бумага касалась семинарских счетовъ. Ректоръ отъ имени Правленія постановилъ: «въ виду невозможности Правленію, состоящему изъ лицъ, занятыхъ преподаваніемъ важнѣйшихъ предметовъ семинарскаго ученія, точнѣйше разсмотрѣть и окончить счета, крайне разстроенные бывшими членами Правленія (ректоромъ архим. Мееодіемъ и экономомъ, игум. Пароеніемъ ¹⁾), обратиться въ Консисторію, яко въ правительство, имѣющее въ своемъ вѣдѣніи бывшихъ членовъ, дабы она отрядила въ Правленіе опытныхъ въ дѣлахъ счетныхъ повытчиковъ». На этотъ разъ противъ ректора выступилъ самъ преосвященный. «Сообщить въ Консисторію, писалъ онъ по этому дѣлу, согласится ли она для рѣшенія сего интереснаго для семинаріи дѣла, котораго пять ученыхъ и опытныхъ людей съ секретаремъ своимъ профессоромъ якобы рѣшить не могли, согласится ли уполномочить своимъ довѣріемъ одного человѣка, повытчика, на свою отвѣтственность»? Консисторія, дѣйствительно, отказала въ повытчикѣ.

Третья бумага отъ имени Правленія, но подписанная однимъ ректоромъ, касалась выписки въ епархію «Христіанскаго Чтенія». На этотъ разъ, впрочемъ, остальные члены Правленія согласились подписаться, а пр. Епифаній только выразилъ неудовольствіе на излишнюю переписку по такому дѣлу, о которомъ не должно быть пререканій. Но ректоръ

---

¹⁾ По отчетамъ оказалось остаточныхъ суммъ отъ предшествующаго періода только 805 р., между тѣмъ ихъ должно было быть 3535 р. 22½ к. Въ обезпеченіе растрченныхъ денегъ, до разслѣдованія дѣла, о. Мееодій отдалъ свои золотыя часы въ 1300 р. и крестъ съ аметистами, осыпанный розами, въ 400 р. «Вещи зѣло добрыя, писалъ онъ. Что дѣлать? пусть погостятъ намѣсто меня въ семинаріи. Надлежало бы мнѣ самому лично предстать онѣ въ Семинарское Правленіе. Но, посудите, сколько тутъ надобно духу, чтобы удержаться отъ слезъ. Нѣтъ! Пощадите ради Бога». (Сем. арх., 121, д. 1). Въ тоже время было описано и имущество о. Пароенія, который, повидимому, былъ болѣе виноватъ, чѣмъ арх. Мееодій. Впрочемъ дѣло это такъ и не было выяснено на слѣдствіи.

не вытерпѣлъ и этого замѣчанія. «Хотя, пишетъ онъ, для меня казалось восхитительнымъ споспѣшествовать общественному дѣлу не собираніемъ токмо денегъ и доставленіемъ оныхъ въ Петерб. академію на издаваемый журналъ, но и духовными упражненіями въ переводахъ и сочиненіяхъ со стороны учащихся и учащихъ въ семинаріи; но какъ настоящее положеніе дѣлъ отымаешь у меня сію лестную надежду, то я и не рѣшаюсь приступить къ дѣлу сему, пока не поправится мое положеніе въ семинаріи, что зависитъ непосредственно отъ воли и власти Его Преосвященства. Гдѣ должностныя мѣста почитаются вотчинами, тамъ мнѣ нечего дѣлать». При всей туманности послѣдняго замѣчанія, обидный смыслъ его для Преосвященнаго былъ ясенъ. Что касается должностныхъ лицъ, пользующихся мѣстами, какъ вотчинами, то подъ ними ректоръ разумѣлъ эконома Иларіона Чердаковского и учителя Якова Покровскаго. Еще раньше, 30 Ноября 1820 г., ректоръ «необходимымъ почелъ учителя Покровскаго отрѣшить отъ должности, занимаемой по училищу, яко человека, не имѣющаго должнаго усердія, а только прибыткомъ привязаннаго къ мѣсту, и котораго неуваженіе къ начальству превышаетъ мѣру». Почти одновременно съ дѣломъ о выпискѣ «Христіанскаго Чтенія» ректоръ выступилъ и противъ эконома Чердаковского, представляя архіерею, что «настоящее положеніе дѣлъ семинаріи, необходимо требуетъ, чтобы экономъ семинаріи, кромѣ способности и тѣнанія къ домостроительству, былъ утвержденъ въ духовномъ разумѣ и въ духовной жизни», и что поэтому эконома Чердаковского необходимо удалить. Наконецъ, ректоръ жаловался и на инспектора Зацѣпина за его неисправности по службѣ. Но всѣ эти жалобы не имѣли успѣха, такъ какъ Преосвященный нашелъ ихъ неосновательными, а относительно инспектора замѣтилъ, что ему «довольно извѣстенъ о. инспекторъ, какъ человекъ благонамѣренный и по всѣмъ должностямъ своимъ бдитель-

ный». Все это все болѣе и болѣе разжигало раздражительность обѣихъ партій.

16 Января 1821 г. вышеуказанныя бумаги, какъ незаконно изданныя, были возвращены въ Семинарское Правленіе съ тѣмъ, чтобы послѣднее разсмотрѣло ихъ снова. Правленіе, вопреки мнѣнію ректора, постановило заслушать каждую бумагу особо и свое заключеніе по этимъ бумагамъ чрезъ секретаря доставить для подписанія или положенія своего особаго мнѣнія о. ректору, по причинѣ неприсутствованія его въ настоящее время по болѣзни въ Правленіи». Раздраженный неуступчивостью Правленія, ректоръ въ тотъ же день потребовалъ къ себѣ докладной реестръ Правленія и написалъ на немъ свои возраженія. Напр., противъ словъ, что ректоръ можетъ изложить свое особое мнѣніе, ректоръ писалъ: «благодарю за предварительное порабощеніе моего разума особымъ мнѣніемъ. Не лучше ли послушать другимъ членамъ, наипаче въ сихъ дѣлахъ собственно ректорскихъ, того, кому ввѣрено ректорство, по Державину:

Глава не ждетъ отъ ногъ ума,

И силъ у рукъ не отнимаетъ;

Ей взоръ и ухо сообщаетъ,

Повелѣваетъ всѣмъ сама.

Не прекрасное ли и не самое ли лучшее изображеніе правилъ, устанавливающихъ согласіе въ совокупныхъ дѣйствованіяхъ каждаго изъ членовъ Правленія (§§ устава 43, 44, 48). Я никакъ при семъ не выпускаю изъ виду и Высочайшаго велѣнія Духа Св. въ Писаніи божественномъ: повинующееся другъ другу въ страсть Божію». 24 января ректоръ снова вытребовалъ докладной реестръ и противъ только что приведеннаго замѣчанія приписалъ еще слѣдующее—на одной сторонѣ: «Error praescipitaniae meae, quem et excusatum volo»; на другой сторонѣ: «Но—мое намѣреніе вамъ извѣстно—Государь Императоръ къ Варшавскому Сейму»... Наконецъ, 27 Января ректоръ сдѣлалъ новую приписку про-

тивъ волновавшихъ его словъ «для положенія своего особаго мнѣнія»: «т. е. читая нечаянно ночью ко мнѣ, уже было уснувшему, принесенную мнѣ сію бумагу, я пропустилъ сію строку». Эти странныя замѣчанія только запутывали дѣло и потому остальные члены Правленія рѣшили отдать его на усмотрѣніе Преосвященнаго. Тогда ректоръ запискою увѣдомилъ Правленіе Семинаріи, что онъ «не можетъ съ сего времени входить ни въ какія дѣла Правленія, пока не переменятся мучительныя его обстоятельства по Правленію: о чемъ и въ Академическое Правленіе писать съ слѣдующею почтою принужденнымъ нашелъ себя».

Академическое Правленіе, которому донесено было объ этомъ, предписало Сем. Правленію «просить епарх. Преосвященнаго о назначеніи кого-либо изъ духовныхъ исправлять должность ректора семинаріи, до времени перемены обстоятельствъ ректора іером. Авксентія». Отъ ректора же потребовано было объясненіе во всемъ дѣлѣ. Пр. Епифаній назначилъ исправляющимъ должность ректора семинаріи архим. Меѳодія, бывшаго прежде ректоромъ. Тогда о Авксентій спохватился, что зашелъ слишкомъ далеко и 23 апрѣля 1821 г. подалъ въ Правленіе слѣдующую записку: «Признавъ себя въ нетерпѣливости, обнаруженной мною въ запискѣ, поданной мною въ Семинарское Правленіе Января 27-го, я приступилъ по долгу званія моего опять къ дѣламъ и по Правленію; о чемъ донесъ я и Академическому Правленію. Прошу Семинарское Правленіе имѣть сіе въ виду, приводя въ исполненіе 1-й пунктъ Академическаго предписанія, даннаго Семин. Правленію по сему дѣлу». Но Правленіе постановило: «о. ректору рѣшенія своего ждать изъ Академич. Правленія, такъ какъ записка его поступила послѣ исполненія 1-го пункта Академич. предписанія, да и въ запискѣ онъ пишетъ, что онъ отнесся, о чемъ онъ пишетъ, въ Академич. Правленіе». Не помогло о. Авксентію и представленное имъ въ Академич. Правленіе

обширное объясненіе. Въ этомъ объясненіи онъ выставляетъ причиною отказа отъ должности по Правленію сопротивление со стороны инспектора и эконома, «получившее впоследствии со стороны епархіальнаго начальства, по снисхожденію, одобреніе». Въ частности, онъ утверждалъ, что въ дѣлахъ, по поводу которыхъ онъ временно отказался отъ ректорскихъ обязанностей, «истина дѣла въ журналахъ затемнена и повреждена, и не по ошибкѣ какой, но умышленно, для его угнетенія». Въ заключеніе ректоръ выясняетъ свою странную фразу—«мое намѣреніе вамъ извѣстно, Государь Императоръ Варшавскому Сейму»... Государь Императоръ, обращающій вниманіе на возмущеніе Европы и соглашающій разномысліе польскихъ депутатовъ, при частномъ у насъ нѣкоемъ возмущеніи членовъ Семин. Правленія противъ власти ректора, которую въ лицѣ своемъ поддерживать по силѣ устава, подчиняясь, при зависимости отъ Академіи, Епархіальному Начальству, почиталъ я своею обязанностью, подалъ мнѣ поводъ употребить ту пародію, можетъ быть, и дерзновенную, но не злонамѣренную. Чрезъ намѣреніе же собственно мое, которое я въ замѣчаніи моемъ означилъ, яко членамъ Правленія извѣстное, кромѣ единомыслія, благочестія, подчиненности, на которыхъ основывается благоденствіе обществъ и которыя суть главнымъ предметомъ и содержаніемъ моихъ записокъ и разсужденій по Правленію, я ближайше указать своимъ сочленамъ хотѣлъ на предозначенный въ моемъ замѣчаніи вызовъ мой и мою готовность дѣйствовать со взаимнымъ другъ другу повиновеніемъ, основаннымъ на страхѣ Божіемъ».

Но никакія объясненія уже не могли помочь дѣлу. Комmissія духовныхъ училищъ, не читая этихъ объясненій, рѣшила «удалить іером. Авксентія вслѣдствіе троекратныхъ донесеній Преосвященнаго о неприличныхъ его поступкахъ, какъ неспособнаго къ училищной службѣ, отъ всѣхъ должностей по семинаріи и о помѣщеніи его въ Кіевопечерскую

Лавру, съ предоставленіемъ Преосвященному права поручить должности іером. Авксентія до окончанія учебнаго года кому либо изъ учащихъ въ семинаріи». Правда, Академическое Правленіе посмотрѣло на поведеніе о. Авксентія болѣе снисходительно, высказавшись, что «ежели Епархіальный Преосвященный дозволить попрежнему вступить въ должность ректора соборному іером. Авксентію, то Академич. Правленіе на сіе согласно». Но это предложеніе Академич. Правленія пришло въ Воронежъ уже послѣ того, какъ о Авксентій выѣхалъ изъ Воронежа ¹⁾).

По удаленіи изъ Воронежа, іером. Авксентій первоначально жилъ въ Киевопечерской Лаврѣ, какъ ея соборный іеромонахъ. Въ 1826 г. онъ былъ опредѣленъ намѣстникомъ Лавры. Въ 1834 г. перемѣщенъ въ настоятели Кіевского Никольскаго монастыря. Скончался въ 1834 году.

Изъ его сочиненій напечатано: «Начальныя упражненія въ словѣ Божіемъ». Спб. 1837 г. ²⁾).

Архимандритъ Андрей (1821—1825 г.г.) обучался въ Тверской семинаріи (1803—1815 г.г.) и въ Петербургской академіи (1815—1819 г.г.), откуда выпущенъ кандидатомъ богословія съ правомъ на степень магистра. Въ 1819 г. назначенъ инспекторомъ и профессоромъ церковной исторіи и греч. языка въ Петербургскую семинарію. По постриженіи въ монашество, 13 октября того же года опредѣленъ ректоромъ Петербургскаго Александроневскаго училища, 1 Сентября 1820 года удостоенъ степени магистра. 1 Августа 1821 г. назначенъ ректоромъ Воронежской семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ. 2 Сентября опредѣленъ присутствующимъ въ Консисторіи. 11 Октября произведенъ въ архимандрита безъ вакансіи, съ присвоеніемъ степени 3 класса.

По своимъ дарованіямъ и дѣятельности арх. Андрей

---

¹⁾ Ректоры Ворон. сем., стр. 12—25.—²⁾ Филарета, арх. Черниг., Обзоръ дух. литературы, ч. 2, стр. 460.

былъ однимъ изъ выдающихся ректоровъ. Онъ обратилъ вниманіе на содержаніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ: при немъ былъ улучшенъ ихъ столъ, а вмѣсто прежнихъ затрапезныхъ халатовъ пошиты были особаго покроя халаты, считавшіеся тогда модными. Какъ профессоръ, онъ производилъ на своихъ учениковъ сильное впечатлѣніе, и его ученики считались образцовыми. Даже послѣ его увольненія среди семинаристовъ долго жила слава о немъ, какъ о весьма способномъ профессорѣ, выдающемся администраторѣ и начальникѣ заведенія ¹⁾). Быть можетъ, отчасти эта слава объяснялась его своеобразнымъ отношеніемъ къ семинаристамъ. Живя въ семинарскомъ корпусѣ, онъ никогда не посѣщалъ жилыхъ помѣщеній семинаристовъ, не выходилъ даже въ семинарскій садъ. Воспитанники видѣли его только въ классѣ и въ церкви. Это, вмѣстѣ съ мастерскимъ преподаваніемъ, пріучало семинаристовъ смотрѣть на него, какъ на какое-то особенное, высшее существо.

Въ Воронежской семинаріи архим. Андрей прослужилъ только четыре года. Причиною его увольненія было самовольное построеніе двухъ-этажнаго флигеля (нынѣ больница). Не испросивши разрѣшенія отъ Св. Синода, онъ на казенныя деньги построилъ этотъ флигель, а потомъ уже, услышавши о недовольствѣ Св. Синода этимъ самоуправствомъ, послалъ туда за разрѣшеніемъ. Но этимъ не удалось поправить дѣла. Въ 1825 г. онъ былъ переведенъ на ту же должность въ Вятскую семинарію.

Архимандритъ Филадельфъ (1825—1829 г.г.) обучался въ Переяславской семинаріи и Петербургской академіи. По окончаніи академич. курса, 13 Августа 1814 г. опредѣленъ профессоромъ еврейскаго и французскаго языка въ Вологодскую семинарію. 23 Сентября назначенъ бібліотекаремъ. Съ 16 Марта 1819 г. до 13 Декабря 1821 г.

---

¹⁾ Е. Г. Свѣтзаровъ, Воспоминанія, стр. 2.

по субботамъ изъяснялъ Новый Заветъ всей семинаріи. Съ 20 Сентября по 1 Октября 1820 г. исправлялъ должность профессора математики. 19 Ноября 1821 г. утвержденъ въ чинъ IX класса. 8 Мая 1822 г. постриженъ въ монашество. 9 Сентября назначенъ инспекторомъ и профессоромъ философскихъ наукъ и французскаго языка въ Черниговскую семинарію. 17 сент. произведенъ въ игумена. 23 Января 1823 г. назначенъ исправляющимъ должность ректора и наставника богословскихъ наукъ. 30 Января опредѣленъ смотрителемъ уѣздныхъ Черниговскихъ училищъ, сверхъ прежнихъ должностей по семинаріи. Кромѣ исполненія служебныхъ обязанностей, о. Филадельфъ «сказывалъ бесѣды» по воскреснымъ днямъ съ 21 Мая 1822 г., сначала въ Вологдѣ, потомъ въ Черниговѣ, наконецъ въ Воронежѣ. 12 Августа 1823 г. утвержденъ настоятелемъ третьекласнаго Козелецкаго монастыря. 20 Сентября 1825 г. назначенъ ректоромъ Воронежской семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ. 19 Ноября опредѣленъ присутствующимъ въ Консисторіи. 22 іюля 1826 г. произведенъ въ архимандрита Акатова монастыря. 10 Сентября назначенъ благочиннымъ монастырей и цензоромъ проповѣдей, сказываемыхъ въ кафедральномъ соборѣ.

Какъ преподаватель арх. Филадельфъ, повидимому, ничѣмъ не выдавался, составляя въ этомъ отношеніи противоположность архим. Андрею. Если память о послѣднемъ жила долго въ семинаріи и послѣ его увольненія, то объ архим. Филадельфѣ ничего не могли сказать даже во время его ректорства, а послѣ его удаленія о немъ совсѣмъ забыли. Нужно впрочемъ замѣтить, что учебное дѣло въ семинаріи при немъ находилось, по выраженію ревизора прот. І. М. Скворцова, «довольно въ хорошемъ состояніи и г.г. учащіе усердно и съ успѣхомъ проходили свои должности» ¹⁾.

¹⁾ Архивъ Кіевск. д. акад. Дѣла внѣшн. Правленія, 1828 г., № 69.

Семинарская дисциплина, напротивъ, при немъ пришла въ упадокъ. Пр. Антоній II доносилъ Коммисіи Духовныхъ Училищъ, что «ректоръ не обращаетъ никакого вниманія на нравственность и ученіе семинаристовъ» ¹⁾.

Но особенно сильно уронилъ себя архим. Филадельфъ своими пререканіями съ начальствомъ по поводу нѣкоторыхъ безпорядковъ въ экономическихъ отчетахъ. 21 Января 1828 г. секретарь Семин. Правленія А. Собкевичъ донесъ Пр. Антонію II, что члены Правленія не записали на приходъ лажъ въ 760 р. ассигнаціями и 3 р. 65 к. мѣдью и, слѣд., удержали ихъ у себя. Подозрѣніе въ присвоеніи этихъ денегъ пало на эконома Ѳ. Троицкаго, на ректора и инспектора. Пр. Антоній потребовалъ увольненія отъ должности эконома и представленія ему для просмотра экономическихъ отчетовъ. Но ректоръ и инспекторъ, не соглашаясь на увольненіе эконома, отстранили отъ дѣлопроизводства секретаря «какъ доносителя», и просили Преосвященнаго «удержать его отъ дерзностныхъ и буйныхъ въ докладахъ для членовъ Правленія выраженій, которыя могутъ имѣть самыя вредныя дѣйствія на умы семинаристовъ». Что касается экономическихъ документовъ, то ихъ Правленіе постановило представить архіерею въ копіяхъ, засвидѣствованныхъ ректоромъ. Во всемъ этомъ пр. Антоній увидѣлъ неповиновеніе себѣ со стороны ректора и инспектора, что и выразилъ въ обширномъ предложеніи Правленію, въ которомъ снова требовалъ представленія экономическихъ документовъ не въ копіяхъ, а въ подлинникѣ. Но ректоръ и инспекторъ задумали обойти епархіальное начальство. Они «отказались представить архіерею экономическіе отчеты, какъ служащіе главными документами къ изобличенію секретаря Собкевича въ ложномъ доносѣ, имѣя намѣреніе представить оныя при дѣлѣ къ высшему училищному начальству». Послѣ новаго требованія отчетовъ со стороны архіерея

¹⁾ Архивъ Кіевск. д. акад. Дѣла виѣши. Правленія, 1829 г., № 106.

Правленіе доносило, что подлинныя отчеты уже отосланы въ Кіевское Академическое Правленіе. При этомъ, на обвиненіе ректора и инспектора въ неповиновеніи начальству, Правленіе отвѣчало, что «члены его никогда не смѣли и думать упорствовать противъ Его Преосвященства, а напротивъ того всегда съ покорностію и сыновнею преданностію свято исполняли и исполняютъ законныя требованія Его Преосвященства; а что они безпрекословно не исполнили предложенія Его Преосвященства касательно удаленія магистра Троицкаго отъ должности эконома и члена Правленія безъ всякаго суда, то въ семъ они готовы дать отвѣтъ предъ судомъ Божиимъ и человѣческимъ».

Для прекращенія всѣхъ этихъ пререканій Кіевское Академическое Правленіе командировало въ Воронежскую семинарію ревизора проф. прот. І. М. Скворцова. Послѣдній произвелъ ревизію всѣхъ сторонъ семинарской жизни, но особенно внимательно отнесся къ пререканіямъ между архіереемъ и Сем. Правленіемъ. При этомъ донесеніе секретаря оказалось справедливымъ: лажевая сумма дѣйствительно не была записана, прихорасходныя книги по постройкѣ семинарскаго флигеля были перемараны, особенно въ транспортахъ. При этомъ въ числѣ статей расхода на постройку флигеля помѣщены покупка экипажа, мебели и зеркалъ; но эти расходы были вписаны позднѣе, о чемъ свидѣтельствовали и свѣжія чернила и перемарки въ транспортахъ ¹⁾.

Такимъ образомъ виновность арх. Филадельфа была доказана, поэтому въ 1829 году онъ былъ удаленъ отъ должности ректора, съ назначеніемъ настоятелемъ третьекласснаго Лютикова монастыря, Калужской епархіи.

Архимандритъ Иннокентій (1829—1833 г.г.) обучался въ Калужской семинаріи (1798—1810). По окончаніи курса былъ учителемъ русскихъ классовъ, а потомъ малаго географическаго класса; въ 1811 г.—географическаго клас-

¹⁾ Арх. Кіев. акад. 1828 г., № 69; ср. Синод. арх. 1823 г., № 189

са; въ 1813 г. учителемъ информаторіи; въ 1814 г. учителемъ латинскаго языка и ариѳметики въ Калужскомъ уѣздномъ училищѣ. Въ 1815 г. опредѣленъ инспекторомъ Калужскихъ училищъ, въ томъ же году переведенъ въ Мещевское уѣздное училище учителемъ высшаго отдѣленія, и потомъ опредѣленъ инспекторомъ Калужскаго и Мещевскаго училищъ. 19-го Ноября 1816 г. постриженъ въ монашество. 6-го Іюля того же года опредѣленъ смотрителемъ Мещевскихъ училищъ, а 11-го Декабря присутствующимъ въ мѣстномъ духовномъ Правленіи и цензоромъ проповѣдей. 20-го Января 1819 г. помѣщенъ въ число сборныхъ іеромонаховъ Московскаго Донскаго монастыря съ оставленіемъ при училищныхъ должностяхъ. 6-го Октября 1826 г. переведенъ въ Калужскую семинарію инспекторомъ и учителемъ философскихъ наукъ. Въ 1827 г. произведенъ въ архимандрита Перемышльскаго Троицкаго монастыря. Въ 1828 г. опредѣленъ присутствующимъ Калужской духовной консисторіи. 15-го Января 1829 г. опредѣленъ ректоромъ Воронежской духовной семинаріи и учителемъ Богословскихъ наукъ. Вскорѣ онъ былъ назначенъ настоятелемъ Воронежскаго Акатова монастыря, присутствующимъ Воронежской консисторіи, благочиннымъ надъ монастырями и цензоромъ проповѣдей. 18-го Ноября 1829 г. опредѣленъ Попечителемъ Воронежскаго Комитета Императорскаго человеколюбиваго Общества; 16-го Апрѣля 1831 г. — членомъ Воронежскаго Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета. Въ 1832 г., въ воздаяніе отлично-усердной службы и трудовъ сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-й степени.

Не имѣя ученой академической степени, архимандритъ Иннокентій въ продолженіе прежней своей педагогической службы имѣлъ возможность хорошо изучить учебный курсъ и училищъ, и семинарій. Въ Воронежской семинаріи онъ считался знатокомъ богословія и преподавалъ его удовлетворительно. Въ 1832 г. ревизоръ архим. Іеремія писалъ о

немъ: «догматическія (инде впрочемъ излишне пространныя) на русскомъ языкѣ записки, составленныя ректоромъ Иннокентіемъ, показываютъ, что учитель много занимался богословіемъ, много и основательно въ немъ свѣдуещъ и посему достойнъ званія профессора» ¹⁾).

Но какъ начальникъ администраторъ арх. Иннокентій не пользовался ни симпатіями, ни уваженіемъ воспитанниковъ. Воспитанники даже и видѣли его очень рѣдко. Одинъ изъ нихъ вспоминаетъ о немъ, какъ о начальникѣ слабомъ и бездѣятельномъ, что, можетъ быть, объяснялось его болѣзненностью. Своею робостью, особенно передъ начальствомъ, онъ еще болѣе ронялъ себя въ глазахъ семинаристовъ. Ревизовавшій при немъ семинарію архим. Евлампій часто приходилъ въ семинарскіе номера, не увѣдомивши объ этомъ ни ректора, ни инспектора. Въ одно изъ такихъ внезапныхъ посѣщеній, рассказываетъ о. Свѣтозаровъ, «меня реториста откомандировали извѣстить ректора Иннокентія, помѣщавшагося на другомъ концѣ зданія. Одѣвшись наскоро, Иннокентій поспѣшно пошелъ со мною. Изъ почтенія я старался идти поодаль, но онъ ухватился за меня, и я чувствовалъ, что его било какъ въ сильнѣйшей лихорадкѣ. Подивился я мальчикъ такой встревоженности и робости ректора предъ ревизоромъ» ²⁾). Слабость архим. Иннокентія, какъ начальника заведенія, признана была и ревизоромъ архим. Іереміей, который въ своемъ отчетѣ предлагалъ замѣнить его кѣмъ-нибудь болѣе молодымъ и дѣятельнымъ. Поэтому въ 1834 г., по увольненіи отъ должности ректора, архим. Иннокентій былъ опредѣленъ настоятелемъ Трегуляева монастыря, Тамб. епархіи, гдѣ и умеръ въ 1856 г.

Архимандритъ Евтихіанъ Лестевъ (1833—1834 г.г.) обучался въ Нижегородской семинаріи и Петербургской академіи. По окончаніи академическаго курса со степенью ма-

¹⁾ Арх. Кіевск. академіи. 1832 г. № 9. — ²⁾ Воспоминанія о. Свѣтозарова, стр. 16—17.

гистра въ 1814 г., былъ опредѣленъ инспекторомъ Костромской семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ. Въ 1815 г. получилъ одобреніе отъ Коммиссіи духовныхъ училищъ за особенное прилежаніе въ прохожденіи инспекторской и профессорской должностей. Въ 1816 г. былъ ревизоромъ Костромскихъ училищъ; въ томъ же году изъяслена ему признательность за участіе въ сбереженіи суммы при устроеніи Костромской семинаріи. Въ 1819 г. представлено ему въ каждую субботу читать Новый Завѣтъ для всѣхъ учениковъ семинаріи и сопровождать чтеніе изустнымъ объясненіемъ. Въ томъ же году принялъ монашество. 28-го Сентября 1820 г. поручена ему должность ректора Костромской семинаріи. 2-го Января 1821 г. произведенъ въ игумена. 21-го Февраля назначенъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ Вологодскую семинарію. Съ 27-го Марта 1831 г. до 16-го Октября 1832 г. занимался чтеніемъ и изъясненіемъ св. Писанія Новаго Завѣта въ каждую субботу для всѣхъ учениковъ Вологодской семинаріи. 29-го Марта 1821 г. назначенъ присутствующимъ Вологодской консисторіи. 6-го Апрѣля возведенъ въ архимандрита и опредѣленъ настоятелемъ Спасоприлуцкаго монастыря. 10-го Юня назначенъ благочиннымъ надъ третьеклассными монастырями Вологодской епархіи. Съ 27-го Марта состоялъ цензоромъ проповѣдей. Въ 1830 г. былъ въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія и проповѣданія слова Божія. Въ 1831 г. былъ опредѣленъ архимандритомъ Богоявленскаго Пинскаго монастыря, Минской епархіи. Въ 1833 г. опредѣленъ ректоромъ Воронежской семинаріи.

О ректорствѣ архим. Евтихіана въ Воронежской семинаріи сохранились печатныя воспоминанія В. И. Асоченскаго ¹⁾ и прот. Свѣтозарова ²⁾. Кромѣ того, въ имѣющихся у насъ рукописныхъ воспоминаніяхъ о. Свѣтозарова есть

¹⁾ Дневникъ В. И. Асоченскаго. Истор. Вѣстн. 1882 г. Январь.

²⁾ Мои Воспоминанія. Православн. Собесѣдн. 1886 и отдѣльная брошюра.

еще нѣкоторыя частности, освѣщающія эту интересную личность. Отзывы этихъ двухъ авторовъ объ арх. Евтихіанѣ во многомъ діаметрально противоположны. Но принимая во вниманіе желчность Аскоченскаго и его всѣмъ извѣстныя передержки въ литературныхъ трудахъ, а также согласіе его въ нѣкоторыхъ основныхъ положеніяхъ съ о. Свѣтозаровымъ,—приходится отдать предпочтеніе послѣднему.

О. ректоръ Евтихіанъ, говоритъ Аскоченскій, былъ однимъ изъ ученѣйшихъ людей тогдашняго времени, онъ зналъ Библію съ изумительною подробностію и вѣрностію. Но этого мало сказать о немъ, прибавляетъ о. Свѣтозаровъ. Это былъ, если можно такъ выразиться, исполнивъ богословской науки и другихъ многихъ предметовъ, преподававшихся тогда въ семинаріи. Св. Писаніе онъ зналъ, кажется, отъ первой строки до послѣдней въ такомъ совершенствѣ, что любой текстъ прочитаетъ, бывало, наизусть и скажетъ въ какой онъ книгѣ, въ какой главѣ и какой стихъ. О. Евтихіанъ во время преподаванія никогда не имѣлъ передъ собою никакой книги. Онъ справедливо могъ говорить о себѣ: *omnia mecum porto*. Лекціи свои онъ началъ объясненіемъ Библіи съ книги Бытія, но объясненіе это далеко было не таково, какъ обыкновенно понимается въ тѣсномъ смыслѣ. Оно отличалось необыкновенною глубиною, основательностію и многообъемлемостію. Прочитавши, напримѣръ, первыя слова книги Бытія: «Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю», о. Евтихіанъ со всею подробностію излагалъ ученіе о единомъ Богѣ и свойствахъ Божіихъ, о Троичности Лицъ Божества, сводя всѣ мѣста Ветхаго и Новаго Завѣта, относящіяся къ подтвержденію сихъ догматовъ православнаго вѣроученія и объясняя въ подробности каждый текстъ. Въ случаѣ неточности славянскаго перевода ректоръ Евтихіанъ читывалъ извѣстный стихъ св. Писанія по еврейски, если оный былъ изъ Ветхаго Завѣта, по гречески и по латыни, и на послѣднемъ языкѣ по разнымъ пе-

реводамъ (Вульгаты, Тремеллія и Безы) и всякій разъ безъ пособія книги или записокъ. Точно также, продолжая объяснять первыя главы книги Бытія, онъ преподавалъ во всей полнотѣ ученіе о твореніи міра, о блаженномъ состояніи первыхъ человѣковъ въ раю, о паденіи ихъ и о послѣдствіяхъ первороднаго грѣха, о благодати искупленія, объ ангелахъ добрыхъ и злыхъ, о св. Духѣ, о безсмертіи души, о вѣчномъ воздаяніи за добрыя и злыя дѣла, и прочее все изъ догматическаго богословія, пользуясь библейскимъ бытописаніемъ только какъ темою для изложенія догматовъ вѣроученія, и съ такою, повторяю, полнотою, что лучшаго и желать нельзя. Объясненія свои онъ обязывалъ каждаго воспитанника записывать и послѣ излагать своими словами. Посему совершенно не вѣрно сказанное въ воспоминаніяхъ Виктора Ипатьевича, что при ректорѣ Евтихіанѣ будто «мы ровно ничего не знали изъ богословія и что онъ въ короткое время своего ректорства чуть было не уронилъ тогда цвѣтущей Воронежской семинаріи». А я могу засвидѣтельствовать, что именно преподанное намъ о. Евтихіаномъ изъ богословія усвоилось прочно и основательно по сіе время, тогда какъ заученное на память изъ того же предмета и другихъ прежде и послѣ давно улетучилось изъ головы.

Приснопамятный ректоръ сей былъ человѣкъ примѣрной дѣятельности и преданности своему дѣлу. Несмотря на преклонныя лѣта и болѣзненность свою, онъ являлся въ аудиторію ровно въ 8 часовъ и просиживалъ безъ перерыва иногда до 12 часовъ, т. е. четыре часа сряду. И замѣчательно, что эти 4 часа мы просиживали на лекціяхъ о. Евтихіана безъ всякаго утомленія, сохраняя полное вниманіе къ преподаваемому, тогда какъ на нѣкоторыхъ другихъ классахъ утомительно было просидѣть и полтора часа. Напряженность и продолжительность вниманія учениковъ зависѣла отнюдь не отъ шутокъ ректора, а тѣмъ менѣе отъ кощунственныхъ выходокъ его надъ текстами св. Писанія,

какъ извращаетъ фактъ Виет. Ипатьевичъ Правда, о. Евтихіанъ подшучивалъ иногда надъ нѣкоторыми изъ нашихъ товарищей, но шутки эти имѣли у него педагогическую цѣль и значеніе: шутки эти были направлены противъ выдающихся недостатковъ въ характерѣ и поведеніи учениковъ и имѣли цѣлю исправленіе ихъ. Онѣ были у него единственною карательною мѣрою противъ ученическихъ проступковъ или какой-либо дурной черты въ ихъ характерѣ и поведеніи. Никакихъ другихъ взысканій, кромѣ выговоровъ, увѣщаній и выставленія грязности поступка иногда съ юморомъ передъ цѣлымъ классомъ онъ не употреблялъ. А какою необычайною силою отличалось его слово обличенія, хотя и въ шуточной формѣ?! Одинъ изъ нашихъ лучшихъ товарищей С. Ф. Казминъ, замѣченный однажды въ употребленіи хмѣльныхъ напитковъ, сознавался мнѣ, что выговорами и остротами ректора Евтихіана насчетъ сего поступка онъ едва не доведенъ былъ до крайняго упадка духа. Замѣтивъ это, Евтихіанъ попрежнему сдѣлался къ нему благосклоненъ и болѣе не напоминалъ ему о проступкѣ. Быть можетъ такія остроты, не лишеныя юмора, представились Асоченскому слишкомъ рѣзкими и возведены имъ въ кощунства: но иное дѣло остроты надъ ученическими недостатками, иное дѣло кощунства. Свѣтлую личность о. Евтихіана, старца солиднаго и, по сознанію самого Асоченскаго, благоговѣйнаго, ни съ чѣмъ несообразно укорять въ кощунствѣ. Напротивъ, всѣ объясненія его отличались глубокимъ благоговѣніемъ къ священному тексту. Я твердо помню, что при чтеніи и объясненіи библейскихъ словъ: «позна Адамъ жену свою» (Бытія 4 гл., 1 ср. 5, 17), и «вхождаху сынове Божіи къ дочеремъ человѣческимъ и рождаху себѣ» и т. п. онъ съ удареніемъ замѣчалъ, какъ цѣломудренно выражается слово Божіе о предметахъ интимныхъ и студныхъ. Можно-ли послѣ сего допустить, чтобы такой наставникъ могъ позволить себѣ дѣлать въ аудиторіи нецѣломудренныя намеки и говорить кощунствен-

ные прибаутки ученикамъ? Не хвастаясь скажу, что большинство студентовъ богословія (такъ мы величали себя во время оно), настолько степенно важно держали себя, что серьезнымъ видомъ выразили-бы неодобреніе за подобныя выходки, оскорбительныя для цѣломудреннаго слуха, а не то, чтобы хохотомъ поощрять на оныя.

Еще непригляднѣе и несправедливѣе замѣтки Аскаченскаго, что ректоръ Евтихіанъ будто «не оставлялъ кошуна своего и въ храмъ Божіемъ». Страдая нервною болѣзнію, а потому избѣгая духоты отъ многолюдства, онъ дѣйствительно становился иногда во время богослуженія не въ церкви, а въ корридорѣ у дверей, недалеко отъ праваго клироса, но о какихъ-либо его шуткахъ и непристойныхъ насмѣшкахъ надъ пѣвчими ничего не было слышно. «Помню, пишетъ Аскаченскій, однажды онъ заставилъ оба хора пѣть посреди церкви осмигласный концертъ. Тогда было въ обычаѣ кричать напропалую. Басы изъ кожи лѣзли, выбрикаявая *forte* и *fortissimo*». О. Свѣтозаровъ напротивъ утверждаетъ, что Евтихіанъ не любилъ партеснаго пѣнія. «Въ одной дубинчкѣ по семи бѣсовъ»,—такъ характерно отзывался онъ о партесной нотѣ, выражая тѣмъ все безобратіе вычурностей итальянскаго пѣнія и несоотвѣтствіе онаго святости храма Божія и нашему православному богослуженію. Поэтому онъ рекомендовалъ хору простое обиходное пѣніе, что, разумѣется, пѣвчимъ было не по нраву.

Закидавъ грязью высокопочтеннаго о. ректора Евтихіана, Аскаченскій прибавилъ, что «при всемъ томъ (т. е. при кошунственныхъ его выходкахъ?) его любили и уважали». Не странно-ли это? Если любили и уважали, то, безъ сомнѣнія, было за что любить и уважать. Любили за его отеческое отношеніе къ воспитанникамъ, уважали за его ученость и обширныя познанія по многимъ предметамъ и рѣдкую заботливость и умѣніе передать намъ свои познанія» ¹⁾.

¹⁾ Прот. Свѣтозаровъ, Мои. воспоминанія, стр. 3—10.

Арх. Евтихіанъ прослужилъ въ Воронежской семинаріи только около года. Онъ не сошелся съ семинарскою корпораціею, которую онъ вооружилъ противъ себя своими замѣчаніями и волкостями относительно поведенія молодыхъ профессоровъ и особенно инспектора іером. Пантелеймона. Последніе всячески оговаривали его предъ арх. Антоніемъ. Къ тому же и самъ Евтихіанъ иногда не удерживался отъ рѣзкихъ словъ по адресу архіерея. Напр., по разсказу Аскоченскаго, онъ даже изорвалъ официальную бумагу съ архіерейскою резолюціею, разрѣшавшей Аскоченскому поступленіе въ университетъ, и будто-бы сказалъ пр. Антонію: «извольте распоряжаться вашими попами и дьячками, а моихъ студентовъ предоставьте мнѣ; Аскоченскій мнѣ нуженъ для академіи».

Въ 1834 г. арх. Евтихіанъ былъ отрѣшенъ отъ должности ректора. Скончался на покоѣ въ какомъ-то монастырѣ.

Архимандритъ Варлаамъ Успенскій (1834—1837 г.г.)
обучался въ Рязанской семинаріи и Московской дух. академіи. Еще состоя студентомъ академіи, Успенскій принялъ монашество. По окончаніи курса академіи магистромъ, 13 августа 1828 г. опредѣленъ инспекторомъ и профессоромъ церковной исторіи и греческаго языка въ Виѣанской семинаріи. 6 Октября 1831 г. причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Московскаго Донскаго монастыря. 19 Августа 1832 г. Правленіемъ Семинаріи представленъ, «за ревностную и усердную службу по должности инспектора и профессора семинаріи, за постоянно честное и строгое поведеніе, а также за неослабное и усердное четырехъ-лѣтнее прохожденіе должности члена Комитета Виѣанской семинаріи», къ награждѣнію саномъ архимандрита безъ монастыря. Съ 1 Сентября 1832 г. по 17 Января 1833 г. былъ инспекторомъ и профессоромъ богословія и еврейскаго языка въ Тульской семинаріи. 17 Января 1833 г. назначенъ ректоромъ Тульской семинаріи и архимандритомъ Бѣлевскаго третьекласснаго Спасо-

преображенскаго монастыря. 28 Января опредѣленъ членомъ Консисторіи. 14 ноября 1833 г. отъ Коммиссіи дух. училищъ изъявлена ему благодарность «за приведеніе въ законную ясность безпорядковъ и упущеній по библіотекѣ въ Виванской семинаріи». 10 Мая 1834 года перемѣщенъ ректоромъ въ Воронежскую семинарію съ назначеніемъ архимандритомъ Акатова монастыря, членомъ Воронежской Консисторіи и цензоромъ проповѣдей. 15 Марта 1835 г. назначенъ попечителемъ Ворон. Комитета Императ. человеколюбиваго Общества о бѣдныхъ. Въ продолженіе первой трети 183⁴/₅ учебнаго года изъяснялъ св. Писаніе въ общемъ собраніи всѣхъ учениковъ семинаріи. 22 Іюля назначенъ членомъ Воронежскаго тюремнаго Попечительнаго Комитета.

Это «былъ хорошій и усердный наставникъ, заботившійся о развитіи и самодѣтельности мысли учениковъ; и при томъ дѣятельный и заботливый начальникъ, въ высшей степени нестяжательный, строгой, аскетической жизни, съ очень добрымъ сердцемъ, хотя по вѣншности казавшійся всегда серьезнымъ и даже суровымъ,—улыбка рѣдко появлялась на его лицѣ. Воспитанникамъ его класса вздумалось въ день его именинъ поднести ему шелковой матеріи на рясу и чрезъ выбранную депутацію поздравить его со днемъ Ангела съ произнесеніемъ рѣчей. Привѣтствіе онъ принялъ весьма любезно—отечески, былъ видимо очень доволенъ и тутъ только показался въ веселомъ, радостномъ настроеніи, но отъ поднесенія наотрѣзъ отказался, несмотря на усиленные просьбы. Принуждены были подарокъ отдать въ церковь.—Столъ о. Варлаама былъ чисто монашескій: къ обѣду обыкновенно приносилось ему—небольшой горшочекъ горячаго, пшенная каша и по временамъ свѣжая щука. Сердечное отношеніе къ ученикамъ этимъ повидимому строгимъ монахомъ обнаруживалось въ его участіи къ больнымъ, которыхъ онъ часто навѣщалъ въ больницѣ.—Человѣкъ строгихъ, монашескихъ правилъ, о. Варлаамъ не заводилъ зна-

комствъ съ свѣтскими людьми, а весь отдавался исполненію своихъ обязанностей ⁴⁾.

Но и этому ректору не удалось долго продержаться въ Воронежской семинаріи. Въ Воронежскомъ духовномъ мірѣ въ то время пользовался особымъ вліяніемъ архим. Теофилъ, человѣкъ сомнительной нравственности, но хитрый, умѣвшій втереться въ довѣріе пр. Антонія. По навѣстамъ этого архимандрита и состоялось перемѣщеніе арх. Варлаама. Оффициально извѣстенъ только одинъ фактъ изъ борьбы ректора съ архим. Теофиломъ.

Въ концѣ 1836 г., по предписанію высшаго духовно-учебнаго начальства, учрежденъ былъ временный ревизіонный Комитетъ для повѣрки экономическихъ отчетовъ семинаріи и училищъ съ 1833 по 1837 г. Выполняя это предписаніе, пр. Антоній назначилъ въ члены Комитета лицъ, не угодныхъ Семинарскому Правленію. Особенно недовольно было Правленіе старшимъ членомъ Комитета, архим. Теофиломъ. Вѣроятно, опасаясь придирчивости и пристрастія со стороны Комитета, Семинарское Правленіе, еще раньше ревизіи, входило въ Кіевское Правленіе съ просьбою «не оставить его своимъ покровительствомъ и защитою въ случаѣ непріятныхъ какихъ-либо распоряженій со стороны Комитета для Сем. Правленія»; къ тому же, прибавляло Сем. Правленіе, есть такое лицо, которому училищное начальство не безъ опасенія можетъ довѣрить въ семъ дѣлѣ, потому что оно только что освободилось отъ тяжелой епитимьи, малое время на немъ лежавшей»... Академическое Правленіе отослало это представленіе въ Коммиссію духовныхъ училищъ. Послѣдняя, «разсмотрѣвъ подробности сего донесенія, нашла, что Воронежское Семинарское Правленіе неумѣстно замѣчаетъ объ открытіи Комитета менѣе нежели черезъ сутки по извѣщеніи о немъ Семинарскаго Правле-

⁴⁾ Воспоминанія прот. Е. Г. Свѣтзарова, стр. 29—31.

нія, — ибо скорое исполненіе предписанія начальства не можетъ подлежать никакой жалобѣ или протесту; — неприлично и съ неприличнымъ видомъ разсуждаетъ о распоряженіяхъ епархіальнаго преосвященнаго, что оно обязано приводить дѣла въ исполненіе всегда по предписаніямъ Академическаго Правленія, — ибо обязанность его есть исполнять законныя предписанія епархіальнаго преосвященнаго, какъ главнаго своего начальника, несмотря на то, есть-ли о томъ предметъ предписанія Академическаго Правленія, или нѣтъ; — неприлично отзывается о распоряженіяхъ епархіальнаго преосвященнаго: якобы въ цѣлой епархіи не усматривается надежныхъ лицъ для Ревизіоннаго Комитета, — ибо судить о достоинствахъ лицъ епархіальной службы принадлежитъ епархіальному преосвященному, а Семинарское Правленіе не имѣетъ права касаться сего сужденія; — посему не слѣдовало-бы Семинарскому Правленію касаться личныхъ качествъ перваго члена Комитета и производившихся о немъ дѣлъ, особенно тогда, когда онъ еще не приступилъ къ дѣйствию и слѣдовательно опасенія Правленія преждевременны. Вслѣдствіе этого Комиссія положила: хотя членовъ Правленія за несообразное съ обязанностями ихъ, по отношенію къ епархіальному архіерею, донесеніе и за допущеніе въ донесеніи несоотвѣтственныхъ выраженій, слѣдовало-бы подвергнуть законной отвѣтственности, но пріемля въ разсужденіе, что они предписаніе епархіальнаго архіерея исполнили и представленіемъ въ Академическое Правленіе вошли только для огражденія себя отъ будущихъ случаевъ, и потому относя сей поступокъ къ неосмотрительности, а не къ намѣренію противодѣйствовать власти мѣстнаго преосвященнаго, сдѣлать имъ, членамъ Правленія, строгое замѣчаніе съ такимъ присовокупленіемъ, что замѣчаніе сіе тогда только не внесено будетъ въ послужные ихъ списки, когда они испросятъ себѣ у пр. архіепископа Антонія прощеніе, а дабы происшедшія недоразумѣнія не могли имѣть

дальнѣйшихъ послѣдствій, то ректора Воронежской семинаріи перевести въ Курскую, а Курскаго въ Воронежскую». 30-го Апрѣля 1837 г.

Архимандритъ Елпидифоръ (Венедиктовъ) (1837—1842 г.г.), по окончаніи курса Ярославской семинаріи поступилъ въ Петербургскую академію, гдѣ кончилъ курсъ старшимъ кандидатомъ; съ 1-го Сентября 1825 года былъ учителемъ греческаго и французскаго языковъ въ Архангельской семинаріи; съ 3-го Ноября—секретаремъ Правленія; съ 12 Марта 1826 г.—учителемъ математики и еврейскаго языка; 10-го Сентября 1827 г. утвержденъ въ степени магистра; съ 1-го Октября 1829 г.—инспекторъ и профессоръ философіи въ Новгородской семинаріи; 28-го Ноября постриженъ въ монашество; съ 30-го Января 1830 г.—соборный іеромонахъ Александровской Лавры; съ Декабря 1830 г. по 22 Мая 1831 г.—помощникъ цензора проповѣдей; съ 15-го Января по 1-е Іюля 1832 г. исправлялъ должность учителя еврейскаго языка; съ 8 го Марта по 23 Мая исправлялъ должность ректора и профессора богословія; съ 14-го Апрѣля 1832 г.—ректоръ Курской семинаріи; съ 22 Мая возведенъ въ архимандрита Бѣлогородскаго Николаевскаго монастыря, съ 15-го Іюля—присутствующій въ Курской Консistorіи; съ 1-го Августа—благочинный монастырей и цензоръ проповѣдей; съ 29-го Ноября—настоятель второкласснаго Троицкаго монастыря; 18-го Апрѣля 1836 г. награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст.; съ 30 Апрѣля 1837 г.—ректоръ Воронежской семинаріи и настоятель второкласснаго Алексѣевскаго Акатова монастыря, присутствующій въ Консistorіи, благочинный монастырей, цензоръ проповѣдей.

О ректорѣ арх. Елпидифорѣ, какъ о начальникѣ семинаріи, сохранились самыя свѣтлыя и отрадныя воспоминанія. Онъ былъ отличнымъ преподавателемъ богословія, виднымъ проповѣдникомъ и добрымъ начальникомъ. 2-го Февраля 1842 г. онъ былъ хиротонисанъ во епископа, вика-

рія Воронежской епархіи. Но и послѣ этого онъ еще не совсѣмъ оставилъ семинарію. Въ санѣ епископа онъ съ участіемъ относился къ семинарской жизни, особенно во время болѣзни его преемника арх. Стефана. Преосвящ. Антоній даже думалъ поручить ему семинарію, будучи увѣренъ, «что преосв. Елпидифоръ по благоразумію своему приведеніемъ въ должный порядокъ и исправленіемъ семинарскихъ дѣлъ такое ему доставить утѣшеніе и спокойствіе, которымъ тотъ успокаиваетъ его, раздѣляя съ нимъ епаршескіе труды». Впрочемъ, прошеніе преосв. Антонія объ этомъ, поданное къ оберъ-прокурору Св. Синода, не было уважено. 1-го Марта 1848 г. пр. Елпидифоръ переведенъ на кафедру епископа Харьковскаго, 6-го Ноября того-же года—въ Каменецъ-Подольскъ. 29-го Марта 1851 г. переденъ въ Вятку, а потомъ въ Крымъ; скончался въ 1860 г., вскорѣ по увольненіи отъ управленія Таврическою епархіею.

Архимандритъ Стефанъ (Зелятровъ) (1842—1844 г.)
по окончаніи курса въ Тульской семинаріи въ 1820 г. обучался въ Петербургской академіи; 2-го Августа 1825 г. постриженъ въ монахи, 29-го посвященъ въ іеромонаха; по окончаніи курса, въ томъ же году назначенъ инспекторомъ и учителемъ философіи въ Смоленской семинаріи; 17-го Декабря утвержденъ въ степени старшаго кандидата академіи; 28-го Октября возведенъ на степень магистра; 8-го Мая 1828 г. переведенъ инспекторомъ и профессоромъ философскихъ наукъ въ Московскую семинарію. 17-го Сентября удостоенъ званія соборнаго іеромонаха Москов. Донскаго монастыря; въ Февралѣ 1829 г. опредѣленъ ректоромъ и богословскихъ наукъ профессоромъ Тульской семинаріи; 25-го Марта произведенъ въ архимандрита Бѣлевскаго Спасо-Преображенскаго третьекласснаго монастыря, 29-го—присутствующимъ дух. Консисторіи; 11-го Января 1833 г. перемѣщенъ ректоромъ въ Казанскую семинарію; 27-го Января назначенъ настоятелемъ Спасо-Преображенскаго монастыря.

ря; 2-го Марта опредѣленъ членомъ Казанской Консисторіи; 13-го Декабря назначенъ первенствующимъ членомъ Казанскаго цензурнаго Комитета; 14-го Іюля 1834 г. и 15-го Іюля 1835 г. была изъявлена архипастьерская признательность за ревностные труды и усердіе и успѣхи учащихся; 30-го Апрѣля 1835 г. награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени; 12-го Августа былъ Коммиссіею дух. училищъ отправленъ ревизоромъ въ Вятку для освидѣтельствванія духовно-училищныхъ зданій и обревизованія тамошнихъ духовныхъ учебныхъ заведеній по экономической части; 22-го Сентября 1836 г. за найденный Государемъ Императоромъ въ бытность его въ соборѣ и женскомъ монастырѣ порядокъ изъявлена ему, какъ первому епархіальному лицу при приѣмѣ Государя, пастырская признательность Казанскаго архіепископа Филарета Амфитеатрова, проживавшаго въ это время въ Петербургѣ. Въ 1837 г. обзрѣвалъ Тобольскія духовныя учебныя заведенія по всѣмъ частямъ управленія; 1841 г. провелъ въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія и проповѣди Слова Божія и состоялъ членомъ Комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія конспектовъ о преподаваніи учебныхъ предметовъ въ семинаріяхъ; въ Январѣ 1842 г. назначенъ ректоромъ и профессоромъ Воронежской семинаріи, съ оставленіемъ за нимъ Казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря; 13-го Марта былъ опредѣленъ первенствующимъ членомъ Воронежской Консисторіи и цензоромъ проповѣдей. За 184^{2/3} г. аттестованъ: «поведенія примѣрно-хорошаго, въ должности отлично исправенъ и благонадеженъ». 22 Февраля 1844 г. подалъ прошеніе объ увольненіи, по болѣзни: разбитый параличемъ «отъ непрерывной дѣятельности силъ умственныхъ и физическихъ и сидячаго образа жизни», онъ призналъ себя неспособнымъ къ продолженію училищной службы. Въ Апрѣль 1844 г. архим. Стефанъ назначенъ настоятелемъ Мценскаго третьекласснаго монастыря, Орловской епархіи, гдѣ и умеръ 9 Мая 1846 года.

Архимандритъ Симеонъ (Авдуловскій) (1844—1848 г.г.), по окончаніи курса въ Тульской семинаріи, поступилъ въ Московскую академію. Еще состоя студентомъ академіи, онъ принялъ монашество. По окончаніи академич. курса въ 1836 г., назначенъ инспекторомъ и наставникомъ философскихъ наукъ въ Екатеринославскую семинарію. 1 Декабря 1836 г. утвержденъ въ степени магистра. Съ 14 Ноября 1839 г. до 15 Ноября 1841 г. преподавалъ въ среднемъ отдѣленіи св. Писаніе и Герменевтику; съ 3 Сент. 1841 г. — латинскій языкъ; съ 1 Декабря — еврейскій языкъ. Съ 5 Декабря 1841 г. до 10 Мая 1844 г. исправлялъ должность ректора Екатеринославской семинаріи и профессора богосл. наукъ, не слагая съ себя должности инспектора и другихъ должностей. 3 Января 1843 г. возведенъ въ архимандрита съ присвоеніемъ ему правъ настоятеля третьекласснаго монастыря. 12 Апрѣля 1844 г. опредѣленъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ Воронежскую семинарію; 19 Августа назначенъ первоприсутствующимъ членомъ Консисторіи и цензоромъ проповѣдей. 25 Сент. 1845 г., за отлично-усердное прохожденіе должностей, при примѣрно-честномъ поведеніи, а равно за сбереженіе казеннаго интереса при производствѣ работъ по семинаріи, простирающагося свыше 1000 р., былъ представленъ къ ордену св. Анна 2 ст., но удостоился только благословенія Св. Синода.

Въ кратковременное правленіе семинаріей, архим. Симеонъ заявилъ себя, какъ уже сказано, заботами о казенномъ интересѣ. Какъ представитель семинаріи, онъ отличался общительностью и даже свѣтскостью. При немъ и подъ его руководствомъ устраиваются особенно торжественные публичные диспуты, на которые приглашались представители всѣхъ сословій и учреждений, во главѣ съ архіереемъ и губернаторомъ. Даже дамы имѣли доступъ на эти экзамены: для нихъ отводились мѣста на хорахъ.

5 Декабря 1846 г. архим. Симеонъ вызванъ на чреду въ Петербургъ. Временно его должности исправляли другіе члены Правленія. Съ 1848 г. по 1850 г. онъ состоялъ ректоромъ Черниговской семинаріи. 31 Августа переведень въ Московскій Донской монастырь настоятелемъ, гдѣ и скончался 21 Февраля 1852 года.

Архимандритъ Илларионъ (Боголюбовъ) (1847—1862 г.г.) обучался въ Рязанской семинаріи и Московской академіи, гдѣ окончилъ курсъ магистромъ. 26 Сентября 1842 г. опредѣленъ бакалавромъ Московской академіи по классу Патристики. 18 Октября 1842 г. принялъ монашество. 17 Февраля 1845 г. опредѣленъ помощникомъ бібліотекаря академіи; 5 Мая причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Московск. Донского монастыря. 18 Іюня 1847 г. утвержденъ въ должности инспектора академіи. 7 Іюля 1847 г. опредѣленъ ректоромъ Воронежской семинаріи; 19 Февр. 1848 г.—профессоромъ богословскихъ наукъ; 21 Марта—возведенъ въ санъ архимандрита; 22 Апрѣля назначенъ членомъ Воронежской Консисторіи; 15 Сент.—членомъ строительнаго Комитета по возобновленію зданій Воронежскихъ училищъ и цензоромъ проповѣдей. 27 Мая 1854 г. опредѣленъ настоятелемъ Акатова монастыря. Въ 1856 г., за весьма усердную службу объявлено ему благословеніе Св. Синода; 17 Мая 1857 г. награжденъ орденомъ св. Анна 2 ст.

Вялый и апатичный по природѣ, арх. Илларионъ очень холодно относился къ своему дѣлу въ Воронежской семинаріи. Начавши свою службу при академіи, онъ мечталъ о болѣе видной карьерѣ. Считая себя обойденнымъ въ служебномъ отношеніи, онъ не обращалъ почти никакого вниманія на семинарію. Даже въ качествѣ наставника семинаріи этотъ бывший бакалавръ считался однимъ изъ самыхъ посредственныхъ. По богословію онъ не стѣснялся читать ученикамъ богословіе по книгѣ пр. Антонія (Догматическое

богословіе) и даже совсѣмъ не объяснялъ этого очень сжатаго руководства. Также мало обращалъ онъ вниманія и на воспитательное и экономическое положеніе семинаріи. Поэтому семинарія въ его довольно продолжительное управленіе сильно упала. Это утверждаютъ и семинаристы того времени, и высшее начальство. Ревизія семинаріи, произведенная ректоромъ Кіевской академіи архим. Іоанникиемъ, окончилась увольненіемъ арх. Иларіона отъ ректорской должности, въ 1862 г., послѣ чего онъ опредѣленъ былъ настоятелемъ второкласснаго Макаріева Желтоводскаго монастыря, Нижегород. епархіи. Отсюда онъ, согласно прошенію, былъ переведенъ въ Саратовскую епархію, въ одинъ изъ монастырей, гдѣ и скончался.

Будучи бакалавромъ академіи, арх. Иларіонъ составилъ записки по Патрологіи. Но они остались въ рукописи.

Имъ же составлено и издано Краткое описаніе Воронежскаго Акатова Алексѣева монастыря (перепечатанное въ Ворон. Епарх. Вѣдомостяхъ за 1884 г.).

Архимандритъ Θεодосій (Шаповаленко) (1862—1863 г.г.) обучался въ Екатеринославской семинаріи и Кіевской академіи, откуда вышелъ со степенью магистра. 27 Сентября 1839 г. опредѣленъ профессоромъ Полтавской семинаріи по классу богословія. 22 Октября принялъ монашество. Съ 9 Января по 15 Юля 1841 г. безмездно преподавалъ ученикамъ высшаго отдѣленія Св. Писаніе. Съ 1 Сент. 1841 г. по 1 Янв. 1842 г. и съ 16 Янв. 1843 г. по 18 Янв. 1845 г. преподавалъ французскій языкъ; со 2 Марта 1843 г. по 23 Апрѣля 1845 г. состоялъ инспекторомъ семинаріи; 22 Мая 1845 г. причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Кіево-Печерской Лавры. Съ 23 Апрѣля 1845 г. по 20 Окт. 1848 г. состоялъ инспекторомъ Кіевской семинаріи. 20 Октября 1848 г. опредѣленъ ректоромъ Волынской семинаріи, членомъ Волынской Консисторіи и Кременецкаго уѣзднаго попечительнаго Комитета о тюрьмахъ.

12 Ноября 1848 г. произведенъ въ архимандрита и настоятеля Загаецкаго 3-класснаго монастыря. 3 Декабря 1852 г. опредѣленъ ректоромъ Полтавской семинаріи, съ присвоеніемъ ему лично степени настоятеля 2-класснаго монастыря. 20 Іюня 1852 г. за усердную и ревностную службу ему объявлено благословеніе Св. Синода. 26 Августа 1856 г. пожалованъ орденомъ св. Анны 2 ст. 14 Декабря 1859 г. вызванъ на чреду священнослуженія и проповѣди Слова Божія въ Петербургъ. Въ 1862 г. назначенъ ректоромъ Воронежской семинаріи. Арх. Θεодосію пришлось много потрудиться надъ возстановленіемъ семинаріи, сильно упавшей при арх. Іларіонѣ. И несмотря на свое кратковременное пребываніе въ Воронежской семинаріи, онъ успѣлъ значительно поднять ее. Ученики, привыкшіе къ монотонному и скучному преподаванію арх. Іларіона, были сильно заинтересованы увлекательными лекціями новаго ректора, который къ тому же внимательно присматривался къ способностямъ своихъ слушателей. Пріѣхавши за три мѣсяца до экзаменовъ, онъ успѣлъ хорошо освоиться съ своими учениками: составленный имъ разрядный списокъ учениковъ произвелъ большую перемѣну въ постановкѣ учениковъ. На первомъ же экзаменѣ онъ обратилъ вниманіе на то, чтобы обращали вниманіе при оцѣнкѣ учениковъ не на одни главные предметы, а на всѣ предметы семинарскаго курса. Своею справедливостью, добросовѣстнымъ отношеніемъ въ своей должности, безпристрастною требовательностью къ другимъ, гуманнымъ обращеніемъ и талантливымъ преподаваніемъ, арх. Θεодосій приобрѣлъ уваженіе и любовь со стороны учениковъ «Смѣло можно сказать, что это былъ лучший въ Воронежской семинаріи ректоръ» ¹⁾. Съ уваженіемъ относились къ нему и духовенство Воронежской епархіи.

1-го Сентября 1863 г. арх. Θεодосій былъ назначенъ

¹⁾ Ректоры семинаріи, стр. 52.

епископомъ въ Тамбовѣ. Тамъ онъ заявилъ себя такою-же плодотворною дѣятельностью. 13-го Іюля 1873 г. былъ переведенъ въ Вологду. Скончался въ 1883 г. въ санѣ архіепископа.

Архимандритъ Θεодосій II (Макаренко) (1863—1867 г.г.) обучался въ Черниговской семинаріи и Кіевской академіи. Въ 1849 г. опредѣленъ въ Смоленскую семинарію на гражданскую исторію, катехизическое ученіе, ученіе о богослужебныхъ книгахъ, священ. Писаніе и греческій языкъ. Съ 10-го Февраля 1851 г. до 29-го Іюня 1853 г. былъ членомъ Комитета, учрежденнаго для описанія Смоленской епархіи. Съ 1-го Апрѣля 1851 г. по 30-е Апрѣля 1853 г. былъ помощникомъ инспектора семинаріи. Съ 10 Сент. 1851 г. до 20 Іюля 1853 г. состоялъ секретаремъ Комитета по исправленію зданій Смоленской семинаріи. Въ 1850 г. утвержденъ въ степени магистра. Съ 22 Іюня 1852 г. по 23 Іюля 1853 г. состоялъ учителемъ Смоленскаго училища дѣвицъ духовнаго званія—безмездно. 15 Января 1853 г. за особенные труды по Комитету, учрежденному для описанія Смоленской епархіи, епархіальнымъ преосвященнымъ объявлены ему архипастырское благословеніе и признательность. 28 Марта 1853 г. опредѣленъ ректоромъ Вяземскихъ духовныхъ училищъ. 22 Мая 1853 г. опредѣленъ священникомъ къ Вяземскому собору. 20 Іюля 1853 г. опредѣленъ цензоромъ проповѣдей въ Вяземскомъ уѣздѣ. 3 Августа 1853 г. назначенъ присутствующимъ Вяземскаго дух. Правленія. Въ 1854 г. занимался составленіемъ подробнѣйшей описи Вяземскаго собора. Въ томъ же году, по представленію г. начальника губерніи, Министромъ Вн. Дѣлъ утвержденъ членомъ-корреспондентомъ Смоленскаго Статистическаго Комитета. 29 Іюня 1855 г. возведенъ въ санъ протоіерея. За содѣйствіе при составленіи Памятной книжки Смоленской губерніи объявлена ему 18 Ноября 1857 г. благодарность Смоленскаго Статистическаго Комитета, которая повторена 28 Ноября того же года

за своевременное и усердное доставленіе статистическихъ свѣдѣній. 3 Февраля 1860 г. утвержденъ директоромъ попечительнаго о тюрьмахъ общества. 16 Марта 1860 г. опредѣленъ инспекторомъ и профессоромъ богословія въ Смоленскую семинарію. 3 Мая 1861 г. постриженъ въ монашество. 24 Августа 1861 г., за доставленіе Статистич. Комитету полезныхъ свѣдѣній и за дѣятельное участіе въ изданіи Памятной книжки Смоленской губ., объявлена ему чрезъ Комитетъ искренняя и особенная признательность г. Министра Вн. Дѣлъ. 23 Окт. 1861 г. назначенъ непременнымъ членомъ Смоленскаго губернскаго Статистическаго Комитета. 29 Марта 1862 г. переведенъ на должность инспектора и профессора Петербургской семинаріи. 15 Апрѣля 1862 г. возведенъ въ санъ архимандрита. 28 Августа 1863 г. опредѣленъ ректоромъ и профессоромъ богословія въ Воронежскую семинарію и настоятелемъ 2-класснаго Агатово монастыря. Здѣсь онъ состоялъ членомъ Консисторіи, цензоромъ проповѣдей и благочиннымъ монастырей Воронежской епархіи. Въ 1865 г. было разрѣшено изданіе Воронеж. Епарх. Вѣдомостей. Архим. Θεодосій состоялъ первымъ ихъ редакторомъ; иногда онъ помѣщалъ въ нихъ свои проповѣди и статьи. 26 Марта 1866 г. пожалованъ орденомъ св. Анны 2 ст. Въ 1867 г. хиротонисанъ въ санъ епископа Острогожскаго, викарія Воронежской епархіи. Въ 1870 г. переведенъ на Екатеринославскую кафедру. Скончался 4 Февраля 1885 г.

Бромъ сотрудничества въ Смоленскомъ Статистич. Комитетѣ и редакторства при изданіи Воронежскихъ Епарх. Вѣдомостей, преосв. Θεодосій заявилъ себя ученою дѣятельностью и на Екатеринославской кафедрѣ. Отъ него остались: «Матеріалы для историко-статистическаго описанія Екатеринославской епархіи» выпускъ 1 (573 стр.) и 2 (372 стр.) и «Сборникъ XXV словъ объ основныхъ истинахъ христіанской вѣры» (1884 г.).

Архимандритъ Веніаминъ (Быковскій) (1867—1872 г.г.) обучался въ Полтавской семинаріи (1837—1843 г.г.). Въ 1844 г. произведенъ во священника въ с. Погребы, Полт. губ., откуда въ 1845 г. переведенъ въ г. Прилуки. Овдовѣвши, въ 1849 г. онъ поступилъ въ Кіевскую академію. Въ 1851 г. принялъ монашество. Въ 1853 г., по окончаніи академич. курса, опредѣленъ и. д. смотрителя 2-го Орловскаго дух. училища. Въ томъ же году назначенъ сотрудникомъ въ Историко-статистич. Комитетъ по описанію Орловской епархіи. Въ 1855 г. опредѣленъ смотрителемъ училища. Въ 1856 г. утвержденъ въ степени магистра и въ должности ректора училища. Въ томъ же году ему изъявлена благодарность Правленія Семинаріи за отлично-усердное и исправное исполненіе обязанностей. Съ 4 Дек. 1863 г. до 16 Марта 1864 г. временно исправлялъ должность настоятеля Георгіево Бизюкова монастыря. 18 Юля 1864 г. опредѣленъ инспекторомъ Казанской академіи. Въ 1865 г. возведенъ въ званіе ординарнаго профессора и члена акад. конференціи. 3 Апрѣля 1867 г. назначенъ ректоромъ Воронежской семинаріи; 8 Юня—редакторомъ Ворон. Епарх. Вѣдомостей; 10 Юня—благочиннымъ монастырей Воронежской епархіи и цензоромъ проповѣдей по г. Воронежу, въ каковыхъ должностяхъ состоялъ до 1872 г. Скончался въ санѣ епископа Черниговскаго. Вотъ какъ характеризуетъ его историкъ Казанской академіи: «арх. Веніаминъ былъ кроткій и смиренный человѣкъ и, по своей скромности, вовсе почти не вступался въ акад. дѣло. По инспект. службѣ онъ не только не раздражалъ студентовъ, но былъ даже любимъ ими. Онъ даже совѣстился слѣдить за ними, оттого рѣдко и показывался въ ихъ жилыхъ помѣщеніяхъ»¹⁾).

Явившись въ Ворон. семинарію въ самый разгаръ дух.-

¹⁾ Истор. Казанской акад., П. В. Знаменскаго. В. 1, стр. 216.

учебной реформы, архим. Веніаминъ не могъ направить семинарской жизни по своей волѣ. Вялый и не энергичный, онъ не пользовался уваженіемъ ни со стороны сем. корпорации, ни со стороны питомцевъ. Послѣдніе даже уроки его посѣщали очень неаккуратно, такъ что онъ просилъ, чтобы Правленіе приняло противъ этого какія-нибудь мѣры.

Инспекторы семинаріи.

Іеромонахъ Авксентій (1817—1819 и.и.). См. о немъ выше, въ отдѣлѣ о ректорахъ семинаріи.

Протоіерей Іоаннъ Яковлевичъ Зацъпинъ (1819—1822 и.и.), см. въ первой части, въ отдѣлѣ о префектахъ семинаріи.

Іеромонахъ Платонъ (Рудинскій) (1822—1826 и.и.) въ мірѣ Пантелеймонъ Рудинскій. Біографическія свѣдѣнія о немъ см. въ первой части, въ отдѣлѣ объ учителяхъ семинаріи. При преобразованіи семинаріи Рудинскій былъ опредѣленъ учителемъ и инспекторомъ Воронежскаго уѣзднаго и приходскаго училищъ. Въ 1818 г. постриженъ въ монашество. Въ 1822 г. опредѣленъ строителемъ заштатнаго Коротоякскаго Вознесенскаго монастыря, но вскорѣ отказался отъ этой должности. 26 Сент. 1822 г. опредѣленъ инспекторомъ семинаріи и учителемъ церковной исторіи и нѣмецкаго языка. Съ 26 Сент. 1822 г. до 11 Дек. 1823 г. проповѣдывалъ Слово Божіе при семинаріи. 31 Янв. 1824 г. помѣщенъ въ число соборныхъ іеромонаховъ Кіево-печерской Лавры.

Маистръ Ѳеодоръ Голубевъ (1826—1829 и.и.) получилъ образованіе въ Вологодской семинаріи и Московской академіи. Въ 1818 г., окончивши курсъ со степенью магистра, Голубевъ былъ назначенъ въ Воронежскую семинарію профессоромъ по церковной исторіи, математикѣ и физикѣ. Въ томъ же году былъ опредѣленъ секретаремъ Сем. Пра-

вленія. Съ 1820 г. до 1822 г. преподавалъ, кромѣ того, евр. языкъ. Въ 1822 г., вмѣсто церковной исторіи, былъ опредѣленъ профессоромъ философскихъ наукъ. Въ 1826 г. опредѣленъ инспекторомъ семинаріи.

Быстрое возвышеніе Голубева зависѣло отъ его исправности въ прохожденіи должностей. Въ 1827 г. пр. Антоній II представилъ его къ ордену св. Анны 3 ст. за отлично-усердную службу по семинаріи, а Коммиссія дух. училищъ изъявила ему чрезъ Академич. Правленіе свое одобреніе. Но вскорѣ послѣ этого начинается паденіе Голубева, виновникомъ котораго былъ онъ самъ. Какъ уже сказано въ очеркѣ жизни ректора Филадельфа, Голубевъ вступилъ въ борьбу съ пр. Антоніемъ II. При этомъ открылось, что онъ былъ главнымъ виновникомъ утайки лажевыхъ денегъ и подчистокъ въ приходорасходныхъ книгахъ. Во время слѣдствія по этому дѣлу Голубевъ допустилъ нѣсколько безтактностей, окончательно скомпрометировавшихъ его. Напр., онъ унесъ изъ архива какое то дѣло и не хотѣлъ сказать секретарю, какое это было дѣло, что дало поводъ секретарю подозрѣвать его въ намѣреніи исказить или уничтожить оффиціальный документъ. Тогда же онъ унесъ изъ архива опись дѣлъ, а потомъ, не желая отдавать ее въ руки секретарю, въ отсутствіе послѣдняго прибилъ ее къ дверямъ архива. Тогда же обнаружались крупныя безпорядки въ семинарской дисциплинѣ. Ко всему этому прибавилось сопротивленіе Голубева власти архіерея, о которомъ уже сказано выше, въ отдѣлѣ о ректорѣ Филадельфѣ. Въ частности, въ отвѣтъ на обвиненіе въ разныхъ экономическихъ и дисциплинарныхъ уклоненіяхъ со стороны архіерея, онъ вздумалъ написать оправдательную записку, чѣмъ особенно раздражилъ пр. Антонія II. Въ длинномъ отношеніи къ Сем. Правленію пр. Антоній на основаніи §§ устава опровергаетъ все оправдательные доводы инспектора и снова обвиняетъ его за упадокъ семин. дисципли-

плины. «Что касается тѣхъ учениковъ, въ коихъ, по словамъ инспектора, укоренилась уже склонность къ пьянству; то нельзя не спросить, отчего и какимъ образомъ молодые воспитанники семинаріи, проходившіе низшія училища и классы съ хорошою нравственностью (ибо иначе не могли бы они быть переведены въ семинарію), принятые на казенный коштъ не иначе, какъ по дознаніи ихъ благонравія, подъ самымъ ближайшимъ надзоромъ семинарскаго начальства, могли пріобрѣсть склонность къ пьянству, для предохраненія отъ коего смотрителямъ за нравственностью даны все способы, правилами училищнаго устава назначенные? Конечно, ни отъ чего другого сіе произойти могло, какъ отъ невыполненія самимъ начальствомъ семинарскимъ училищныхъ постановленій, по небреженію ли, или по какимъ-либо постороннимъ видамъ». Между тѣмъ Голубевъ продолжалъ все больше и больше раздражать архіерея, то дѣлая помарки въ бѣловыхъ журналахъ, то открыто возставая противъ назначенія архіереемъ помощника инспектора. Вызванная этими нестроеніями ревизія семинаріи 1828 г., произведенная прот. Скворцовымъ, рѣшила судьбу Голубева. 30 Января 1829 г. получено слѣд. опредѣленіе Коммиссіи дух. училищъ: «инспектора семинаріи Голубева слѣдовало бы за прибитіе къ дверямъ описи, признаваемое несообразнымъ съ порядкомъ службы, и за помарки расходной по строеніямъ книги, и за то, что онъ вмѣстѣ съ ректоромъ препятствовалъ лицамъ, отъ Воронеж. преосвященнаго отряженнымъ, сдѣлать нужные осмотры бумагъ по архиву,—исключить изъ училищнаго вѣдомства. Но пріемля въ уваженіе—во 1-хъ, что отряженный отъ академіи ревизоръ засвидѣтельствовалъ о хорошемъ состояніи семинаріи; во вторыхъ, прежнюю безпорочную службу его, самимъ преосвященнымъ Воронежскимъ засвидѣтельствованную, Коммиссія признала достаточнымъ на сей разъ удалить его только отъ должности инспектора и профессора Воронеж. семинаріи и опредѣлить на

вакансію учителя въ одномъ изъ уѣздныхъ училищъ, съ тѣмъ чтобы Академич. Правленіе чрезъ два года донесло, будетъ ли онъ достоинъ къ перемѣщенію на высшую училищную должность». Пр. Антоній, получивши этотъ указъ, «нужнымъ призналъ, чтобы Голубевъ немедленно вышелъ изъ семинарскаго дома, а на мѣсто его перемѣстился бы субъинспекторъ проф. Ставровъ для лучшаго и ближайшаго надзора учениковъ и сохраненія добраго порядка». На это Голубевъ заявилъ, что онъ, «не имѣя никакой мѣстности въ Воронежѣ помѣститься съ семействомъ на время и не имѣя возможности по причинѣ холода помѣститься на открытомъ мѣстѣ, не можетъ никакъ выйти изъ дома семинарскаго». Но архіерей нашелъ это заявленіе «не заслуживающимъ уваженія, тѣмъ болѣе, что благо общее всегда должно быть предпочитаемо благу частному; причины, приводимыя Голубевымъ и неосновательны, и неумѣстны, потому что въ г. Воронежѣ можно найти много домовъ для квартированія, и другіе учащіе семинаріи, не имѣя своихъ домовъ, не живутъ на открытомъ мѣстѣ, чего опасается Голубевъ, помѣщались и нынѣ помѣщаются въ наемныхъ квартирахъ». Вскорѣ послѣ этого Голубевъ былъ переведенъ въ Ливенское училище учителемъ.

Состоя учителемъ дух. училища, Голубевъ составилъ руководство «Основанія математической географіи», которое представилъ въ Академич. Правленіе для утвержденія его въ качествѣ учебнаго руководства. Но академическая конференція нашла его неудовлетворительнымъ.

Кандидатъ Иеромонахъ Александръ (1829—1831 гг.), съ 1807 г. обучался въ Кіевской академіи; въ 1817 г. перешелъ въ Кіевскую семинарію. Въ 1821 г., по окончаніи семинарскаго курса, опредѣленъ ректоромъ по классу словесности. Въ 1822 г., рукоположенный во діакона къ Софійскому собору, онъ поступилъ въ Кіевскую академію. Въ 1825 г. принялъ монашество. По окончаніи академич.

курса со степенью кандидата, 30 Дек. 1825 г. опредѣленъ учителемъ высшаго отд. Кіевскаго уѣзднаго училища. Въ 1826 г. опредѣленъ инспекторомъ Кіевскихъ училищъ. Въ 1828 г. назначенъ въ Кіевскую семинарію на словесность. Въ томъ же году опредѣленъ библіотекаремъ. 4 Марта 1829 г. іером. Александръ назначенъ въ Воронежскую семинарію инспекторомъ и учителемъ еврейскаго и греческаго языковъ.

Высокій и сухощавый монахъ, съ сильнымъ малоросійскимъ акцентомъ въ произношеніи, о. Александръ не пользовался расположеніемъ своихъ воспитанниковъ, которые боялись его, но не уважали за то, что онъ былъ неровенъ въ обращеніи съ учениками: строгій и требовательный, онъ все-таки не могъ достигнуть желанныхъ порядковъ въ поведеніи учениковъ. Составленныя имъ инструкціи для пом. инспектора и квартирныхъ старшинъ тоже не помогли дѣлу. Къ тому же, обладая ограниченными познаніями по своимъ предметамъ, онъ преподавалъ ихъ сухо, вяло и скучно. «По греческому языку у него переводились «символы». Ученикъ прочитывалъ цѣлую страницу и затѣмъ, не сдѣлавши ни этимологическаго, ни синтаксическаго разбора прочитаннаго, дѣлалъ переводъ, причемъ о. Александръ не обращалъ вниманія ни на точность перевода, ни на работанность слога. Поэтому уроки греч. языка казались скучнѣйшими и самый предметъ въ высшей степени незанимательнымъ. Естественно, что не интересуясь предметомъ и не уважая преподавателя-инспектора, ученики плохо вели себя въ классѣ. Во время его уроковъ въ классѣ всегда стоялъ какой-то гулъ, хотя всѣ, повидимому, сидѣли смирно, уставивъ глаза въ книгу, и онъ то и дѣло возглашалъ: «тыше! не шумите!» Неуваженіе къ инспектору со стороны воспитанниковъ еще болѣе усилилось послѣ ревизіи архим. Евлампія, который, не стѣсняясь учениковъ, относился къ нему свысока, а иногда при воспитанникахъ даже подсмѣивался надъ его ненаходчивостью. «Однажды,

бесѣдую съ учениками, быть можетъ, намѣренно ревизоръ неожиданно обратился къ о. Александру съ словами. «А вы какъ думаете, о. Инспекторъ»? Растерявшись отъ этого неожиданнаго вопроса, о. Александръ смущенно пробормоталъ: «а я мабудъ (можетъ быть) думаю»... и на этомъ остановился. Ревизоръ съ усмѣшкою отвернулся отъ него и продолжалъ бесѣду съ учениками» ¹⁾.

Кромѣ инспекторской и учительской должности, іером. Александръ по субботамъ изъяснялъ св. Писаніе ученикамъ высшаго отд. Въ 1829 г. опредѣленъ попечителемъ Ворон. Комитета Имп. человеколюб. Общества. Въ 1831 г. опредѣленъ членомъ Ворон. Попечительнаго Комитета о тюрьмахъ. 17 Дек. 1831 г. о. Александръ помѣщенъ въ число соборныхъ іеромонаховъ Кіевопечерской Лавры.

Іеромонахъ Пантелеймонъ (Помигуевъ) (1832—1837 г.г.) получилъ образованіе въ Воронежской семинаріи. Въ 1827 г. опредѣленъ учителемъ въ высшемъ отд. Ворон. уѣздн. училища и въ томъ же году поступилъ въ Кіевскую академію. Въ 1828 г. постриженъ въ монахи. По окончаніи академич. курса, 2 Іюля 1831 г. опредѣленъ смотрителемъ Богуславскихъ дух. училищъ, учителемъ въ высш. отд., настоятелемъ Богусл. заштатнаго Николаевскаго монастыря и присутствующимъ въ Богусл. дух. Правленіи. 30 Сент. 1831 г. опредѣленъ профессоромъ Курской семинаріи по церковной исторіи и греч. языку. Въ 1832 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора и членомъ Правленія, а затѣмъ библіотекаремъ. Въ томъ же году назначенъ членомъ Курскаго Попечительства о бѣдныхъ дух. званія. 5 Ноября 1832 г. опредѣленъ инспекторомъ и профессоромъ греч. и евр. языковъ въ Воронежскую семинарію. Съ 7 Дек. 1832 г. по Апрѣль 1834 г. занималъ должность профессора св. Писанія въ высшемъ отд.; съ Января 1833 г. —

¹⁾ Воспоминанія прот. Е. Г. Свѣтзарова, стр. 11—14.

проф. философіи; съ 1 Февр. по 26 Іюня и съ 24 Мая 1834 г. по 7 Іюня—и. д. ректора семинаріи. Въ Ноябрь 1834 г. опредѣленъ профессоромъ богословскихъ наукъ. 15 Марта 1835 г. утвержденъ членомъ Ворон. Комитета Имп. чел. Общества; 22 Іюня—членомъ Ворон. тюремнаго Попечит. Комитета. 1 Янв. 1837 г. опредѣленъ соборнымъ іеромонахомъ Кіевопечерской Лавры.

О. Пантелеймонъ тоже не высоко стоялъ и въ глазахъ начальствующихъ, и въ мнѣніи учениковъ «По собственному его откровенному признанію, онъ поѣхалъ въ академію совсѣмъ неприготовленнымъ, и началъ будто тамъ свое образованіе составленіемъ періодовъ». Поэтому онъ не могъ и впослѣдствіи быть хорошимъ учителемъ. «Жизни о. Пантелеймонъ былъ свободной: пользуясь хорошимъ здоровьемъ, дѣлалъ частые выѣзды въ городъ, гдѣ проводилъ время нерѣдко за полночь, что и послужило поводомъ къ разладу между нимъ и ректоромъ Евтихіаномъ» ¹⁾.

Въ 1837 г. возникло уже изложенное выше ²⁾ пререканіе между пр. Антоніемъ и Семин. Правленіемъ. Какъ одинъ изъ членовъ Правленія, іером. Пантелеймонъ вызвалъ противъ себя неудовольствіе со стороны архіерея и потому 3 Іюня 1837 г. былъ переведенъ на ту же должность въ Полтавскую семинарію.

Маистръ іеромон. Василій (Кошеляевскій) (1837—1840 г.г.), по окончаніи курса въ Тамбовской семинаріи въ 1828 г., былъ опредѣленъ учителемъ въ Лебедянское дух. уѣздн. училище. Въ 1830 г., постриженный въ монашество, онъ былъ переведенъ въ Шацкое уѣздное дух. училище инспекторомъ, а въ слѣд. году и учителемъ высшего отд. Въ 1832 г. поступилъ въ Московскую дух. академію, гдѣ окончилъ курсъ со степенью магистра. Въ

¹⁾ Воспоминанія прот. Е. Г. Свѣтозарова, стр. 21—25.

²⁾ См. отдѣлъ о ректорѣ архим. Варлаамѣ.

1836 г. опредѣленъ въ Полтавскую семинарію инспекторомъ и профессоромъ церковной исторіи и греч. языка. 6 Іюня 1837 г. перемѣщенъ въ Воронежскую семинарію инспекторомъ и профессоромъ богословскихъ наукъ и евр. языка. Въ началѣ 1841 г. іером. Василій перемѣщенъ въ Астраханскую семинарію, гдѣ состоялъ и законоучителемъ гимназій. Но и тамъ онъ прослужилъ недолго. На этотъ разъ онъ совсѣмъ былъ уволенъ отъ духовно-училищной службы. Причиною неудавшейся службы о. Василія была его нетрезвость. Въ наказаніе за эту слабость онъ былъ опредѣленъ въ число братства Астраханской Чуркинской Николаевской пустыни. Здѣсь онъ жилъ трезво, но неблагоприятныя климатическія условія разрушающимъ образомъ подѣйствовали на его здоровье, почему онъ сталъ просить перевода куда-нибудь въ другое мѣсто. По ходатайству Тамбовскаго преосв. Евгенія, онъ былъ переведенъ на родину въ Тамбовъ къ архіерейскому дому. Вскорѣ затѣмъ пр. Евгений, изъ состраданія къ его положенію, дозволилъ ему за извѣстное вознагражденіе читать и исправлять письменныя работы учениковъ семинаріи, въ помощь г.г. преподавателямъ.

Маистръ Іеромонахъ Митрофанъ (Стеженскій) (1841—1845 г.г.) обучался въ Казанской семинаріи и Московской академіи, гдѣ окончилъ курсъ со степенью магистра. Въ 1836 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію профессоромъ словесности. Въ 1838 г. постриженъ въ монашество. Въ 1839 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора. Въ 1840 г. помѣщенъ въ число соборныхъ іеромонаховъ Александро-Невской Лавры. Въ теченіе четырехъ лѣтъ о. Митрофанъ преподавалъ св. Писаніе ученикамъ 1 низшаго отдѣленія. 18 Февраля 1841 г. онъ опредѣленъ инспекторомъ Воронежской семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ. Съ 5 Января до 12 Марта 1842 г., съ 29 Іюля до 9 Ноября 1843 г. и съ 1 Іюня до 28 Іюля 1844 г. и. д. ректора семинаріи и цензора проповѣдей. За особенную заботливость и рев-

ность въ благовѣстіи Слова Божія отъ лица пр. Антонія ему объявлена особенная признательность въ 1845 г. Въ 1845 году іером. Митрофанъ былъ опредѣленъ ректоромъ Орловской семинаріи. Здѣсь онъ оставилъ по себѣ память, какъ благоукраситель семинаріи.

Іеромонахъ Теофилактъ Праведниковъ (1845—1852 г.г.) обучался въ Курской семинаріи и Кіевской академіи. Въ 1837 г. опредѣленъ учителемъ по греч. языку въ высшее отдѣленіе Павловскаго училища и инспекторомъ того же училища. Въ 1838 г. переведенъ въ Воронежскую семинарію по церковной исторіи и француз. языку. Въ 1841 г. переведенъ на русскую церковную исторію, церковныя древности и обряды и каноническое право. Въ 1845 г. принялъ монашество и тогда же опредѣленъ инспекторомъ семинаріи. Въ 1846 г. переведенъ на богословскіе предметы во 2 высшее отд. и уволенъ, по прошенію, отъ преподаванія франц. языка, съ изъявленіемъ ему благодарности за примѣрно-рачительное и успѣшное преподаваніе. Съ 19 Дек. 1846 г. до 3 Апр. 1848 г. и съ 25 Іюня до 26 Авг. 1850 г. безмездно исправлялъ должность ректора семинаріи и цензора проповѣдей.—Семинаристы любили этого добраго, хотя и вспыльчиваго, начальника, который большею частію ограничивался угрозами, словесными выговорами, а иногда толчками провинившимся, но рѣдко доводилъ дѣло до увольненія изъ семинаріи. Особенно не любилъ о. Теофилактъ табакокуренія, но всѣ его старанія изловить ослушниковъ и вывести куреніе изъ семинаріи не приводили ни къ чему.

Въ 1852 г. о. Теофилактъ возведенъ въ санъ архимандрита и опредѣленъ ректоромъ Тамбовской семинаріи. Впослѣдствіи состоялъ въ санѣ епископа Новгородъ-Сѣверскаго, викарія Черниговской епархіи. Скончался въ 1869 г.

Кандидатъ Архимандритъ Аѳанасій (1853--1858 г.г.) по окончаніи курса въ Кіевской семинаріи, съ 1839 г. состоялъ сначала учителемъ богословія и помощникомъ инспек-

тора, а потомъ въ 1840 г. опредѣленъ инспекторомъ Кишиневской д. семинаріи. Въ 1842 г. возведенъ въ санъ игумена. Въ 1843 г. перемѣщенъ на ту-же должность въ Курскую семинарію. Здѣсь, кромѣ того, до 1847 г. онъ состоялъ ректоромъ Бѣлградскихъ д. училищъ. Въ 1845 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1847 и 1851 г.г. онъ исправлялъ должность ректора семинаріи. Въ 1853 г. арх. Аѳанасій опредѣленъ инспекторомъ Воронежской семинаріи. Здѣсь онъ служилъ до 1858 г., когда по прошенію былъ уволенъ отъ должности. Въ 1854 г. ревизоръ арх. Леонтій писалъ о немъ: «инспекторъ іером. Аѳанасій—весьма способный, опытный и довольно усердный—достоинъ поощренія начальства—произведенія въ ректоры, а въ Воронежскую семинарію нужно бы кого-нибудь помоложе». Въ 1861 г. назначенъ настоятелемъ Енисейскаго Спасскаго монастыря, членомъ Енисейской Консисторіи, членомъ Совѣта Епарх. Училища и Статистическаго Комитета. Въ 1866 г. арх. Аѳанасій, по прошенію, снова былъ опредѣленъ въ Воронежскую семинарію преподавателемъ педагогики. Въ 1868 г. уволенъ отъ этой должности преосв. Серафимомъ. Скончался въ 1886 г.

Маиسترъ іеромонахъ Нафанаилъ (Соборовъ) (1858—1860 г.г.) получилъ образованіе въ Рязанской семинаріи и Кіевской академіи. По окончаніи академическаго курса, въ 1851 г. былъ опредѣленъ въ Воронежскую семинарію учителемъ св. Писанія, латинскаго и греческаго языковъ. Въ 1852 г. принялъ монашество. Въ 1852—1853 г.г. исправлялъ должности учителя церковнаго краснорѣчія, догматическаго и пастырскаго богословія. Въ 1853 г. опредѣленъ помощникомъ ректора по профессорской должности и помощникомъ инспектора семинаріи. Отъ послѣдней должности уволенъ по прошенію въ 1855 г., причемъ ему выражена особенная признательность Правленія за ревностную службу. Въ 1853 же году опредѣленъ экономомъ семина-

ріи. Въ 1854 г. ему поручено преподаваніе миссіонерскихъ предметовъ. Въ 1854 г. опредѣленъ соборнымъ іеромонахомъ Моск. Донского монастыря. Въ 1858—1860 годахъ состоялъ инспекторомъ Воронежской семинаріи, откуда переведенъ инспекторомъ же въ Орловскую семинарію. Впослѣдствіи состоялъ ректоромъ Тверской семинаріи и викарнымъ епископомъ въ Херсонской, Архангельской, Псковской и Вологодской епархіяхъ. Въ настоящее время состоитъ настоятелемъ Московскаго Спасо-Андроніевскаго монастыря.

Маистръ іеромонахъ Гермогенъ (Булаковъ-Томскій) (1861—1863 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1857 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на гражданскую исторію и соединенные съ нею предметы. Въ 1859 г. опредѣленъ помощникомъ ректора по проф. должности. Вскорѣ послѣ того онъ принялъ монашество. Послѣ перемѣщенія изъ Воронежа іером. Нафанаила, іеромонахъ Гермогенъ былъ опредѣленъ инспекторомъ семинаріи.

Іером. Гермогенъ (Булаковъ-Томскій) обладалъ выдающимися дарованіями и мечталъ объ академической карьерѣ. Дѣйствительно, его думали перевести въ Кіевскую академію, но этотъ переводъ почему-то не состоялся. Между тѣмъ во время этихъ переговоровъ онъ уже постригся въ монахи. Разочарованный въ своихъ мечтахъ, онъ предался обычной въ такихъ случаяхъ русской слабости. Такимъ образомъ погибло выдающееся дарованіе. Вскорѣ онъ былъ уволенъ отъ семинарской службы и опредѣленъ въ число братства Митрофанова монастыря. Здѣсь онъ иногда выступалъ на публичныхъ чтеніяхъ, устроенныхъ пр. Серафимомъ. Нѣкоторыя изъ его чтеній помѣщены въ Вор. Епар. Вѣд. По нимъ, а также по отзывамъ и личнымъ воспоминаніямъ объ ихъ авторѣ можно судить, что Воронежская семинарія имѣла, а потомъ лишилась въ лицѣ его крупной силы. Вотъ нѣкоторыя его сочиненія: «О любви къ врагамъ» (1871 г., № 19). «О послѣдней судьбѣ каждого человѣка

въ частности» (1872 г., № 12, 13, 15, 18, 19, 22, 23). «Недѣля Самарянина» (изъясненіе гл. IV Ев. Іоанна. 1872 г., 16, 17). Кромѣ того, въ Вор. Еп. Вѣд. помѣщено нѣсколь-
ко его проповѣдей.

Игуменъ Арсеній (Иващенко) (1865—1868 и.л.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи и по принятіи монашества, въ 1853 г. былъ опредѣленъ инспекторомъ Одесскаго дух. училища. Въ 1854 г. назначенъ помощникомъ ректора по профессорской должности въ Волынскую семинарію. Въ 1856 г. уволенъ отъ этой должности вслѣдствіе психическаго разстройства. Послѣ выздоровленія, въ 1859 г. о. Арсеній былъ опредѣленъ въ Воронежскую семинарію учителемъ гражданской исторіи. Въ томъ же году опредѣленъ помощникомъ инспектора. Въ 1862 г. перемѣщенъ на церковную исторію. Въ 1864 г. и. д. инспектора семинаріи. Въ 1865 г. утвержденъ въ должности инспектора и возведенъ въ санъ игумена. Въ томъ же году утвержденъ редакторомъ Ворон. Епарх. Вѣдомостей. Въ должности инспектора состоялъ до 1868 г., когда былъ опредѣленъ ректоромъ Витебской семинаріи. Въ настоящее время состоитъ епископомъ Кирилловскимъ, викаріемъ Новгородскимъ.

Состоя редакторомъ Вор. Еп. Вѣдомостей, о. Арсеній въ то же время помѣщалъ въ этомъ органѣ свои ученые труды, не всегда впрочемъ подписываясь подъ ними полнымъ именемъ, почему и нельзя привести полного списка его статей. Изъ переводныхъ его трудовъ выдается переводъ Строматъ Климента Александрійскаго (Ворон. Еп. Вѣд. 1866—1868 г.г.).

Маистръ Анастасій Аванасьевичъ Ермоленко (1868—1875 и.л.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1847 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на Св. Писаніе и соединенные съ нимъ предметы. Съ 1852 г. до 1872 г. преподавалъ психологію, логику, патрологію и латин. яз. Съ 1852 г. до 1854 г. состоялъ секретаремъ Пра-

вленія. Въ 1868 г. Общимъ Собраніемъ преподавателей былъ избранъ инспекторомъ семинаріи и состоялъ на этой должности до смерти (1875 г.). Кроме того, въ 1871—1873 г.г. онъ исправлялъ должность ректора.

Вступивши въ должность инспектора уже по новому уставу 1868 г., Ермоленко принужденъ былъ вступить въ двойную борьбу: и съ нѣкоторыми преподавателями, безтактно подрывавшими авторитетъ инспекціи въ глазахъ семинаристовъ, и съ семинаристами, которые вели себя особенно вольно въ это переходное время.

Имъ помѣщены слѣд. статьи въ Ворон. Еп. Вѣд. «Св. Ап. Ѳома» (1868 г., № 23). «Послѣднее гоненіе на христіанъ при Діоклетіанѣ» (1870 г., № 22, 23, 24; 1871 г., № 1, 2). «Изъ публичныхъ чтеній: о бл. Августинѣ, епископѣ Иппонскомъ» (1873 г., № 1, 3, 23, 24, 1874 г., № 4, 9). «Въ христіанствѣ—окончаніе и завершеніе совершенствованія человѣчества». Перев. рѣчи д-ра Шеберлинга (1879 г., № 10, 11, 12).

Учители семинаріи.

По уставу 1808 г въ учителя преобразованной семинаріи могли поступать только лица съ академическимъ образованіемъ, имѣвшіе степень кандидата или магистра богословія. Но на первыхъ порахъ духовно-училищное начальство не могло требовать отъ семинарій строгаго исполненія этого параграфа. Во всѣхъ семинаріяхъ, въ томъ числѣ и въ Воронежской, уже были въ наличности прежніе, дореформенные учителя, которыхъ нельзя было безъ вины лишить мѣста. Поэтому отъ нихъ потребовали только, чтобы они представили въ Комиссію духовныхъ училищъ конспекты своего преподаванія. Это и было сдѣлано Воронежскими учителями, причемъ конспектъ прот. І. Зацѣпина по философіи былъ признанъ Комиссіей самымъ луч-

шимъ изъ представленныхъ отъ всѣхъ семинарій. Послѣ этого въ семинаріи изъ прежнихъ учителей остались прот. Зацѣпинъ, свящ. Лебедевъ и іером. Иларій. За все послѣдующее время въ учителя назначались лица съ академическимъ образованіемъ, причемъ имъ усвоялось названіе профессоровъ (если они были магистры) или учителей (если они были кандидаты). Исключеніе составляли учителя сельскаго хозяйства и медицины, которые получали свѣтское образованіе. Большая часть преподавателей этого періода получили образованіе въ Кіевской академіи—58 изъ 84, въ С.-П.Бургской—10, въ Московской—8, въ Казанской—1.

Казеннаго жалованья учителямъ полагалось 257 р. 40 к. серебромъ. Въ виду недостаточности этой суммы учителя очень часто обращались въ Окружное Академическое Правленіе съ просьбами о квартирномъ пособіи, и эти просьбы почти всегда удовлетворялись, если только проситель не былъ на замѣчаніи начальства и если онъ не занималъ священническаго мѣста. По указу 20 Сентября 1825 г., позволялось ходатайствовать о квартирномъ пособіи всѣмъ учащимъ, прослужившимъ не менѣе трехъ лѣтъ на духовно-учебной службѣ. Размѣръ квартирнаго пособія былъ неодинаковъ до 50 годовъ. Въ 1852 г. отъ Воронежскаго городского управленія было затребовано Академическимъ Правленіемъ примѣрное опредѣленіе годовой стоимости квартиръ лицъ, служившихъ въ другихъ вѣдомствахъ, причемъ учительская квартира приравнена была къ штабъ-офицерской. Послѣ того, какъ послѣднія квартиры были оцѣнены въ 142 р. 85½ к., учителямъ семинаріи всѣмъ стали выдавать, послѣ особыхъ ходатайствъ, по 80—100 р. въ годъ. Впрочемъ, и послѣ этого бывали случаи, когда учителя долго не получали пособія; напр., учитель И. Знаменскій получилъ пособіе только черезъ 12 лѣтъ службы. Въ 1855 г. проф. Булгаревичъ просилъ о пособіи черезъ 5 лѣтъ службы, жалуясь на то, что ему приходится затрачивать на

наемъ квартиры большую часть жалованья, такъ что онъ не въ состояніи даже справить платья, приличнаго наставнику. Несмотря на представленіе о немъ Семинарскаго Правленія, пр. Іосифъ высказался почему то противъ назначенія пособія, почему Булгаревичъ сталъ получать пособіе уже въ 1857 г. и то только въ размѣръ 80 р. въ годъ. Послѣдній случай говоритъ о томъ, что на квартирное пособіе смотрѣли не какъ на законное вспомошествованіе, а какъ на награду учителямъ.

Кромѣ штатнаго жалованья и квартирнаго пособія, учителя получали вознагражденіе за временное исправленіе должностей, напр., за преподаваніе по тѣмъ предметамъ, по которымъ не было наставника или когда штатный наставникъ болѣлъ. По закону, такое преподаваніе не оплачивалось, но очень часто семинарское начальство ходатайствовало о вознагражденіи за этотъ трудъ, и по большей части эти ходатайства удовлетворялись.

Въ виду недостаточности преподавательскаго жалованья, учителямъ приходилось прибѣгать къ постороннимъ источникамъ содержанія. Ближайшимъ пособіемъ было совмѣщеніе должности учителя съ званіемъ приходскаго священника. Но уже въ 1819 г. академическимъ предписаніемъ такое совмѣщеніе было воспрещено, хотя на практикѣ нерѣдко допускалось во все послѣдующее время. Бывали, впрочемъ, случаи и увольненія учителей, въ случаѣ совмѣщенія ими съ учительскою должностью званія приходскаго священника ¹⁾.

Что касается другихъ постороннихъ занятій, то они практиковались въ Воронежской семинаріи только частнымъ образомъ. А съ 30 Апрѣля 1830 года такія занятія были запрещены академическимъ предписаніемъ.

Говоря о содержаніи наставниковъ, нельзя не упомянуть и о взяткахъ съ учениковъ. Въ семинарскомъ архивѣ

---

¹⁾ См., напр., Сем. арх., № 665, 13.

сохранилось только одно дѣло о взяточничествѣ учителя. Въ 1853 г. уволенный ученикъ Смирновъ донесъ архіерею, что проф. Авсенева взялъ съ него 25 рублей, общая перевести его въ слѣдующій классъ, но не исполнилъ своего обѣщанія. Дѣло было передано въ Семинарское Правленіе, которое признало обвиненіе несправедливымъ ¹⁾. Однако, по отзывамъ бывшихъ семинаристовъ, взятки практиковались, по крайней мѣрѣ, въ низшихъ классахъ семинаріи. Въ большихъ размѣрахъ они практиковались въ духовномъ училищѣ, гдѣ учительское жалованье было такъ ничтожно, что на него невозможно было прожить. Поэтому учителя почти открыто принимали приношенія учениковъ и деньгами, и натурою, и никто не считалъ это дѣломъ несправедливымъ, особенно потому, что ученическія приношенія не обязывали учителя къ послабленіямъ въ отношеніи приносителя. Привыкнувъ къ такого рода приношеніямъ, ученики переносили эту практику и въ семинарію, почему учителя словесности тоже пользовались ученическими приношеніями. Особенно щедрыми приношеніями отличались уроженцы Донской епархіи, жители богатыхъ казацкихъ станицъ. Взятки въ собственномъ смыслѣ, съ расчетомъ на разныя послабленія въ учебномъ дѣлѣ, всегда вызывали рѣзкое осужденіе и со стороны учащихся, и со стороны учащихся.

Холостые преподаватели большею частію имѣли квартиры въ казенномъ семинарскомъ корпусѣ. Здѣсь они помѣщались на третьемъ этажѣ, занимая по одной комнатѣ; иногда, впрочемъ, въ одной комнатѣ помѣщалось по два наставника. Въ началѣ періода жизнь этихъ учителей проходила очень скромно, почти ничѣмъ не отличаясь отъ образа жизни воспитанниковъ. Утро проводилось въ классахъ, вечеръ за приготовленіемъ лекцій и чтеніемъ семинарскихъ задачъ. Въ будничные дни учителя почти не от-

¹⁾ Сем. арх., 510, № 34.

лучались изъ корпуса. Да и въ праздничные дни они засиживались въ гостяхъ не позже 10 часовъ вечера. Но съ тридцатыхъ годовъ образъ жизни холостыхъ учителей измѣняется. Въ это время на смѣну старымъ учителямъ почти одновременно поступаетъ нѣсколько молодыхъ. Они заводятъ знакомства въ городѣ и довольно часто отлучаются изъ корпуса, засиживаясь въ гостяхъ за полночь. Они привлекли въ свой кружокъ и инспектора іер. Пантелеймона. Это новшество особенно не нравилось ректору архим. Евтихіану. Раздражительный и рѣзкій въ словахъ и поступкахъ, онъ не ограничивался одними насмѣшками надъ этими отлучками молодежи, а пытался заставить ихъ жить по старому: съ этою цѣлю онъ приказалъ ожедневно въ 10 часовъ вечера приносить ему ключи отъ семинарскихъ воротъ. Когда въ первый разъ послѣ этого компанія во главѣ съ инспекторомъ около полночи явилась въ семинарію, то нашла ворота запертыми. Инспекторъ послалъ привратника взять ключъ у ректора. «Это воры! Прогони ихъ? Инспекторъ теперь долженъ быть дома», кричалъ привратнику ректоръ. И пришлось всей компаніи перелѣзть черезъ заборъ, что практиковалось въ подобныхъ случаяхъ и въ послѣдующее время. На первыхъ порахъ этотъ поступокъ архим. Евтихіана вызвалъ сильное неудовольствіе среди преподавателей. Но такъ какъ ректоръ въ этомъ случаѣ стоялъ на законной почвѣ, то пришлось покориться его требованію.

Ближайшимъ дѣломъ учителей было преподаваніе учебныхъ предметовъ и чтеніе ученическихъ тетрадей. Въ этомъ отношеніи большинство учителей разсматриваемаго періода были добросовѣстными работниками, что признавалось неоднократно и ревизорами. Только съ пятидесятыхъ годовъ начинаютъ часто повторяться случаи неаккуратности учителей въ посѣщеніи уроковъ, такъ что Семинарское Правленіе принуждено было официально отмѣчать ихъ небре-

жность, говоря, что такой-то учитель не посѣщалъ уроковъ «подъ предлогомъ болѣзни». Напр., іером. Софроній и проф. Богомолловъ не бывали на урокахъ по мѣсяцамъ. Подобною же небрежностью отличались учителя: Молчановъ и Авсеевъ. За такую неаккуратность Богомолловъ и іером. Софроній были лишены должности; та же участь грозила и другимъ, но одинъ изъ нихъ перепросился въ Астрахань, другому не долго оставалось служить до пенсіи; впрочемъ, онъ былъ лишенъ слѣдующаго ему чина. Тогда же на инспектора семинаріи была возложена обязанность доносить еженедѣльно архіерею объ аккуратности учителей.

Замѣчается за вторую половину разсматриваемаго времени и другая несимпатичная черта въ отношеніяхъ преподавателей къ своему дѣлу. Въ 20 и 30 годахъ, за болѣзнь одного учителя, его безмездно замѣнялъ другой, свободный учитель, и это считалось въ порядкѣ вещей. Въ 50 и особенно 60 г.г. учителя уклоняются отъ исполненія этой обязанности. «Никто не обязанъ трудиться за другого», — эти голоса раздавались по данному вопросу даже оффиціально, на засѣданіяхъ Семинарскаго Правленія. «Въ случаѣ болѣзни одного наставника, читаемъ въ черновомъ годичномъ отчетѣ за 1869—1870 уч. годъ, никто не хотѣлъ его замѣнить. Приходилось сидѣть на урокахъ за отсутствующихъ ректору или инспектору, или отпускать учениковъ».

Каковы были умственные и литературные интересы учителей? Прямо и рѣшительно дать общій отвѣтъ на этотъ вопросъ, конечно, нельзя. Какъ вездѣ и всегда, о большинствѣ, о такъ называемой золотой срединѣ въ этомъ отношеніи можно составить себѣ блѣдную характеристику. Можно сказать только, что эта золотая середина не отличалась широтою взглядовъ и интересовъ. Иное дѣло натуры даровитыя, которыя такъ или иначе, но всегда высказываются ярко. Если говорить о нихъ, то придется опять таки отдать предпочтеніе тремъ десятилѣтіямъ 20, 30 и 60 г.г.

Оставляя пока рѣчь о 60 г., отмѣтимъ нѣкоторые факты, характеризующіе интересы учителей 20 и 30 годовъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ даровитыхъ личностей, каковы: Трояновскій, Ставровъ, Вельяминовъ, Троицкій. Это были живые люди, умѣвшіе завлечь и увлечь учениковъ своимъ преподаваніемъ. Сами они съ богословскимъ образованіемъ соединяли живой интересъ къ свѣтской литературѣ. Изъ нихъ Ставровъ явился руководителемъ поэта Сребрянскаго. Вельяминовъ, лично знакомый съ В. А. Жуковскимъ, возбуждалъ литературные интересы во всей вообще семинарской молодежи и былъ отчасти руководителемъ Кольцова. Но и тогда ихъ же товарищи относились къ литературѣ довольно безучастно, ограничиваясь познаніями въ литературѣ XVIII в. и, повидимому, только по наслышкѣ зная о новыхъ поэтахъ. Зная это, Ставровъ однажды, говорятъ, подшутилъ надъ своими коллегами. Пригласивши ихъ къ себѣ, онъ предложилъ прочитать новое сочиненіе Пушкина. Но, вмѣсто Пушкина, прочиталъ имъ оду своего ученика Сребрянскаго, «Безсмертіе». Начались разговоры о великомъ талантѣ Пушкина, о достоинствахъ новаго, только что прочитаннаго сочиненія и т. д., хотя по языку и внутреннему характеру это сочиненіе напоминаетъ скорѣе старыхъ писателей и, въ частности, Державина. Тогда только Ставровъ объявилъ о своей шуткѣ и этимъ смутилъ цѣнителей поэзіи, которые послѣ этого стали дѣлать замѣчанія о недостаткахъ прочитаннаго сочиненія.

Что касается ученыхъ трудовъ и предпріятій, то въ этомъ отношеніи семинарская корпорація не возвышалась надъ среднимъ уровнемъ. Какъ и всегда бываетъ въ провинціи, не мало преподавателей начинало работать надъ учеными вопросамъ, но не заканчивало своихъ работъ и очень рѣдко издавало ихъ. Не касаясь пока частныхъ трудовъ, умѣстно остановиться здѣсь на предпріятіяхъ общихъ, имѣвшихъ корпоративный характеръ.

Какъ извѣстно, къ 20 годамъ по всей Россіи съ осо-

беннымъ успѣхомъ работало Россійское Библейское Общество. Въ частности, въ Воронежѣ было открыто Отдѣленіе этого общества, а въ уѣздныхъ городахъ, такъ наз., Окружныя Сотоварищества Библ. Общества. Задачею этихъ мѣстныхъ обществъ было распространеніе книгъ св. Писанія и сборъ пожертвованій на Библ. Общество. Не ограничиваясь этими обществами, пр. Епифаній рѣшился привлечь къ Обществу духовныя школы Ворон. епархіи, не только начальствующихъ и учащихся, большинство которыхъ уже состояли членами Воронежскаго Отдѣленія и уѣздныхъ Сотовариществъ, но и учениковъ. «Такъ какъ во многихъ училищахъ, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ, учащіяся, соревнуя въ распространеніи духовнаго просвѣщенія и по мѣрѣ силъ желая содѣйствовать Комитетамъ Библейскихъ отдѣленій, открыли между собою Сотоварищества, то преосвященный рекомендовалъ семинарскому правленію, объяснивъ учащимся въ Воронежской семинаріи пользу Библейскихъ Обществъ и выставивъ имъ похвальные примѣры другихъ училищъ, возбудить ихъ къ соревнованію и участію въ семъ богоугодномъ и съ духовнымъ просвѣщеніемъ наиболѣе сообразномъ дѣлѣ». Въ отвѣтъ на это предложеніе въ 1822 г. составленъ былъ семинарскимъ начальствомъ проектъ устава новаго общества. При этомъ семинарское начальство расширило пониманіе задачъ Библейскаго Общества. Уставъ этого общества требовалъ, чтобъ члены его соревновали распространенію книгъ св. Писанія и сбору пожертвованій на это дѣло. Между тѣмъ, семинарское начальство, кромѣ этой, поставило для новаго общества еще другую цѣль. Назвавши новое общество Училищнымъ Сотовариществомъ по предмету чтенія св. Писанія, семинарское начальство поставило первою цѣлію его «поощреніе къ чтенію и разумѣнію св. Писанія воспитанниковъ духовныхъ училищъ Воронежской епархіи». «Соотвѣтственно этой цѣли Комитетъ Училищнаго Сотоварищества поставляетъ правиломъ, чтобы ученики въ

каждый воскресный и праздничный день предъ литургіею собирались въ классы и подъ руководствомъ членовъ комитета, по назначенію онаго, занимались чтеніемъ мѣстъ св. Писанія съ нужнымъ поясненіемъ и сличеніемъ оныхъ съ оригинальнымъ текстомъ. Комитетъ Сотоварищества, замѣчая благонравіе и ревность къ чтенію и разумѣнію св. Писанія учениковъ, не могущихъ по бѣдности приобрести покупкою книгъ св. Писанія, снабжаетъ оными безденежно». Каждый мѣсяцъ «Комитетъ открываетъ частныя собранія, на которыхъ занимается испытаніемъ учащихся въ чтеніи и разумѣніи Слова Божія, причемъ ученики читаютъ переводы мѣстъ св. Писанія съ оригинальныхъ языковъ». Наряду съ этими особенными задачами Училищное Сотоварищество выполняло и обычныя задачи Библейскаго Общества. Такъ, къ 20 Марта 1822 г. Сотовариществомъ было собрано около тысячи рублей, имен-

	Ежегодныхъ:	Единовремен.:
но—по семинаріи отъ учащихся.	47 р. — к.	— р. — к.
учащихся высшаго отдѣленія...	77 » — »	26 » 50 »
— средняго отдѣленія...	75 » — »	25 » — »
— нижняго отдѣленія...	74 » — »	53 » 70 »
по уѣздному учил.—отъ учащихся	35 » — »	13 » — »
учащихся высшаго отдѣленія...	227 » 40 »	41 » 79 »
— нижняго отдѣленія...	192 » 95 »	149 » 40 »
по приходск. учил.—отъ учащихся	6 » — »	4 » — »
учащихся 2 класса	5 » 25 »	20 » 50 »
— 1 класса	— » — »	2 » 54 »
Всего	739 р. 50 к.	336 р. 43 к.

Кромѣ того, Комитетъ Сотоварищества «всемирно старается о приведеніи въ большую извѣстность цѣли Россійскаго Библейскаго Общества въ г. Воронежѣ и Воронежской епархіи. Для сего учреждаетъ корреспонденцію съ лицами, въ г. Воронежа живущими, и особенно принадлежащими къ вѣдомству училищному, и доставляетъ всѣмъ отчеты и книжки о цѣли и успѣхахъ Общества».

«Дѣлами Училищнаго Библейскаго Сотоварищества управляетъ избранный изъ членовъ онаго Комитетъ, который подѣ предсѣдательствомъ ректора семинаріи составляютъ два или болѣе засѣдающихъ директора, казначей и секретарь изъ учащихся. Въ отсутствіи первенствующаго директора, мѣсто его заступаетъ слѣдующій по немъ».

Уставъ Сотоварищества, одобренный пр. Епифаніемъ и Коммиссіей Духовныхъ Училищъ, былъ представленъ на утвержденіе Комитета Россійскаго Библейскаго Общества. Но послѣднее не утвердило устава на томъ основаніи, что Библейское Общество по уставу должно ограничиваться единственно раздачею книгъ св. Писанія безъ всякихъ на оное толкованій и объясненій. Самое наименованіе общества Училищнымъ Сотовариществомъ по предмету чтенія св. Писанія признано ненужнымъ, «ибо училищное начальство и безъ того обязано наблюдать, чтобы въ каждомъ учебномъ заведеніи ежедневно прочитываемо было предѣ начатіемъ классовъ какое-нибудь отдѣленіе изъ Новаго Завѣта; въ семинаріи сверхъ того учрежденъ особый классъ именно для чтенія и объясненія св. Писанія и наконецъ введено толкованіе св. Писанія и во весь годъ въ воскресные и праздничные дни. Само собою разумѣется, что учащіе и учащіяся могутъ составить между собою Сотоварищество Библейскаго Отдѣленія, но не иначе, какъ сообразно съ правилами, изданными для Библейскаго Общества». Но учрежденіе такого Сотоварищества было отклонено семинарскимъ правленіемъ. «По отмѣненіи первой и главной цѣли предполагаемаго Библейскаго Сотоварищества при духовныхъ Воронежской епархіи училищахъ, состоящей въ распространеніи вѣдѣнія Слова Божія между воспитанниками посредствомъ чтенія, изъясненія и переводовъ онаго съ оригинальныхъ языковъ, оное правленіе не почитаетъ за нужное учреждать упомянутаго Библ. Сотоварищества, ограничивающагося только раздачею книгъ, по той причинѣ, что распространенію книгъ св. Писанія мо-

гутъ содѣйствовать всѣмъ начальствующимъ и учащимъ всѣхъ духовныхъ Воронежской епархіи училищъ, безъ учрежденія особаго Сотоварищества, такъ какъ начальствующіе всѣ и большая часть учащихся находятся членами въ Воронежскомъ Отдѣленіи Россійскаго Библейскаго Общества; учащіеся же по недостатку времени и средствъ не могутъ ощутительнымъ успѣхомъ способствовать достиженію сей цѣли».

Такимъ образомъ Училищное Сотоварищество такъ и не открывало своей дѣятельности, ограничившись только сборомъ вышеуказанной суммы, которая была передана въ Воронежское Отдѣленіе Россійскаго Библейскаго Общества ¹⁾.

Въ 1824 году атаманъ войска Донскаго А. Д. Иловый денесъ Воронежскому епархіальному начальству объ отступившихъ отъ православія старшинахъ съ крестьянами, прося духовное вѣдомство озаботиться объ увѣщаніи заблуждающихся. Воронежская Консисторія, разсмотрѣвши этотъ рапортъ, постановила: «поелику иконоборческая секта возникаетъ и въ другихъ мѣстахъ Воронежской епархіи, а для опроверженія ея требуются основательныя свѣдѣнія въ св. Писаніи и Церковно-Библейской Исторіи, чего не отъ всякаго приходскаго священника ожидать можно, то предложить семинаріи, подъ руководствомъ ректора и учителя Церковной Исторіи, сочинить полный трактатъ объ иконопочитаніи съ опроверженіемъ иконоборческой ереси и представить этотъ трактатъ для разсмотрѣнія Воронежскому архіерею; по одобреніи, трактатъ этотъ разослать священникамъ, въ приходахъ которыхъ есть сектанты, и другимъ лицамъ, которымъ будетъ поручено вразумить ихъ». Пр. Елифаній прибавилъ къ этому опредѣленію Консисторіи свою резолюцію: «Отца ректора и инспектора увѣрить, что кромѣ награды Божіей за спасеніе душъ заблудшихъ, трактаты ихъ, если найдутъ-

¹⁾ Архивъ Кіевской Дух. Академіи, Дѣла Окр. Правленія, 1822 г., № 23 и 1823 г., № 27.

ся достойными того, будутъ представлены въ Св. Синодъ съ ходатайствованіемъ о напечатаніи оныхъ для распростра-ненія между заблуждающими и для обращенія оныхъ». Дѣ-ло было поручено ректору архим. Андрею и инспектору іером. Платону. Послѣдній долженъ былъ доставлять пер-вому историческія доказательства православнаго ученія объ иконопочитаніи. Но до 1826 г. ректоръ архим. Андрей только началъ трактатъ, а затѣмъ, послѣ перевода его въ Вятку, объ окончаніи его нечего было и говорить. Въ свое оправданіе онъ уже изъ Вятки писалъ, что не получалъ никакихъ матеріаловъ отъ іером. Платона. Тогда дѣло было передано его преемнику архим. Филадельфу. Этотъ началъ съ того, что 24 Ноября 1826 года обратился въ Конси-сторію за справкою, на чемъ иконоборцы основываютъ свое ученіе: 1) принимаютъ ли они книги св. Писанія одинако-во съ Греко-Россійскою церковью; 2) какъ относятся къ сочиненіямъ св. отцевъ; 3) признаютъ ли храмы; 4) — крестъ; 5) таинства; 6) обряды; 7) на какихъ мѣстахъ св. Писанія они основываютъ свое ученіе; 8) одного ли только иконопочитанія, или и другихъ видовъ вѣшняго богопочтенія не признаютъ? 5 іюля 1827 г. свѣдѣнія были доставлены, а въ Ноябрь того же года Консисторія спра-шивала у ректора, скоро ли онъ окончитъ свой трактатъ. Архим. Филадельфъ отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ времени для этого дѣла за другими занятіями ¹⁾. Послѣ этого, 20 Де-кабря 1827 г. составленіе трактата было поручено канди-дату Вельяминову. Послѣдній 28 Октября 1828 г. пред-ставилъ трактатъ въ Консисторію, которая препроводила его въ Св. Синодъ. Но цензурный Комитетъ при Петер-бургской дух. академіи не одобрилъ этого сочиненія къ на-печатанію, хотя и призналъ, что въ немъ «весьма много хо-рошаго. Сочинитель собралъ все, что, по его мнѣнію, от-

¹⁾ Семин. архивъ, 197, л. 407—412.

носило къ предмету; но не успѣлъ размѣстить собраннаго матеріала надлежащимъ образомъ и дать ему приличнаго вида; слогъ его большею частію нечистъ, нездравъ и растянутъ; есть мысли незрѣлыя, выраженія неточныя и странныя». Въ виду этого авторъ долженъ былъ пересмотрѣть, исправить, а по мѣстамъ и передѣлать свое сочиненіе. Къ этому неоднократно побуждалъ его и пр. Антоній II. Но дѣло опять затянулось, вѣроятно, потому, что самъ Вельяминовъ охладѣлъ къ нему, считая себя обиженнымъ отношеніемъ къ его труду Цензурнаго Комитета. Съ 1833 г., послѣ смерти Вельяминова, вопросъ объ этомъ трактатѣ болѣе уже не поднимался.

Въ 1851 году Воронежская Консисторія предложила наставникамъ семинаріи взять на себя трудъ описанія Воронежской епархіи. Въ отвѣтъ на это предложеніе изъ наставниковъ семинаріи была образована Комmissія для составленія такого описанія. Но въ чемъ состояли занятія этой Комmissіи, намъ неизвѣстно. Извѣстно только, что описаніе Воронежской епархіи не было составлено.

Подобныя же неудачи преслѣдовали и частныя научныя труды учителей Воронежской семинаріи, большая часть которыхъ осталась въ рукописяхъ.

Въ заключеніе нужно сказать, что служба въ семинаріи удовлетворяла очень немногихъ учителей. За 50 лѣтъ — съ 1817 г. до 1867 г., когда дѣйствовалъ уставъ 1808 г. относительно положенія наставниковъ, только 4 учителя выслужили 25-лѣтній срокъ (Чеховъ, Данскій, Мишинъ, Авсенева). 8 наставниковъ служили отъ 11 до 15 лѣтъ, 18 — отъ 6 до 10 лѣтъ, 18 — отъ 3 до 5 и 17 — отъ одного до двухъ лѣтъ.

Первыми учителями преобразованной семинаріи были *прот. І. Зацпинъ, свящ. А. Лебедевъ и иером. Иларій* ¹⁾.

¹⁾ Краткія свѣдѣнія о нихъ см. въ 1-й части.

Маистръ Арсеній Смоленскій (1817—1818 и.л.) получилъ образованіе въ Тверской семинаріи (1804—1814). Въ 1814 г. поступилъ въ С.-Петербургскую академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1817 году со степенью магистра богословія. Въ томъ же году онъ былъ опредѣленъ профессоромъ Воронежской семинаріи. 23 Сентября 1818 г. Смоленскій переведенъ въ Казань инспекторомъ и профессоромъ тамошней семинаріи.

Іеромонахъ Поликарпъ (1817—1820 и.л.) обучался въ Вятской семинаріи съ 1800 г. Въ 1816 г. опредѣленъ тамъ же учителемъ высшаго отдѣленія латинскаго языка, пространнаго катихизиса и еврейскаго языка. 4 Марта 1817 г. постриженъ въ монахи. 24 Юля 1817 г. Коммиссіей Духовныхъ Училищъ утверждёнъ въ должности учителя еврейскаго языка Воронежской семинаріи. Въ 1820 году іеромонахъ Поликарпъ временно былъ уволенъ за небрежное исполненіе учительскихъ обязанностей и за уклоненіе отъ богослуженія въ продолженіе года. На просьбу его объ увольненіи изъ Воронежа въ родную Вятскую епархію, ему предложили въ качествѣ епитеміи прослужить въ теченіе недѣли въ Алексѣевскомъ монастырѣ и дать объясненіе о причинахъ своихъ проступковъ. Спустя недѣлю, ему назначали новую недѣльную епитемію за недостаточное объясненіе. Прибывши послѣ этого въ Вятку, о. Поликарпъ подалъ въ Св. Синодъ на пр. Епифанія и на семинарское начальство жалобу, въ которой и выяснилъ причины своихъ поступковъ. Изъ его объясненія открывается, что онъ находился въ пренебреженіи и со стороны семинарскаго начальства, и со стороны епархіальнаго архіерея. Онъ считалъ себя оскорбленнымъ тѣмъ, что во время богослуженія «высшее мѣсто (передъ нимъ) занимали архіерейскаго дома іеромонахи, не обучавшіеся ни въ какомъ училищѣ». Что касается неисправностей по должности учителя, то и онъ, по мнѣнію о. Поликарпа, зависѣли отъ презрѣнія семинарскаго началь-

ства къ его предмету—еврейскому языку. Ученикамъ не давали даже готовиться къ экзаменамъ по еврейскому языку, отвлекая ихъ къ другимъ предметамъ. Поэтому іер. Поликарпъ даже совсѣмъ не явился на внутреннее испытаніе по еврейскому языку и «вообще лишился бодрости къ прохожденію должности по причинѣ презрѣнія къ еврейскому языку отъ Семинарскаго Правленія» ¹⁾.

Кандидатъ Николай Кастальскій (1820—1824 г.г.)
съ 1806 года по 1814 г. обучался въ Московской славяно-греко-латинской академіи; съ 1814—1816 г.г.—въ Московской семинаріи; съ 1816 г. по 1820 г.—въ преобразованной Московской академіи. По окончаніи курса со степенью кандидата богословія, 20 Сентября 1820 г. опредѣленъ учителемъ Воронежской семинаріи по нѣмецкому и французскому языку. Съ 26 Сентября 1822 г. до 1824 г. состоялъ учителемъ еврейскаго и французскаго языка.

Маистръ Захарія Трояновскій (1823—1833 г.г.)
съ 1809 года обучался въ Воронежской семинаріи, съ 1819 г. по 1823 г. въ Кіевской академіи. Окончилъ курсъ кандидатомъ богословія съ правомъ на степень магистра по выслугѣ одного года въ училищной должности. Въ 1823 г. опредѣленъ профессоромъ Воронежской семинаріи по словесности. 5 Августа 1824 г. утвержденъ въ степени магистра. 6 Мая 1829 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора. Съ 9 Мая 1829 г. по 1831 г. состоялъ временнымъ членомъ Семинарскаго Правленія. Въ теченіе 1830 г. по субботамъ читалъ св. Писаніе въ низшихъ классахъ; тоже продолжалъ въ 1831 г. въ низшихъ и среднихъ классахъ. Въ 1831 г. получилъ чинъ 8 класса. Въ 1832 г. исправлялъ должность инспектора семинаріи.

Представительный и красивый, Трояновскій производилъ на учениковъ благопріятное впечатлѣніе своею внѣшностью.

¹⁾ Синод. архивъ, 1821 г., № 1407.

Кромѣ того, онъ хорошо зналъ свой предметъ и умѣлъ преподавать его, что официально засвидѣтельствовано ревизоромъ архим. Іереміей ¹⁾ и утверждается его бывшими учениками. Но потомъ онъ охладѣлъ къ своему дѣлу, задумавши перемѣнить службу. Дѣйствительно, въ 1833 году онъ былъ назначенъ директоромъ Воронежской гражданской гимназіи, гдѣ заявилъ себя, какъ дѣятельный начальникъ и педагогъ.

Кандидатъ Антонъ Собкевичъ (1824—1833 и.и.), дворянскаго происхожденія, обучался въ Волынской семинаріи (съ 1809 г.) и Кіевской академіи (съ 1819 г.), откуда вышелъ 17 Сентября 1823 года со степенью кандидата богословія. Въ томъ же году былъ опредѣленъ учителемъ Волынской семинаріи по гражданской исторіи и польскому языку. Съ 27 Октября 1823 г. по 3 Декабря 1824 г. состоялъ экономомъ семинаріи. 4 Декабря 1824 г. опредѣленъ учителемъ гражданской исторіи и греческаго языка въ Воронежскую семинарію. 22 Августа 1825 г., кромѣ того, назначенъ бібліотекаремъ той же семинаріи. Съ 23 Января 1826 г., вмѣсто греческаго, сталъ преподавать нѣмецкій языкъ. 28 Мая 1827 г. опредѣленъ секретаремъ Семинарскаго Правленія. 10 Іюля 1828 г. получилъ чинъ 9 класса. 4 Іюня 1828 г. назначенъ секретаремъ Воронежскаго Комитета Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, «въ каковой должности жертвуетъ секретарское жалованье въ пользу бѣдныхъ».

Служба Собкевича въ должности секретаря прошла въ борьбѣ съ ректоромъ и инспекторомъ. Какъ уже сказано выше, побѣдителемъ изъ этой борьбы вышелъ Собкевичъ, отчасти потому, что онъ стоялъ за правое дѣло, а отчасти потому, что на его сторонѣ стоялъ пр. Антоній II, который былъ недоволенъ Семинарскимъ Правленіемъ. Борьба

¹⁾ Арх. Кіевск. дух. акад. 1832 г., № 9.

заставила секретаря съ особенною щепетильностью относиться къ канцелярскому дѣлу, что выразилось въ установленіи особыхъ дежурствъ писцовъ въ канцеляріи, по примѣру другихъ присутственныхъ мѣстъ, и въ особенно тщательномъ веденіи канцелярскихъ документовъ, которые за его время хорошо составлены и толково занесены въ архивную опись. Но эта же борьба обнаружила въ немъ человѣка крайне щепетильнаго, самолюбиваго и неуживчиваго.

Какъ преподаватель, Собкевичъ былъ изъ самыхъ худшихъ. Особенно его посредственность обнаруживалась при сопоставленіи съ другими учителями того времени. Прот. Е. Свѣтозаровъ, въ своихъ воспоминаніяхъ объ учителяхъ 30 годовъ, только въ немъ видитъ примѣръ человѣка, попавшаго не на свое мѣсто. «Это какой-то неудачникъ, бездарный, потерявшій всякое уваженіе въ глазахъ учениковъ своимъ плохимъ преподаваніемъ и странностями. На его урокахъ происходили такіе безпорядки, что стыдно о нихъ упоминать. Разъ его совсѣмъ выгнали изъ класса шумомъ, крикомъ, стукотнею, и нѣкоторое время его замѣнялъ самъ ректоръ, при которомъ, понятно, все было чинно и въ порядкѣ, а потому происшествіе это было замято. Учебникомъ по исторіи былъ переводъ съ нѣмецкаго Шрекка—сухой, растянутый, тяжелымъ слогомъ изложенный. И Собкевичъ не умѣлъ оживить его и сдѣлать интереснымъ» ¹⁾.

Въ 1833 году Собкевичъ перешелъ на службу въ гимназію, но и тамъ не могъ внушить къ себѣ уваженія. Вышедши въ отставку онъ открылъ частный пансіонъ, который былъ на хорошемъ счету. Пансіонъ этотъ существуетъ и теперь.

Маистръ Александръ Вельяминовъ (1825—1833 г.г.) съ 1811 г. учился въ Тульской семинаріи, въ 1821 г. поступилъ въ Петербургскую академію, откуда вышелъ 17 Декабря 1825 г. кандидатомъ богословія съ правомъ

¹⁾ Воспоминанія прот. Е. Е. Свѣтозарова, 5—7.

получить черезъ два года степень магистра безъ новаго испытанія, съ одобренія мѣстнаго начальства. Тогда же опредѣленъ учителемъ Воронежской семинаріи по греческому и еврейскому языку. 28 Мая 1827 г. назначенъ библіотекаремъ. Въ томъ же году утвержденъ въ степени магистра. 4 Марта 1829 г. опредѣленъ профессоромъ философіи и математики. 20 Іюня 1830 г. назначенъ помощникомъ инспектора. Умеръ въ 1833 году.

Это былъ даровитый и знающій свой предметъ преподаватель. Но онъ читалъ свои лекціи высокопарно и туманно, такъ что семинаристы мало понимали его. Имъ, какъ уже сказано, былъ составленъ трактатъ объ иконопочитаініи. Послѣ его смерти, въ библіотекѣ оказались недочеты на 393 р. 79¹/₂ к. ассигн. 97 р. 65 к. были уплачены его женою. Остальной долгъ взялся уплатить его преемникъ И. П. Некрасовъ «изъ дружбы къ покойному». «На учениковъ онъ вліялъ не своей оффиціальной профессіей, а своими литературными занятіями, любовью къ нимъ. Онъ что-то такое писалъ, много переводилъ и, говорятъ, не мало печаталъ (хотя намъ и неизвѣстно—гдѣ), живя въ Петербургѣ, онъ имѣлъ случай познакомиться съ Жуковскимъ и нѣкоторыми тогдашними литераторами и издателями. Словомъ, если Вельяминовъ не былъ въ Воронежѣ представителемъ академической учености, то его смѣло можно считать представителемъ тогдашней литературы, чѣмъ объясняется его вліяніе на семинаристовъ. Между прочимъ, онъ былъ лично знакомъ съ Кольцовымъ и помогалъ ему своими совѣтами» ¹⁾).

Маиистръ Ѳеодоръ Троицкій (1825—1834 г.г.) получилъ образованіе въ Ярославской семинаріи (съ 1811 г.) и Петербургской академіи (съ 1821 г.). Въ 1825 г. окончилъ курсъ кандидатомъ богословія, съ правомъ на степень

¹⁾ Древняя и Новая Россія, 1878, № 3, стр. 221 и др.

магистра по выслугѣ двухъ лѣтъ безъ новаго испытанія. Въ томъ же году назначенъ учителемъ Воронежской семинаріи по церковной исторіи и французскому языку. 5 Іюля 1826 г. опредѣленъ секретаремъ Семинарскаго Правленія. Съ 27 Мая 1827 г. по 28 Іюля 1828 г. состоялъ экономомъ семинаріи, отъ каковой должности уволенъ по прошенію. 3 Декабря 1827 г. утвержденъ въ степени магистра. Въ 1827 и 1830 г.г. читалъ ученикамъ св. Писаніе. 15 Сентября 1832 г. назначенъ помощникомъ инспектора. Съ 1 Февраля 1833 г. по Іюль того же года исправлялъ должность профессора богословскихъ наукъ. Въ 1834 году перешелъ на службу въ свѣтское вѣдомство.

О педагогической опытности Троицкаго и его познаніяхъ въ церковной исторіи съ похвалою отзывался ревизоръ іером. Іеремія, который замѣтилъ, что ученики любятъ церковную исторію и занимаются ею съ усердіемъ и успѣхами отличными ¹⁾. «Съ особеннымъ уваженіемъ и любовію вспоминаю объ этомъ наставникѣ, пишетъ о. Свѣтозаровъ. Многосторонне-образованный, основательный, строго-логичный, солидный и при этомъ благородный и обходительный, онъ пользовался наибольшимъ предъ другими наставниками авторитетомъ у воспитанниковъ. На его урокахъ всегда была примѣрная тишина, порядокъ и вниманіе. Свой предметъ онъ зналъ въ совершенствѣ и преподавалъ отлично, оттого и занимались имъ съ усердіемъ. Но и другіе предметы, поручаемые ему ректоромъ, онъ преподавалъ основательно и занимательно. Назначенный, за болѣзнію инспектора о. Александра, временно на греческій языкъ, онъ избралъ для перевода статью «Оригена противъ Кельса», сообщилъ свѣдѣнія о томъ и другомъ, сообщилъ содержаніе всей статьи, разобралъ (въ урокъ) болѣе трудныя слова и затѣмъ перевелъ разобранное самымъ чистымъ русскимъ языкомъ. Всѣ слышали

¹⁾ Арх. Кіевск. акад. 1832, № 9.

какъ бы нѣчто новое и занимались греческимъ языкомъ съ должнымъ вниманіемъ и усердіемъ; пока ходилъ на уроки греч. языка Троицкій. Въ подтвержденіе основательности и логичности Троицкаго нахожу умѣстнымъ упомянуть о слѣдующемъ. Были еще въ тѣ годы въ обычаѣ такъ наз. диспуты. Диспуты эти велись съ жаромъ и между воспитанниками, и иногда между воспитанниками и наставниками, и затягивались по временамъ надолго въ ущербъ класснымъ занятіямъ. И вотъ любители такихъ диспутовъ покушались нерѣдко дѣлать возраженія и Троицкому, но онъ, бывало, скажетъ нѣсколько вѣсскихъ и основательныхъ словъ, и диспутанты умолкали. Великое сокровище для учебнаго заведенія подобные наставники» ¹⁾.

Кандидатъ Иванъ Ѳеодоровъ (1836—1847 г.г.) обучался первоначально въ Воронежской семинаріи. Въ 1819 г. поступилъ въ Кіевскую академію. Въ 1823 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата. 14 Января 1824 г. опредѣленъ смотрителемъ Новохоперскаго приходскаго училища. 15 Февраля 1825 г. назначенъ инспекторомъ Бирюченскаго духовнаго училища и учителемъ низшаго отдѣленія уѣзднаго училища. 27 Января 1826 года назначенъ учителемъ высшаго отдѣленія того же училища. 17 Марта 1827 г. опредѣленъ учителемъ высшаго отдѣленія Воронежскаго уѣзднаго училища. 20 Юня 1827 г. назначенъ смотрителемъ Воронежскихъ училищъ. 23 Ноября 1836 г. переведенъ учителемъ Воронежской семинаріи на гражданскую исторію и греческій языкъ. 16 Января 1841 г., по случаю преобразованія учебной части въ семинаріи, поручено ему преподаваніе катихизическаго ученія, всеобщей древней исторіи и греческаго языка въ низшемъ отдѣленіи и русской исторіи—въ среднемъ. 24 Января—29 Февраля 1844 г. Правитель-

¹⁾ Воспоминанія прот. Е. Свѣтзарова, стр. 32—37. Де-Пуле упоминаетъ о вліяніи Троицкаго на Сребрянскаго. Древняя и Новая Россія, 1878, № 3, стр. 221.

ствующимъ Сенатомъ уволенъ изъ духовнаго званія въ свѣтское. Умеръ отъ холеры въ 1847 г.

Маиштръ Платонъ Ставровъ (1828—1832 г.г.), обучался въ Воронежской семинаріи и Кіевской академіи. 17 Сентября 1823 г. окончилъ курсъ магистромъ богословія и былъ назначенъ бакалавромъ церковнаго краснорѣчія при Кіевской академіи. 7 Января 1828 г., согласно его прошенію, Коммиссіей Дух. Училищъ опредѣленъ вторымъ профессоромъ философскихъ наукъ въ Воронежскую семинарію, съ предоставленіемъ ему преподаванія алгебры, пасхалии и физики. 16 Юня 1828 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора семинаріи; 7 Августа 1828 г. — членомъ Семинарскаго Правленія, отъ каковыхъ должностей уволенъ 5 Мая 1829 года. 29 Марта 1829 произведенъ въ кафедральнаго протоіерея. 25 Августа 1829 г. назначенъ присутствующимъ въ Консисторіи. 18 Ноября 1829 г. назначенъ членомъ Комитета Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Скончался въ 1832 г.

Такимъ образомъ, въ теченіе двухъ лѣтъ Ставровъ занялъ очень видное положеніе въ мѣстномъ духовномъ мірѣ. Это, конечно, объясняется отчасти тѣмъ, что онъ окончилъ курсъ академіи вторымъ, (первымъ былъ Иннокентій Борисовъ, впослѣдствіи арх. Херсонскій). На первомъ курсѣ Ставровъ занималъ первое мѣсто, которое, говорятъ, онъ уступилъ своему другу Борису, ради дружбы и ради желанія послѣдняго поступить въ монашество и добиваться высшей іерархической карьеры. Уже одно это соперничество свидѣлствуетъ о даровитости Ставрова, точно такъ же какъ поступокъ его съ Борисовымъ показываетъ высокое благородство его характера. Если Ставровъ не пошелъ по слѣдамъ своего друга соперника, то это случилось подъ вліяніемъ отца, не любившаго монаховъ. Скудость академич. содержанія и незавидное тогда положеніе, такъ наз., свѣтскихъ профессоровъ дух. академій, заставили Ставрова пред-

почетъ академіи семинарію. Въ семинаріи онъ занялъ видное положеніе ¹⁾. Сынъ выдающагося учителя семинаріи, свѣщ. Іоанна Ставрова, о. Платонъ вездѣ выдавался среди другихъ своею даровитостію. «Считаю нужнымъ упомянуть о его замѣчательной способности приспособляться къ понятіямъ учениковъ. Переходъ отъ реторики къ философіи былъ такъ рѣзокъ, что логика для многихъ на первый разъ казалась недосыгаемою премудростію, тѣмъ болѣе что записки по ней были на латинскомъ языкѣ. Но Пл. Ив. Ставровъ такъ умѣлъ упростить преподаваніе, что мы безъ труда могли усвоить преподаваемое. Въ обращеніи съ воспитанниками онъ былъ весьма простъ и сердеченъ» ²⁾. О его благотворномъ вліяніи на учениковъ свидѣлствуютъ уже извѣстныя въ литературѣ его отношенія къ семинарскому поэту А. Сребрянскому, другу А. В. Кольцова. Ему, между прочимъ, посвящена ода послѣдняго «Безсмертіе» ³⁾. Вотъ посвященіе, которое отчасти характеризуетъ Ставрова.

«Другъ Церкви—Истины святой

И дара пѣснопѣй!

Склони слухъ къ лирѣ золотой

И оцѣни мой геній!

Звучнѣй она быть не могла;

Слеза ее смочила...

И не молва—не похвала,

Мечта ее златила;

Издавна я ее любилъ;

Но помню часъ унылый:

Я струны тихо опустилъ—

И смолкнулъ отзывъ милый;

Я былъ плѣненъ тогда твоей

Весѣдою высокой!

И мнѣ-ль до струнъ, я мнилъ, душой

Надъ Истиной глубокой?

Что пѣснь презрѣнная страстей,

Забавой увлеченныхъ,—

Предъ думной полнотою идей

Возвышенныхъ—священныхъ?

Такъ думалъ я и все внималъ

Тебѣ, въ раздумьи мирномъ;—

Но вслушался—и разгадалъ,

Въ какомъ согласіи дивномъ

Быть можетъ тихая мечта

Съ душой, добромъ богатой;

И умъ—созданій красота—

Съ фантазіей крылатой!

Узналъ—и струны пробудилъ,

Мечтой горѣ носимый;

И пѣснь высокую сложилъ,

Тобой руководимый.

Склони жъ свой слухъ! и пѣснѣ внявъ,

Скажи мнѣ откровенно!

Мнѣ пѣть ли долѣе,—или, зная

Свой умъ, молчать смиренно?

Скажи отъ сердца, какъ мое

Отъ сердца приношеніе!

Мнѣ мнѣе доброе Твое

Замѣнить свѣта мнѣе».

¹⁾ Де-Пуле. А. В. Кольцовъ. Древняя и Нов. Россія, 1878 г., № 3, стр. 219—221.—²⁾ Воспоминанія о. Свѣтозарова, стр. 19—20.—³⁾ Издано въ 1892 г. о. Ст. Г. Звѣревымъ.

Манистръ Ѳеодоръ Спиридоновичъ Шимкевичъ (1833г.)

получилъ образованіе въ Воронежской семинаріи и Кіевской академіи. Еще на академической скамьѣ онъ отличался любовью къ филологіи: уже здѣсь онъ изучилъ языки—греческій, латинскій, еврейскій, халдейскій, французскій, нѣмецкій, польскій, итальянскій и венгерскій. Курсовое сочиненіе Шимкевича «О просвѣщеніи древнихъ евреевъ, или объ ихъ успѣхахъ въ изящныхъ наукахъ и искусствахъ»—обратило на себя вниманіе м. Евгенія, который былъ удивленъ начитанностью автора и поэтому назначилъ его бакалавромъ нѣмецкаго языка при академіи. Вскорѣ Шимкевичъ былъ, кромѣ того, опредѣленъ, помощникомъ бібліотекаря. Мало обремененный срочными занятіями и имѣя возможность почти постоянно оставаться въ бібліотекѣ, онъ весь предался книгѣ и преимущественно филологіи. Уже въ это время въ немъ созрѣла мысль анализировать русскій языкъ, отдѣливъ въ немъ чужеземную примѣсь отъ самостоятельнаго славянскаго элемента. Въ 1830 г. Виленскій университетъ объявилъ программу сочиненія для соисканія каедры греческой словесности и Шимкевичъ началъ обработку сочиненія «*Dissertatio de fatis linguae Graecae ejusque cognitione*»; но такъ какъ Виленскій университетъ вскорѣ былъ закрытъ, то сочиненіе осталось неоконченнымъ. Имѣя въ виду свою основную работу и находя черты сходства русскаго языка съ другими европейскими, Шимкевичъ обратилъ вниманіе на болѣе основательное изученіе нѣмецкаго языка и вновь изучилъ голландскій и англійскій языки, составивши потомъ сравнительную таблицу этихъ трехъ языковъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ изучилъ языки исландскій, датскій и шведскій, составивши послѣ этого опытъ сравненія между собою 6 языковъ германскаго происхожденія—въ 2 частяхъ: въ первой сравниваются языки—шведскій, датскій, англійскій, голландскій съ нѣмецкимъ; во второй—нѣмецкій, датскій, шведскій и англійскій съ исландскимъ.

И все это еще было подготовительнымъ трудомъ для объясненія нѣкоторыхъ коренныхъ словъ русскаго языка. Въ часы отдыха Ш. занимался изслѣдованіемъ болѣе легкихъ языковъ: польскаго, чешскаго и сербскаго. Считая всѣ эти познанія недостаточными и не находя болѣе пособій для лучшаго изученія языковъ въ Кіевѣ, онъ отправился въ Петербургъ, оставивши академич. службу. Но недостатокъ содержанія заставилъ его просить какой-нибудь должности, и онъ былъ назначенъ профессоромъ философіи въ Воронежскую семинарію. Впрочемъ, здѣсь онъ пробылъ менѣе года. Постоянныя кабинетныя занятія преждевременно состарили его и расшатали его организмъ. Поэтому онъ отказался отъ учительства и прибылъ въ Петербургъ, опредѣлившись здѣсь столоначальникомъ въ хозяйственный департаментъ Мин. Вн. Дѣлъ. Въ свободное время онъ изучалъ нарѣчія—славонское, краинское и верхне-лужицкое. Въ 1836 г. Шимкевичъ перешелъ въ Кіевъ непремѣннымъ членомъ приказа обществ. призрѣнія. Въ 1837 г. снова опредѣлился на прежнее мѣсто въ Петербургѣ. Въ 1838 г. вышелъ въ отставку. Но за недостаткомъ средствъ, онъ снова долженъ былъ подумать о какомъ-нибудь заработкѣ, иначе его трудъ, ради котораго онъ бросилъ должность, могъ опять прерваться. Тогда онъ обратился къ слависту А. Х. Востокову съ вопросомъ, можетъ ли онъ рассчитывать на Демидовскую премію за свой Корнесловъ русскаго языка. Востоковъ обнадежилъ Шимкевича и даже содѣйствовалъ окончанію его труда. Въ 1840 г. Шимкевичъ представилъ Академіи Наукъ краткій очеркъ своихъ занятій по слав. филологіи и въ частности по составленію Корнеслова. Академія Наукъ, одобливши работу Шимкевича, выдала ему денежное пособіе и присудила половинную Демидовскую премію. Корнесловъ былъ напечатанъ въ 1842 г. Этотъ трудъ совершенно истощилъ Шимкевича. И только передъ смертью онъ былъ оцененъ обществомъ, которое заговорило о немъ, какъ о не-

бываломъ явленіи. О его Корнесловѣ узналъ наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, который пожелалъ прочитать эту книгу. Узнавши о болѣзни автора, онъ немедленно послалъ къ нему своего лейбъ-хирурга. Но ничто уже не могло помочь истощенному организму. 3 Апр. 1843 г. Шимкевичъ скончался, оставивши послѣ себя только нѣсколько книгъ и рукописей собственнаго сочиненія ¹⁾).

Кандидатъ Алексій Адріановичъ Николаевскій (1833 г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, опредѣленъ учителемъ Ворон. сем. на философскіе предметы. На пути въ Воронежъ онъ заболѣлъ, остановился у какаго-то священника, дочь котораго заботливо ухаживала за нимъ и онъ послѣ выздоровленія женился на ней, чѣмъ вызвалъ противъ себя неудовольствіе пр. Антонія II, безъ благословенія котораго онъ вступилъ въ бракъ. Въ Ворон. семинаріи онъ еще раньше, будучи семинаристомъ, состоялъ лекторомъ нѣмецкаго языка. Какъ преподаватель философіи, онъ слылъ знатокомъ своего предмета, но былъ нелюбимъ начальствомъ за либеральныя мнѣнія. Поэтому вскорѣ онъ перешелъ на должность преподавателя въ Воронежскую гимназію, откуда перешелъ на службу въ Кіевъ ²⁾).

Кандидатъ Николай Степановичъ Чеховъ (1832—1857) получилъ образованіе въ Воронежской семинаріи и Кіевской академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1829 году со степенью кандидата богословія. 25 Сентября 1829 г. назначенъ учителемъ словесности въ Орловскую семинарію. 25 Октября того же года назначенъ помощникомъ инспектора. Съ 15 Сентября 1831 г. по 19 Августа 1832 г. испра-

¹⁾ В. Аскоченскій, Исторія Кіевской дух. академіи. 1863 г. стр. 123—136. Мы перечислили выдающіеся труды Шимкевича (хотя въ Ворон. сем. онъ служилъ очень недолго) потому, что онъ является однимъ изъ даровитѣйшихъ питомцевъ Воронежской семинаріи.

²⁾ Николаевъ, Списки, стр. 143. Въ сем. архивѣ мы не нашли формуляра этого учителя, почему и не можемъ сообщить точныхъ датъ о его службѣ въ Ворон. семинаріи.

влялъ должность бібліотекаря семинаріи. 19 Августа 1832 г., по прошенію, переведенъ въ Воронежскую семинарію на тотъ же предметъ. Съ 17 Сентября 1832 г. по 1 Декабря 1833 г. исправлялъ должность учителя еврейскаго языка. Съ 14 Декабря 1832 г. по 1 Января 1833 г. исправлялъ должность секретаря Семин. Правленія. 1 Января 1833 г. утвержденъ въ той же должности. Съ 1 Сентября 1833 г. по 14 Юня 1834 г. каждаго недѣлю по субботамъ изъяснялъ св. Писаніе ученикамъ обоихъ классовъ словесности. 8 Юля 1834 г., по сношеніи съ духовно-училищнымъ начальствомъ, опредѣленъ секретаремъ Воронежскаго попечительства о тюрьмахъ и о бѣдныхъ Комитета, въ каковой должности состоялъ до 28 Октября 1853 года. 5 Августа 1836 года, по прошенію, уволенъ отъ должности секретаря Семинарскаго Правленія. Съ 8 Февраля 1837 г. по 24 Сентября 1855 г. состоялъ помощникомъ инспектора семинаріи. 3 Августа 1842 г. уволенъ въ свѣтское званіе. Съ 15 Сентября 1848 г. по 19 Ноября 1851 г. состоялъ секретаремъ строительнаго Комитета, учрежденнаго для возобновленія зданій Воронежскихъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Въ 1852 г. получилъ знакъ отличія за 20 лѣтъ службы. Въ 1855 г. за долговременную усердную и полезную службу Св. Синодомъ награжденъ полнымъ годовымъ окладомъ учительскаго жалованья (257 р. 40 к.). Умеръ въ 1878 году въ отставкѣ.

Чеховъ былъ однимъ изъ видныхъ преподавателей. Остроумный и находчивый, онъ умѣлъ преподавать словесность живо и увлекательно. Особенно выигрывало его преподаваніе тѣмъ, что онъ оживлялъ изложеніе риторическихъ правилъ занимательными примѣрами, часто даже анекдотическаго свойства. Оттого его уроки проходили оживленно и безъ утомленія для учениковъ, хотя Чеховъ былъ строгимъ преподавателемъ и наказывалъ нарушителей школьной дисциплины. Среди другихъ учителей Чеховъ выдавался сво-

имъ матеріальнымъ достаткомъ. При бѣдности другихъ учителей, онъ умѣлъ приобрѣсти двухъ-этажный домъ, что объяснялось частью его хозяйственными способностями и умѣніемъ получить посторонній отъ педагогической службы заработокъ: какъ уже сказано, онъ состоялъ секретаремъ Правленія, секретаремъ Воронежскаго попечительства о тюрьмахъ и о бѣдныхъ Комитета и секретаремъ строительнаго Комитета, учрежденнаго для возобновленія зданій Воронежскихъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Кромѣ того, по свидѣтельству здравствующихъ учениковъ его, онъ не отказывался принимать послѣпраздничныя приношенія учениковъ, особенно изъ Донскихъ станицъ.

Послѣ смерти Чехова въ Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатана его статья «Матеріалы для Воронежской семинаріи» (1872 г., № 1).

Магистръ Матвій Гадзинскій (1832—1833 г.г.)
съ 1819 года обучался въ Воронежской семинаріи, съ 1825 г. въ Кіевской академіи. 18 Сентября 1829 г. окончилъ курсъ кандидатомъ богословія съ правомъ полученія степени магистра черезъ два года безъ новаго испытанія. Тогда же опредѣленъ въ Астраханскую семинарію учителемъ гражданской исторіи и еврейскаго языка. Съ 1 Ноября 1829 г. по 15 Іюля 1830 г. исправлялъ должность учителя въ высшемъ отдѣленіи Астраханскаго уѣзднаго училища. Съ 1 Сентября по Ноябрь 1832 г. состоялъ секретаремъ семинарскаго правленія. Съ 1 Сентября 1830 г. по 1 Января 1831 г. исправлялъ должность учителя церковной исторіи. Съ 4 Іюля по 1 Ноября 1832 г. исправлялъ должность профессора философіи. Въ 1832 г. перемѣщенъ въ Воронежскую семинарію на гражданскую исторію и нѣмецкій языкъ. 3 Февраля 1833 г. утвержденъ въ степени магистра богословія. 6 Сентября 1833 г., по собственному его прошенію, перемѣщенъ въ Шаргородскія училища на вакансію инспектора и учителя оныхъ училищъ.

Кандидатъ Михаилъ Грабовскій (1833—1836 г.г.), обучался въ Черниговской семинаріи и Кіевской академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1833 г. Въ томъ же году назначенъ учителемъ словесности въ Воронежскую семинарію. Съ Января 1835 г., кромѣ того, изъяснялъ свящ. Писаніе каждаго недѣльно по субботамъ ученикамъ 1 класса словесности.

Маистръ Василій Курковскій (1835—1836 г.г.), обучался въ Екатеринославской семинаріи и Кіевской академіи, откуда вышелъ въ 1835 г. со степенью магистра богословія. Тогда же былъ опредѣленъ профессоромъ философіи въ Воронежскую семинарію. «Помню его первый дебютъ въ нашей семинаріи, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. Г. Чубинскій. Явившись въ классъ, онъ началъ свою лекцію на латинскомъ языкѣ и говорилъ цѣлый часъ; затѣмъ любопытствовалъ узнать, насколько мы поняли его урокъ. Въ наше время латинскій языкъ въ семинаріяхъ уже значительно упалъ. Мы, понятно, и десятой части не поняли изъ того, что намъ профессоръ нашъ преподавалъ; тѣмъ не менѣе, онъ и на слѣдующій разъ также началъ свою лекцію латынью, но ужъ безъ той бойкости, какую показавъ на первой лекціи, а подчасъ и спотыкался въ своей латыни. Э, подумали мы невольно, ты, братъ, хотѣлъ только намъ пылъ пустить въ глаза. Послѣ мнѣ совершенно случайно пришлось видѣть его въ обществѣ офицеровъ. Что за безтактность и неумѣнье держать себя! И что за страсть порисоваться! Помнится мнѣ этотъ мой кратковременный наставникъ еще по одному случаю. Просматривая наши классныя сочиненія, онъ замѣтилъ мнѣ, что я долженъ благодарить природу, что она создала меня такимъ безпритязательнымъ человѣкомъ. Этимъ онъ хотѣлъ показать, что я писалъ просто, не стараясь быть высокопарнымъ»¹⁾).

¹⁾ Изъ рукописныхъ воспоминаній В. Г. Чубинскаго.

Бурковскій прослужилъ въ Воронежской семинаріи только одинъ годъ. Въ 1836 г., какъ одинъ изъ лучшихъ питомцевъ академіи, онъ былъ перемѣщенъ въ Кіевскую академію бакалавромъ нѣмецкаго языка. Но и тамъ онъ не долго оставался: онъ бросилъ профессуру и переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ поступилъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ столоначальникомъ, но служилъ весьма неудачно, такъ какъ оказался неподготовленнымъ къ службѣ чиновника.

Кандидатъ Алексѣй Алексѣевичъ Данскій (1833—1858 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1833 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію учителемъ гражданской исторіи и греческаго языка. Съ 27 Мая 1834 г. по 7 Сентября 1843 г. состоялъ экономомъ семинаріи. 19 Ноября 1834 г. перемѣщенъ на словесность, латинскій языкъ и свящ. Писаніе въ 3-е низшее отдѣленіе. 9 Октября 1841 г. перемѣщенъ на тѣ же предметы во 2-е отдѣленіе. Въ 1843 г. уволенъ изъ духовнаго званія. 10 Сентября 1845 г. за отлично усердную и полезную службу при семинаріи награжденъ полнымъ годовымъ учительскимъ жалованьемъ въ количествѣ 257 р. 40 к. 25 Августа 1846 г. назначенъ исправляющимъ должность секретаря Комитета, учрежденнаго для возобновленія зданій Воронежскихъ духовныхъ училищъ. 18 Октября 1846 г. опредѣленъ секретаремъ Семинарскаго Правленія. 30 Іюля 1850 г. утвержденъ въ дворянскомъ достоинствѣ. Въ 1850 г. получилъ знакъ отличія за XV лѣтъ службы; въ 1856 г.—за XX лѣтъ службы. 16 Сентября 1852 г., по прошенію, уволенъ отъ должности секретаря Семин. Правленія.

По своей педагогической карьерѣ и практичности, Данскій очень близко подходитъ къ своему сотоварищу по предмету—Чехову. Но онъ не имѣлъ способности такъ живо и увлекательно преподавать словесность, какъ это дѣлалъ Чеховъ, хотя и заявилъ себя изданіемъ учебника по словес-

ности «Правила русской словесности» 1843 г. и 2-е изд. 1853 г. Мы позволимъ себѣ воспользоваться отзывомъ о Данскомъ одного его ученика, такъ какъ онъ совпадаетъ съ воспоминаніями о немъ другихъ его учениковъ, съ которыми намъ приходилось бесѣдовать. «Надобно сказать, что онъ пользовался репутаціей хорошаго педагога, несмотря на то, что отъ учебной профессіи онъ былъ отвлекаемъ занятіями по семинарской экономіи... И дѣйствительно, отдѣленіе наше сравнительно съ двумя другими геройски одолевало Бургіеву дичь: у цѣлой трети отдѣленія былъ на зубу этотъ содомъ фигуръ словъ и мыслей, эти loca topica, этотъ желанный пунктъ нашего краснорѣчія—хрія Аеоііева, хрія per thesin et hyperthesin; не давалась намъ долго хрія per antecedens et consequens, но и эту немощь одолѣли. И вѣдь какъ все это легко обходилось учителю элоквенціи,—что значить мудрые-то педагогическіе приемы!... Ходить бывало педагогъ по классу, понюхиваетъ табачекъ, взбивая его въ серебряной своей табакеркѣ, да перебираетъ цѣлые десятки учениковъ: «ну, ты; ну, а ты; ну, ты что», а мы то сидимъ да натужимся,—дѣло, видите, шло у насъ въ подбораніи примѣровъ на какую-нибудь Бургіеву фигуру. Цѣлые классы проходили у насъ въ «ну—ты, ну а ты, ну ты что», а тутъ слышишь тоненькій колокольчикъ прозвенѣлъ на дворѣ, стало быть шабашъ и примѣрамъ, и понюхиваніямъ табачку, и сушеньямъ нашихъ мозговъ. А вотъ было раздолье, когда доѣхали мы наконецъ до разныхъ формъ и видовъ словеснаго краснорѣчія! Тутъ мы бросились на чтеніе. Придетъ, бывало, нашъ Квинтиліанъ, сунетъ какому нибудь ученику книгу, разумѣется—проповѣди, а самъ усядется въ кресло, а мы дремлемъ до звонка, замѣнявшаго въ такихъ случаяхъ для насъ будильникъ. Письма мы писали per thesin et hyperthesin и вообще подъ педагогическимъ ясновидѣніемъ нашего учителя насъ одолевала такая хріоманія, что мы находили хрія тамъ, гдѣ

авторъ ни сномъ, ни духомъ не чуюль ихъ. И вѣдь, Боже мой! какъ ужъ вѣрили мы во весь Бургіевскій причетъ, да и немудрено, если даже самъ учитель вѣрилъ въ него, какъ въ догматъ вѣры, а что это такъ, то это онъ доказалъ своею дерзостью, напечатавъ свои записки по словесности, Бургія тожъ, только на російскомъ діалектѣ» ¹⁾).

Кромѣ «Правилъ русекой словесности», Данскому принадлежать: «Біографія усопшаго о Господѣ, Высокопреосвященнѣйшаго Игнатія, архіепископа Воронежскаго и Задонскаго, XXI въ чредѣ епископовъ Воронежскихъ» (77 стр. 1850 г.), Воспоминанія о м. Евгеніи Болховитиновѣ, «Сказанія о Бѣлогорскихъ пещерахъ» (С.-П.Б. 1858 г.).

Кандидатъ Иванъ Александровичъ Мишинъ (1835—1860 г.г.) обучался въ Кіевской академіи, гдѣ окончилъ курсъ кандидатомъ богословія. 7 Октября 1835 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію по математикѣ, физикѣ и греческому языку. Съ 8 Февраля 1836 г. до 11 Мая 1837 г. безмездно исправлялъ должность помощника инспектора. Съ 11 Мая 1837 г. до 18 Октября 1846 г. состоялъ секретаремъ Семинарскаго Правленія. Съ 11 Мая до 1 Сентября исправлялъ должность учителя французскаго языка въ среднемъ и низшемъ отдѣленіи. Съ 1 Сентября 1838 г. до 11 Октября 1839 г. безмездно преподавалъ церковную исторію ученикамъ 1 средняго отдѣленія. 16 Января 1841 г., по случаю преобразования учебной части въ семинаріи, опредѣленъ учителемъ алгебры, геометріи, пасхалии, физики, естественной исторіи и сельскаго хозяйства. Съ 1 Сентября 1841 г. по 15 Іюля 1845 г. для облегченія ректора Ми-

¹⁾ Кое-что о Воронежѣ почти за 40 лѣтъ, К. Аскоченскаго. Ворон. Листокъ, 1868, № 34; ср. Воспоминанія прот. Е. Г. Святозарова. На уроки греч. языка «часто онъ приходилъ совсѣмъ не приготовившись, и въ такихъ случаяхъ, если встрѣчались трудныя къ переводу мѣста, прибѣгалъ къ разнымъ изворотамъ, и обычье всего къ слѣдующему: «оставимъ это; дальше... мысль сама собою раскроется», такъ что фраза эта вошла въ поговорку у семинаристовъ, когда встрѣчалось что-нибудь недомыслимое». Стр. 42.

шинъ безмездно преподавалъ ученикамъ 1 высшаго отдѣленія богословіе изъяснительное и обличительное. 16 Октября 1843 г. за приведеніе въ порядокъ семинарскаго архива получилъ благодарность отъ Семинарскаго Правленія. Съ 1 Сентября 1845 г. по 1 Юля 1846 г. безмездно преподавалъ церковное краснорѣчіе въ 1 высшемъ отдѣленіи. Въ 1845 г. за весьма усердную и полезную службу при семинаріи награжденъ полнымъ годовымъ окладомъ въ 257 р. 40 к. Съ 8 Января по 11 Мая 1846 г. безмездно преподавалъ библейскую исторію ученикамъ 1 средняго отдѣленія. 16 Сентября 1846 г. перемѣщенъ на логику, психологию, патристику и латинскій языкъ. 18 Октября 1846 г. назначенъ библіотекаремъ и членомъ Правленія по учебной части. Съ 19 Декабря 1846 г. по 3 Апрѣля 1848 г. безмездно исправлялъ должность инспектора семинаріи. 14 Ноября 1847 г. за постоянную заботливость и рачительную дѣятельность по должности секретаря Семинарскаго Правленія послѣднимъ ему объявлена благодарность. Съ 3 Октября 1847 г. по 10 Января 1848 г. безмездно исправлялъ должность учителя математики и французскаго языка въ среднемъ и низшемъ отдѣленіяхъ. Въ 1849 г. за безмездные труды по исправленію разныхъ обязанностей награжденъ годовымъ окладомъ въ 257 р. 40 к. 27 іюля 1852 г., по вдовству, уволенъ изъ духовнаго званія. Въ томъ же году получилъ знакъ отличія за XV лѣтъ службы. 5 Сентября 1859 года уволенъ отъ должности библіотекаря. Въ 1860 г. вышелъ въ отставку, въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Съ тѣхъ поръ проживалъ въ Воронежѣ въ чрезвычайно бѣдной обстановкѣ. Скончался 4 Января 1872 г. ¹⁾.

Какъ человѣкъ, Мишинъ привлекалъ къ себѣ симпатіи своихъ сослуживцевъ и учениковъ своею добротою. Въ служебномъ отношеніи онъ выдавался исполненіемъ разныхъ

¹⁾ Ворон. Епарх. Вѣд. 1872 г. № 8, стр. 327—331.

порученій Семинарскаго Правленія. Но подъ конецъ своей службы онъ сталъ небрежно посѣщать уроки, за что получалъ замѣчанія отъ архіерея. Въ воспоминаніяхъ своихъ учениковъ онъ выступаетъ учителемъ-неудачникомъ, попавшимъ не на свой предметъ. Когда его временно назначали на какой нибудь богословскій предметъ, онъ являлся хорошимъ учителемъ. Такимъ же явился онъ и послѣ перемѣщенія его на логику, психологію и патристику. Къ сожалѣнію, большая часть его педагогической дѣятельности была отдана математикѣ, которую онъ самъ зналъ плохо и потому не могъ удовлетворительно преподавать. Выйдетъ И. А. къ доскѣ и начнетъ что-нибудь объяснять. « $A+B$, т. е. не такъ, не $A+B$ », и тотчасъ стираетъ рукой написанное на доскѣ, а потомъ той же рукой проведетъ и по лицу и по сюртуку. Послѣ такихъ объясненій онъ выходилъ изъ класса весь выпачканный мѣломъ, отчего семинаристы прозвали его «сметаной». Въ началѣ своей службы онъ выступалъ въ еще болѣе смѣшномъ видѣ. «Въ классѣ обыкновенно подходя къ доскѣ, онъ въ одной рукѣ держалъ раскрытую книгу, алгебру или геометрію, а въ другой мѣлокъ, и преспокойно списывалъ задачу съ книги на доску, а такъ какъ не всегда было удобно держать предъ собою раскрытую книгу, то онъ передавалъ ее ближайшему ученику и приказывалъ диктовать ему по ней подлежащую задачу. Однажды шалунъ-ученикъ, подмѣтивъ слабость учителя, во время диктовки съ умысломъ перепуталъ цифры; Мишинъ, ничего не замѣчая, писалъ подъ его диктовку, ничтоже сумняся, но наконецъ замѣтилъ, что на его писаньи выходила совершенная чушь. Тогда онъ беретъ отъ ученика книгу, сравниваетъ съ нею написанное на доскѣ и говоритъ ученику: «эка ты, болванъ, и по книгѣ то не умѣешь правильно прочитать». Въ другой разъ на экзаменѣ онъ опредѣлялъ день Пасхи въ одномъ изъ будущихъ годовъ, и что же вышло? По его вычисленіямъ, день Пасхи

пришелся на четверть. Разумѣется, такое удивительное открытіе было встрѣчено общимъ хохотомъ присутствующихъ. Тому же Мишину, послѣ продолжительной и безуспѣшной возни его съ математикой поручили читать какой-то другой предметъ, кажется изъ богословія (изъяснительное и обличительное). И что же? Ученики не могли нахвалиться его преподаваніемъ. При этомъ кто-то указалъ на слѣдующую странность. Академическое начальство при распредѣленіи своихъ питомцевъ на учительскія мѣста, иногда, почти съ умысломъ, того или другого назначало именно на тотъ предметъ, въ которомъ онъ былъ особенно слабъ; точно хотѣло, чтобы онъ, уже по окончаніи курса, приобрѣлъ знанія въ томъ предметѣ, которымъ манкировалъ или къ которому не былъ способенъ въ академіи. Вслѣдствіе такой-то, вольной или невольной, системы и являлись разные Иваны Александровичи Мишины» ¹⁾).

Кандидатъ богословія Павелъ Ѳ. Эсманскій (1835—1845 г.г.) окончилъ курсъ въ Черниговской семинаріи въ 1831 г., откуда поступилъ въ Кіевскую академію. Въ 1835 г., по окончаніи курса со степенью кандидата, былъ назначенъ въ Воронежскую семинарію по гражданской исторіи и греческому языку. 23 Ноября 1836 г. ему поручено было преподавать, вмѣсто греческаго, нѣмецкій языкъ. 14 Апрѣля 1840 г. былъ рукоположенъ во священника къ Богословской церкви. 1 Сентября 1841 г., по случаю преобразованія учебной части въ семинаріи, ему поручено было преподавать катихизическое ученіе, всеобщую древнюю исторію и греческій языкъ въ низшемъ отдѣленіи, русскую и всеобщую исторію въ среднемъ отдѣленіи. Съ 20 Сентября 1841 г. по 14 Марта 1842 г. преподавалъ нѣмецкій языкъ въ среднемъ отдѣленіи. Въ Іюнь 1844 г. обозрѣвалъ Зотовскія уѣздное и приходское училища. Въ 1845 г., ука-

¹⁾ Изъ воспоминаній В. Г. Чубинскаго.

зомъ Св. Синода отъ 30 Мая—1 Юня, опредѣленъ смотрителемъ Воронежскихъ уѣзднаго и приходскаго училищъ. Впослѣдствіи былъ кафедральнымъ протоіереемъ.

Кандидатъ Іосифъ Кипр. Суковскій (1833—1838 г.г.)
обучался въ Волынской семинаріи и Кіевской академіи. Въ 1833 году, по окончаніи курса со степенью кандидата богословія, опредѣленъ учителемъ Воронежской семинаріи по гражданской исторіи и нѣмецкому языку. 29 Октября 1834 г. назначенъ помощникомъ инспектора семинаріи. Съ Января 1835 г. изъяснялъ еженедѣльно по субботамъ св. Писаніе ученикамъ 2 класса словесности. 5 Августа 1836 г. опредѣленъ секретаремъ Семинарскаго Правленія. 23 Ноября 1836 г. перемѣщенъ на церковную исторію и французскій языкъ. Съ 15 Юля по 3 августа 1837 г. исправлялъ должность инспектора семинаріи. 11 Мая 1838 г. по болѣзни уволенъ отъ должности секретаря. 30 Мая 1838 г. взялъ отпускъ на 28 дней, но не явился въ семинарію къ сроку, о чемъ Семинарское Правленіе донесло Окружному Академическому Правленію. Комиссія духовныхъ училищъ, узнавши объ этомъ отъ Окружного Правленія, уволила Суковского отъ духовно-учебной службы.

Канд. Василій Павловичъ Остроумовъ (1836—1851 г.г.),
по окончаніи курса въ Московской академіи, 20 Августа 1836 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію профессоромъ философіи 2 средняго отдѣленія. 19 Сентября 1838 г. назначенъ помощникомъ инспектора. 16 Января 1841 г., по случаю преобразованія учебной части въ семинаріи, опредѣленъ учителемъ логики, психологіи, патристики и латинскаго языка. 14 Мая 1842 г. поручено ему преподаваніе нѣмецкаго языка. 27 Юля 1850 г. уволенъ изъ духовнаго званія, согласно прошенія. Въ 1851 г. произведенъ въ коллежскаго асессора.

Кандидатъ Дмитрій Матѣевичъ Некрасовъ (1834 г.)
съ 1824 г. обучался въ Рязанской семинаріи и Московской

академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1834 г. со степенью кандидата богословія. Въ томъ же году опредѣленъ учителемъ церковной исторіи и французскаго языка въ Воронежскую семинарію. 29 Октября 1834 г. назначенъ помощникомъ инспектора семинаріи.

Поступивши на церковную исторію послѣ Ѳ. Троицкаго, онъ не могъ сравняться съ нимъ въ умѣніи преподавать исторію и потому не пользовался уваженіемъ въ глазахъ учениковъ. «Онъ рѣшительно убилъ въ насъ всякую охоту и усердіе къ занятію уроками по церковной исторіи. Такъ обыкновенно шло дѣло. Заставляетъ г. Некрасовъ отвѣчать заданный урокъ и на половинѣ отвѣта предлагаетъ ученику самый замысловатый, головоломный (вѣроятно, вычитанный имъ изъ академическихъ лекцій) вопросъ. Ученикъ пытается рѣшить вопросъ. Некрасовъ говоритъ: «не такъ». Отвѣчающій дѣлаетъ попытку дать другое—третье рѣшеніе... и слышитъ: «не то». Наконецъ исчерпываетъ все неглубокое свое знаніе и умолкаетъ. Г. Некрасовъ обращается къ слѣдующему. Этотъ старается объяснить предметъ съ иной стороны и слышитъ тотъ же отвѣтъ: «не такъ». Третій и четвертый такъ же. Пятый—десятый уже не пытаются объяснять: встаютъ и молчатъ. А между тѣмъ передъ каждымъ изъ вопрошаемыхъ Некрасовъ постоитъ минутъ 10 и болѣе (?), повертывая носовой платокъ въ рукахъ, и кончалось тѣмъ, что бьетъ звонокъ, урокъ остается неоконченнымъ и вопросъ неразрѣшеннымъ. На слѣдующемъ урокѣ прежній вопросъ замалчивался, предлагался новый, и повторялась та же процедура.

Г. Некрасовъ, къ счастью, недолго оставался при семинаріи. Вскорѣ, какъ слышно, онъ поступилъ домашнимъ учителемъ къ какому-то вельможѣ въ Москвѣ¹⁾.

Кандидатъ Иванъ Петровичъ Некрасовъ (1832—

¹⁾ Воспоминанія прот. Свѣтзарова, стр. 38—40.

1847 г.) по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1832 году опредѣленъ въ Воронежскую семинарію преподавателемъ словесности, а потомъ философскихъ и математическихъ наукъ. Въ томъ же году опредѣленъ библіотекаремъ. Въ 1833 г. назначенъ помощникомъ инспектора. Въ 1834 г. безмездно преподавалъ риторику, поэзію и логику въ училищѣ дѣтей канцелярскихъ служителей, за что ему объявлена признательность высшаго училищнаго начальства. Въ 1835 г. еженедѣльно по субботамъ объяснялъ св. Писаніе въ среднемъ отдѣленіи. Въ 1841 г., при преобразованіи учебнаго курса, ему было поручено преподаваніе латин. яз., алгебры, геометріи и словесности. Въ 1847 г. скончался отъ холеры.

Въ глазахъ начальства И. П. Некрасовъ считался хорошимъ учителемъ. Еще въ 1832 г. онъ получилъ одобреніе отъ ревизора архим. Іереміи за то, что «усердно занимается учениковъ своихъ Словомъ Божіимъ и лучшими русскими писателями, представляя изъ оныхъ примѣры для риторическихъ правилъ» ¹⁾. Но большую часть своей педагогической дѣятельности онъ посвятилъ преподаванію философскихъ предметовъ, считаясь опытнымъ наставникомъ. Поэтому ему трудно было привыкать къ новымъ предметамъ, когда въ 1841 г., по случаю преобразованія учебной части въ семинаріи, философскіе предметы были отданы другому наставнику. Желая получить прежнюю кафедру, онъ составилъ руководство по логикѣ, какъ свидѣтельство своей опытности въ философскихъ предметахъ. Это руководство въ 1845 г. въ рукописи преосв. Антоніемъ было представлено въ духовно-учебное управленіе на разсмотрѣніе. Въ своемъ представленіи объ этомъ трудѣ къ гр. Протасову архіепископъ Антоній, между прочимъ, писалъ: «облегчите труды и занятія питомцевъ семинаріи, для которыхъ,

¹⁾ Архивъ Кіев. акад. 1832, № 9.

по неимѣнію хорошаго руководства по логикѣ на русскомъ языкѣ, приспособленнаго къ духовному образованію, не легко списывать преподаваемые уроки и выучивать по списанному, и поощрите опытнаго наставника къ дальнѣйшимъ занятіямъ на пользу юношества въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ». Рукопись была отдана на разсмотрѣніе проф. Петербургской академіи В. Карпову. Мы воспользуемся нѣкоторыми выдержками изъ его отзыва, чтобы установить правильный взглядъ на то, какое преподаваніе философскихъ наукъ въ нашей семинаріи въ то время считалось образцовымъ, по мнѣнію ближайшаго начальства. «Скептицизмъ есть сомнѣніе, бывающее злоумышленно». «Достовѣрность бываетъ, когда увѣренность въ истинности чего либо утверждается на основаніяхъ, хотя недостаточныхъ для совершеннаго убѣжденія, но несомнѣнныхъ». «Понятіе разсудочное не зависитъ отъ эмпирическихъ условій пространства и времени». Этого, говоритъ проф. Карповъ, и въ голову никому не приходило; да мы иначе и мыслить не можемъ, какъ подъ формами пространства и времени. Чѣмъ же сочинитель доказываетъ свое положеніе? Тѣмъ, что, напр., въ геометріи величину пирамиды можно измѣнять до безконечности, но видъ пирамиды, какъ пирамиды, не можетъ измѣняться. Такъ, видно, сочинитель пирамиду, какъ пирамиду можетъ представить внѣ формъ пространства и времени».

На основаніи множества подобныхъ недочетовъ, проф. Карповъ призналъ сочиненіе Некрасова неудовлетворительнымъ въ качествѣ учебнаго руководства ¹⁾. Некрасовъ, впрочемъ, умеръ, не дождавшись отзыва. Онъ скончался въ 1847 году отъ холеры.

Кандидатъ Петръ Васильевичъ Рудневъ (1837—1847 г.г.) получилъ образованіе въ Тульской семинаріи и Петербургской академіи, откуда вышелъ въ 1831 г. со степенью кандидата богословія. Въ томъ же году опредѣленъ

¹⁾ Архивъ Св. Синода. 1845—1850 г.г., № 30.

въ Астраханскую семинарію на словесность и нѣмецкій языкъ. Съ 1 Сентября 1832 г. до 1 Октября 1837 г. состоялъ библіотекаремъ. 19 Апрѣля 1836 г. перемѣщенъ на гражданскую исторію. Съ 7 Ноября 1836 г. по 10 Ноября 1837 г. исправлялъ должность учителя словесности и былъ членомъ Семинарскаго Правленія. 11 Ноября 1837 года перемѣщенъ въ Воронежскую семинарію на математику и еврейскій языкъ. Съ 20 Марта по 6 Октября 1841 г. исправлялъ должность учителя словесности въ 1 классѣ. 16 Января 1841 г., по случаю преобразованія учебной части въ семинаріи, поручено ему преподаваніе алгебры, геометріи, пасхалии, физики, естественной исторіи, сельскаго хозяйства и еврейскаго языка. Сверхъ того, по особому распоряженію семинарскаго начальства, съ 1 Сентября 1841 г. по 15 Іюля 1845 г. преподавалъ ученикамъ 2 высшаго отдѣленія богословіе изъяснительное и обличительное, а съ 1 Сентября 1845 г. по 15 Іюля 1846 г. тѣмъ же ученикамъ преподавалъ церковное краснорѣчіе.

Кандидатъ Михаилъ Іоанновичъ Скрыбинъ (1839—1848 г.г.) обучался въ Воронежской семинаріи и Кіевской академіи. По окончаніи курса въ академіи въ 1835 г., онъ былъ опредѣленъ учителемъ философіи въ Подольскую семинарію и въ томъ же году былъ назначенъ помощникомъ инспектора, а 8 Ноября 1838 г.—библіотекаремъ. 11 Октября 1839 г. переведенъ въ Воронежскую семинарію на Библейскую исторію и чтеніе св. Писанія во всѣхъ классахъ семинаріи. Съ 18 Іюля 1841 года по 30 Авг. 1845 г. состоялъ библіотекаремъ. Съ 5 Января 1841 г. по 12 Марта 1842 г. исправлялъ должность инспектора семинаріи. Въ 1842 г. опредѣленъ во священника Вознесенской кладбищенской, а потомъ къ Тихвино-Онуфріевской церкви. Въ 1848 г. Скрыбинъ испросилъ увольненіе по службѣ въ семинаріи. Впослѣдствіи долгое время состоялъ каедральнымъ протоіереемъ.

Это былъ одинъ изъ выдающихся учителей семинаріи, и по своему педагогическому дарованію, и по своей идеальной честности ¹⁾. Среди семинаристовъ утвердилось даже мнѣніе, что онъ случайно вышелъ изъ академіи кандидатомъ. Будто бы его курсовое сочиненіе было признано академическою конференціей достойнымъ степени магистра, но потомъ изъ Св. Синода было передано на окончательное разсмотрѣніе м. Филарету. Послѣдній—будто-бы—нашелъ въ немъ нѣкоторые промахи, заставившіе его заподозрить твердость православныхъ убѣжденій автора, и поэтому думалъ совсѣмъ лишить Скрыбина ученой степени. Только какъ одинъ изъ лучшихъ студентовъ, Скрыбинъ былъ выпущенъ кандидатомъ. Эта молва еще болѣе усиливала уваженіе учениковъ къ любимому наставнику.

Состоя профессоромъ семинаріи, о. Скрыбинъ написалъ сочиненіе «Толкованіе 15 книгъ новаго завіта». Но это сочиненіе не было издано.

Магистръ Александръ Семеновичъ Авсенева (1841—1866 г.г.) обучался въ Воронежской семинаріи и Кіевской академіи. 17 Августа 1841 г. опредѣленъ учителемъ словесности въ 3 низшее отдѣленіе Воронежской семинаріи. Съ 19 Іюля по 19 Ноября 1843 г. и съ 1 Іюня по 28 Іюля 1844 г. исправлялъ должность инспектора семинаріи. Этотъ временный и, пожалуй, преждевременный служебный успѣхъ, повидимому, вскружилъ голову молодому учителю: онъ возмечталъ о настоящемъ инспекторствѣ. Въ томъ же 1844 г. онъ обратился къ оберъ-прокурору Св. Синода гр. Протасову съ письмомъ въ этомъ духѣ. Письмо это очень характерно для выясненія личности Авсенева, одного изъ типичныхъ учителей нашей семинаріи. «Особеннымъ счастьемъ поставляю служить подъ милостивымъ покровительствомъ Вашего Сіятельства. Вы столько изливаете

¹⁾ См., напр., К. Асоченскаго, Кое-что о Воронежѣ почти за 40 лѣтъ. Ворон. Лист. 1868 г., № 34.

милостей и благодѣяній на всѣхъ наставниковъ семинаріи, что намъ остается только благодарить Бога, ввѣрившаго Вамъ жребій нашъ и просить его о продолженіи дней благотворной для насъ жизни Вашей. Ваше великодушіе, милости и благодѣянія доставили и мнѣ смѣлость беспокоить Ваше Сіятельство просьбою. Въ продолженіе службы моей при Воронежской семинаріи, своими трудами и усердіемъ я заслужилъ благоволеніе начальства моего. Въ прошломъ году удостоился особеннаго вниманія обозрѣвавшаго Воронежскую семинарію ректора Кіевской академіи и имѣлъ счастье быть награжденнымъ тѣмъ, что мнѣ по случаю болѣзни ректора семинаріи архим. Стефана поручено было исправленіе инспекторской должности, которую я проходилъ 4 мѣсяца. Покорнѣйше прошу утвердить меня инспекторомъ Воронежской семинаріи, когда откроется въ ней ваканція. Свѣтское мое званіе, при которомъ я съ удобностью могу наблюдать за учениками, живущими въ квартирахъ по всему Воронежу, степень магистра, усердіе мое къ дѣлу, уже извѣстное начальству, и самое рожденіе и воспитаніе мое въ этой губерніи—ручаются за пользу, которую я могъ бы принести духовному юношеству». Гр. Протасовъ предложилъ Духовно-Учебному Управленію имѣть въ виду Авсенева при открытіи ваканціи инспектора Воронежской семинаріи ¹⁾. Но мечты Авсенева не осуществились: инспекторомъ опять назначили монашествующаго. Впрочемъ, онъ могъ утѣшиться тѣмъ, что его скоро назначили экономомъ семинаріи. Здѣсь Авсеновъ заявилъ себя излишнею заботливостью о своемъ благосостояніи. Между прочимъ онъ продалъ поставщику кирпича и сѣна 120 сажень семинарскихъ дровъ на 2400 р., вѣроятно, думая, когда нужно будетъ, купить для семинаріи дрова на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Но дѣло испортилъ поставщикъ, съ которымъ у Авсенева были денежные

¹⁾ Архивъ Св. Синода, 1844 г., № 19.

счета. Хотя жалоба на эконома официально не оправдалась, но онъ сильно уронилъ себя въ глазахъ начальства. Въ тому же, его обвиняли во взяточничествѣ. «Не могу не замѣтить, писалъ пр. Іосифъ, что не профессорское дѣло торговать дровами. Взявшись не за свое дѣло, Авсенева и себя запуталъ, и кладетъ пятно на семинарское правленіе. Поставить это Авсенева на видъ и выводить въ потребныхъ случаяхъ на справки» ¹⁾. «Жалобы на Авсенева слышатся мною и съ другой стороны» ²⁾. Въ должности эконома Авсенева пробылъ до 2 Ноября 1853 г.

Между тѣмъ и педагогическая репутація Авсенева сильно пошатнулась послѣ того, какъ его небрежность отмѣтилъ одинъ изъ самыхъ снисходительныхъ ревизоровъ, архим. Леонтій ³⁾. 28 Ноября 1855 г. онъ былъ перемѣщенъ въ 1 классъ высшаго отдѣленія на церковную исторію и соединенные съ нею предметы. 26 Іюля 1856 г. уволенъ изъ духовнаго званія. На представленіи правленія о его увольненіи пр. Іосифъ писалъ: «на увольненіе г. Авсенева изъ духовнаго званія согласенъ. Не вхожу въ сужденіе о прежней его службѣ. Но съ поступленія моего на епархію я не усматривалъ въ немъ усердія и исправности по службѣ. Посему я и отмѣтилъ въ послужномъ спискѣ, что полезнѣе было бы сего наставника замѣнить другимъ». Вслѣдствіе этого неодобрительнаго отзыва Авсенева былъ лишенъ слѣдующаго чина ⁴⁾. Въ семинаріи онъ продержался до 1866 г.

Кандидатъ Проконій Аванасьевичъ Коротцевъ (1842 г.), обучался въ Харьковскомъ Коллегіумѣ и Кіевской академіи (1831—1835 г.г.). Въ 1835 г. опредѣленъ смотрителемъ Горійскихъ духовныхъ училищъ въ Грузіи. Въ 1841 г. уволенъ отъ этой должности по прошенію, по

¹⁾ Сем. Арх. № 583, 63.—²⁾ Здѣсь умѣстно припомнить жалобу семинариста, у котораго А—въ будто бы взялъ 25 р., обѣщая перевести его въ слѣд. классъ. (см. стр. 69).—³⁾ Арх. Кіевск. ак., 1854 г., № 5 —⁴⁾ Сем. арх., № 566, 34, 46.

причинѣ болѣзни. Въ 1842 г. опредѣленъ учителемъ въ Воронежскую семинарію по св. Писанію и соединеннымъ съ нимъ предметамъ. Въ 1844 г. переведенъ въ Полтавскую семинарію, гдѣ служилъ до 1866 г. Тамъ составлено имъ руководство по логикѣ. Съ 1866 г. служилъ священникомъ въ Ворон. епархіи, сначала въ с. Александровкѣ, Бобр. у., а потомъ при Покровской ц. г. Воронежа. Скончался въ 1884 г. ¹⁾.

Маистръ Иванъ Тимофеевичъ Данаевъ (1841—1851 г.г.) получилъ образованіе въ Тульской семинаріи и Кіевской академіи. 24 Сентября 1841 г. опредѣленъ профессоромъ Воронежской семинаріи по церковной и библейской исторіи, церковной археологіи и каноническому праву. 14 Декабря 1842 г. назначенъ помощникомъ инспектора. 30 Октября 1843 г. утвержденъ въ степени магистра богословія. 15 Мая 1844 г. опредѣленъ священникомъ къ Троицкой церкви. Съ 1 Октября 1844 г. до 1 Августа 1845 г. объяснялъ катихизисъ въ бесѣдахъ собственного сочиненія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. 1 Августа 1845 г. опредѣленъ законоучителемъ Кадетскаго корпуса. Въ семинаріи служба его продолжалась до 1851 г. включительно.

Маистръ Андрей Семеновичъ Котляревъ (1844—1849 г.г.) обучался въ Черниговской семинаріи и Кіевской академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1843 г. кандидатомъ богословія съ правомъ на полученіе магистерства черезъ два года службы. 29 Февраля 1844 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію учителемъ по классу православнаго исповѣданія, гражданской исторіи, математики и греческаго

¹⁾ На епархіальной службѣ Коропцевъ выдавался, какъ проповѣдникъ. Проповѣди его помѣщались въ Ворон. Еп. Вѣд. Кромѣ того, онъ участвовалъ въ публичныхъ чтеніяхъ при Благовѣщ. монастырѣ. Его чтенія изданы отдѣльной книгой: «Публичныя чтенія въ зданіяхъ Благовѣщ. монастыря. Прот. П. Коропцева».

языка въ 3 низшемъ отдѣленіи. 12 Іюля 1844 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора. Въ 1845 г. утвержденъ въ степени магистра богословія.

Кандидатъ Иванъ Ивановичъ Иннокъвъ (1846—1847 г.г.) обучался въ Харьковской семинаріи и Кіевской академіи. 30 Ноября 1843 г. опредѣленъ въ Павловское духовное училище инспекторомъ и учителемъ высшаго отдѣленія по латинскому языку, географіи и нотному пѣнію. Въ 1845 г. указомъ Св. Синода утвержденъ въ степени кандидата, съ правомъ на магистерство безъ новаго испытанія, если съ одобреніемъ отъ начальства продолжить службу и представить вновь свое сочиненіе, относящееся до духовной учености и одобренное академической конференціей. 28 Марта 1846 г. перемѣщенъ въ Воронежскую семинарію учителемъ на классы церковныхъ древностей и обрядовъ, каноническаго права и русской церковной исторіи. Умеръ въ 1847 г. отъ холеры.

Кандидатъ іером. Теофілъ Соловьевскій (1844—1851 г.г.), по окончаніи курса въ Петерб. академіи, въ 1837 г. опредѣленъ смотрителемъ Тифлискаго дух. училища. Въ 1841 г. опредѣленъ инспекторомъ Тифлисской семинаріи. Въ томъ же году, уволенный, по прошенію, отъ должности, онъ опредѣленъ въ число братства Ворон. Митроф. монастыря. Въ 1843 г. опредѣленъ экономомъ Ворон. семинаріи. Съ 1844 г. до 1851 г. состоялъ учителемъ семинаріи по св. Писанію и соедин. предметамъ въ высш. и средн. отд.—Это былъ одинъ изъ слабѣйшихъ учителей, надъ которымъ потѣшались и учителя, и ученики.

Маистръ Иванъ Алексѣевичъ Богомоловъ (1845—1853 г.г.) обучался въ Воронежской семинаріи и Петербургской академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1845 г. 24 Сентября 1845 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію помощникомъ ректора по профессорской должности. Въ 1846 г. утвержденъ въ степени магистра богословія. 16 Октября

1846 г. опредѣленъ профессоромъ еврейскаго языка въ 1 и 2 высшемъ отдѣленіи. Съ 19 Декабря 1846 г. по 3 Апрѣля 1848 г. безмездно исправлялъ должность профессора догматическаго богословія.

Даровитый наставникъ, Богомоловъ выдавался изъ среды другихъ учителей своею представительною наружностью и нѣкоторою щеголеватостію. Въ то время, какъ другіе приходили на уроки одѣтыми кое-какъ, Богомоловъ являлся всегда въ цивильномъ фракѣ и хорошемъ бѣльѣ. Богословскіе предметы онъ преподавалъ образцово, обладая умѣніемъ сжато, ясно и литературно говорить. Для учениковъ онъ не рекомендовалъ никакихъ печатныхъ руководствъ и не выдавалъ своихъ лекцій, а ограничивался только выдачею конспекта этихъ лекцій. Тѣмъ не менѣе онъ былъ очень требователенъ, заставляя воспроизводить свои объясненія.—Несчастьемъ для Богомолова было его пристрастіе къ вину: во время запоя онъ подолгу не являлся въ классъ, что, конечно, неблагопріятно отзывалось на дѣлѣ. Поэтому, по донесенію семинарскаго начальства, 8 Октября 1851 г. онъ былъ уволенъ отъ училищной службы. 15 Апрѣля 1852 г., по прошенію, снова опредѣленъ на библейскую исторію и соединенные съ нею предметы. Но и на этотъ разъ онъ продержался недолго. Въ отчетѣ за 1853 г. пр. Іосифъ далъ о немъ нелестную аттестацію: «не совсѣмъ исправенъ отъ излишняго употребленія напитковъ. Необходимо сего наставника замѣнить другимъ». Въ слѣдующемъ году онъ опять былъ уволенъ отъ училищной службы.

Маистръ Димитрій Михайловичъ Скрабинъ (1847—1858 г.г.), обучался въ Воронежской семинаріи и Кіевской академіи. 31 Октября 1847 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на логику, психологію, патристику и латинскій языкъ въ 3 среднее отдѣленіе. Съ 13 Января 1848 г. по 5 Октября 1854 г. преподавалъ французскій языкъ. 31 Августа 1853 г. уволенъ изъ духовнаго званія. Съ 28 Сен-

тября 1853 г. по 20 Января 1854 г. исправлялъ должность учителя гражданской исторіи въ 1 среднемъ и 1 низшемъ отдѣленіи. 3 Октября 1854 г. опредѣленъ секретаремъ Семинарскаго Правленія.

Преподавалъ Скрыбинъ увлекательно, такъ что ученики и учитель не замѣчали, какъ билъ звонокъ и долго просиживали въ классѣ, даже забывая о наступленіи обѣденнаго времени. За умѣніе живо преподавать Скрыбинъ получилъ одобреніе академическаго начальства послѣ ревизіи архим. Леонтія. Въ 1856 г. за усердную и полезную службу награжденъ полугодовымъ жалованьемъ (128 р. 70 к.) отъ Св. Синода.

Въ 1859 году Скрыбинъ оставилъ семинарію и перешелъ на службу въ казенную палату. Умеръ начальникомъ отдѣленія казенной палаты.

Маистръ іеромонахъ Веніаминъ Павловъ (1847—1853 г.г.), по окончаніи курса Воронежской семинаріи (1841 г.), былъ опредѣленъ священникомъ слободы Алфировки, Новохоперскаго уѣзда. Овдовѣвши, 11 Августа 1843 г. поступилъ въ Кіевскую академію. 11 Марта 1845 г. принялъ монашество. По окончаніи курса, въ 1847 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію учителемъ 1 высшего и 1 среднего отдѣленія по библейской и церковной исторіи, археологіи и каноническому праву. 5 Іюля 1850 г. утвержденъ въ степени магистра богословія. Съ 11 Іюля 1848 г. по 15 Января 1849 г. исправлялъ должность учителя св. Писанія и греческаго языка въ 1 высшемъ и 1 среднемъ отдѣленіи. Съ 13 Іюня по 4 Августа 1849 г. исправлялъ должность инспектора семинаріи.

При умѣломъ преподаваніи, іеромонахъ Веніаминъ пользовался глубокимъ уваженіемъ со стороны учениковъ, которые считали его образцовымъ монахомъ. За усердное и полезное исправленіе своей должности въ 1850 г. награжденъ, по представленію академическаго начальства, 139 р. 49½ к.

Съ 1 Юля 1848 г. по 1 Октября 1850 г. іером. Веніаминъ безмездно несъ должность законоучителя въ Воронежскомъ Александринскомъ дѣтскомъ приютѣ, за что объявлено ему «особенное благоволеніе Государыни Императрицы». Со 2 Сентября 1850 г. состоялъ законоучителемъ гимназіи, оставаясь и профессоромъ семинаріи. 25 Октября 1851 г. отъ Императ. Русскаго Географич. Общества изъяснена ему искренняя признательность за доставленіе климатологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній.

Впослѣдствіи о. Веніаминъ назначенъ былъ епископомъ Балтскимъ, викаріемъ еп. Подольскаго. Скончался на покоѣ.

Кандидатъ Василій Алексѣевичъ Орловъ (1847—1856 г.г.) обучался въ Воронежской семинаріи и Кіевской академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1847 г. 31 Октября того же года опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на математику. Кромѣ того, съ 8 Декабря 1847 г. онъ безмездно преподавалъ латинскій языкъ во 2 низшемъ отд., а съ 21 Августа по 1 Декабря 1848 г.—гражданскую исторію. Съ 11 Декабря 1848 г. по 12 Января 1849 г. состоялъ секретаремъ правленія, за что отъ послѣдняго объявлена ему благодарность. Съ 13 Декабря по 3 Декабря 1850 г. безмездно преподавалъ сельское хозяйство и естественную исторію, съ 1 Сентября 1850 г. по 11 Февраля 1851 г.—математику и латинскій языкъ въ 1 низшемъ отдѣленіи. Съ 31 Октября 1847 г. по 15 Сентября 1852 г. безмездно преподавалъ церковное краснорѣчіе и обличительное богословіе во 2 высшемъ отдѣленіи. 15 Октября 1851 г. опредѣленъ учителемъ нѣмецкаго языка. Въ 1856 г. опредѣленъ смотрителемъ Новочеркасскаго д. училища. Въ 1865 г.—секретаремъ консисторіи. Въ 1869 г. инспекторомъ семинаріи. Скончался въ 1882 г.

Какъ учитель семинаріи, Орловъ отличался аккуратностью и самостоятельностью. Но особенно выдавался онъ на службѣ въ Новочеркасскѣ. При его участіи возникъ про-

актъ учрежденія Новочеркасской семинаріи. Онъ слѣдилъ за постройкою зданій семинаріи и въ это время даже отказался отъ квартирнаго пособія, отдавши эти деньги на расширение сем. усадьбы, несмотря на то, что принужденъ былъ въ это время проживать съ семьей въ тѣсной и сырой квартирѣ ¹⁾).

Маистръ Николай Ѳеодоровичъ Бенедиктовъ (1847—1850 г.г.) обучался въ Ярославской семинаріи и Петербургской академіи. 31 Октября 1847 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію профессоромъ физики, математики и латинскаго языка. Съ 1 Іюля 1848 г. по 10 Января 1849 г. исправлялъ должность наставника сельскаго хозяйства и естественной исторіи въ высшемъ и среднемъ отдѣленіи. 17 Мая 1848 г. утвержденъ въ степени магистра. Въ Воронежской семинаріи служилъ до 1850 г.

Александръ Дмитріевичъ Молчановъ (1848—1851 г.г.) обучался въ С.-Петербургской семинаріи, откуда перешелъ въ Горыгорецкую земледѣльческую школу. Въ 1846 г. опредѣленъ былъ въ Литовскую д. семинарію на сельское хозяйство и естественную исторію. 23 Ноября 1848 г. перемѣщенъ въ Воронежскую семинарію на тѣ же предметы.

Къ своему дѣлу Молчановъ относился довольно небрежно, за что получалъ замѣчанія отъ ближайшаго начальства. Ему даже грозила опасность увольненія отъ должности, но онъ поспѣшилъ помѣниться мѣстами съ учителемъ Астраханской семинаріи Мурзинскимъ. Свои предметы онъ излагалъ на урокахъ по нѣмецкому руководству Вульфена, съ котораго сдѣлалъ переводъ. Послѣдній въ рукописи онъ отослалъ на разсмотрѣніе въ СЦБ. Вольное Экономическое Общество. Но послѣднее, признавши сочиненіе Вульфена устарѣлымъ и умозрительнымъ, а потому имѣющимъ только историческій интересъ, сочло ненужнымъ напечатаніе этого

¹⁾ «Донскія Иавѣстія», 1885 г., № 6, см. Ворон. Еп. Вѣд. 1885 г. № 8.

перевода и возвратило его автору, изъявивши ему благодарность за желаніе содѣйствовать цѣлямъ общества.

Иванъ Андреевичъ Мальцевъ (1845—1851 г.г.), сынъ причетника, окончилъ курсъ въ Медико-Хирургической академіи въ 1816 г. Съ тѣхъ поръ онъ проходилъ должность лекаря въ Черноморскомъ флотѣ, въ Херсонскомъ морскомъ госпиталѣ, въ г. Осташковѣ, Тверской губ., и въ г. Задонскѣ и въ Воронежѣ. Съ 5 Января 1842 г. по 31 Декабря 1843 г. состоялъ штатнымъ врачомъ при Воронежской семинаріи, уѣздномъ и приходскомъ училищахъ. 12 Октября 1845 г. опредѣленъ наставникомъ медицины при Воронежской семинаріи, а съ 3 Апрѣля 1846 г. для большаго удобства при практическомъ изученіи медицины онъ снова опредѣленъ врачомъ при семинаріи. Состоялъ наставникомъ медицины до 1851 года.

Иванъ Афанасьевичъ Мурзинскій (1851—1853 г.г.) обучался въ Астраханской семинаріи и Горыгорецкой земледѣльческой школѣ. 17 Іюля 1846 г. опредѣленъ въ Астраханскую семинарію на сельское хозяйство и естественную исторію. Съ 1 Сентября 1847 г. по 1 Февраля 1848 г. исправлялъ должность наставника библейской исторіи и исторіи русской церкви. Съ 1 Января 1848 г. состоялъ учителемъ нѣмецкаго языка. Въ 1851 г., по прошенію, переведенъ въ Воронежскую семинарію.

Это былъ хорошій, любящій свой предметъ, наставникъ. Онъ особенно заботился о практической постановкѣ преподаванія сельскаго хозяйства и живо интересовался наукою своего предмета. Еще состоя учителемъ Астраханской семинаріи, онъ получилъ медаль за преподаваніе сельск. хозяйства. Состоя на службѣ въ Воронежѣ, онъ получилъ приглашеніе быть членомъ Лебедянскаго общества сельскаго хозяйства.

Иванъ Ивановичъ Милоглазовъ (1851—1853 г.г.), изъ Курскихъ семинаристовъ, получилъ высшее образованіе

въ Московскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1834 г. Съ 1834 г. онъ состоялъ военнымъ лѣкаремъ на Кавказѣ, въ Бѣлградѣ, Ригѣ и др. мѣстахъ. 16 Февраля 1849 г., по болѣзни, уволенъ отъ службы. 1 Мая 1851 г. опредѣленъ наставникомъ медицины при Воронежской семинаріи. Состоялъ на этой должности до 1853 г.

Федоръ Борисовичъ Тидебель (1853—1863 г.г.) получилъ высшее образованіе въ Дерптскомъ университетѣ, откуда вышелъ въ 1845 г. лѣкаремъ. Въ 1847 г. опредѣленъ ординаторомъ больницы Воронежскаго приказа общественнаго призрѣнія. Въ 1848 г. опредѣленъ лѣкаремъ при Михайловскомъ кадетскомъ корпусѣ. 19 Марта 1853 г. опредѣленъ врачомъ и преподавателемъ медицины при Воронежской семинаріи. 3 Декабря 1854 г., послѣ ревизіи архим. Леонтія, объявлена ему благодарность академическаго правленія. Въ Воронежской семинаріи служилъ до 1863 г.

Кандидатъ Иванъ Ивановичъ Знаменскій (1848—1853 г.г.) обучался въ Тульской семинаріи и С.-Петербургской академіи. Въ 1838 г. опредѣленъ учителемъ Смоленской семинаріи на греческій и нѣмецкій языкъ. Съ 28 Іюля 1838 г. по 28 Октября 1839 г. исправлялъ должность учителя библейской исторіи. 1 Февраля 1840 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора семинаріи. 11 Октября 1848 г. переведенъ въ Воронежскую семинарію преподавателемъ всеобщей и русской исторіи, правосл. исповѣданія и греческаго языка. Въ 1849 г. Св. Синодомъ награжденъ полнымъ годовымъ жалованьемъ за долговременную усердную и полезную службу при Смоленской семинаріи. При Воронежской семинаріи состоялъ на службѣ до 1853 года.

Магистръ Теофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ (1851—1855 г.г.) обучался въ Кіевской семинаріи и академіи. Въ 1851 г. былъ назначенъ въ Вятскую семинарію, но тогда же перепросился въ Воронежскую семинарію на гражданскую исторію и соединенные съ нею предметы. Съ 7 Октября

1852 г. преподавалъ латинскій языкъ въ 1 и 3 низшемъ отдѣленіи. Съ 16 Августа 1853 г. до 27 Января 1854 г. временно преподавалъ всеобщую исторію и соединенные съ нею предметы въ 1 среднемъ отдѣленіи. Въ 1854 г. утвержденъ въ степени магистра. Съ 28 Октября 1854 г., вмѣсто латинскаго языка, сдѣланъ преподавателемъ русской гражданской исторіи. 3 Декабря 1854 г., послѣ ревизіи архим. Леонтія, объявлена ему благодарность академическаго правленія. Въ Воронежской семинаріи служилъ до 1856 г.

Ему принадлежитъ диссертация «Взглядъ на унію, бывшую въ юго-западной Руси».

Магистръ Михаилъ Антоновичъ Германовъ (1848—1854 г.г.) обучался въ Воронежской семинаріи и Московской академіи. 5 Ноября 1848 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на всеобщую и русскую гражданскую исторію, на классъ православнаго исповѣданія, богослужебныхъ книгъ и греческаго языка. Съ 1 Января до 1 Декабря 1849 г. исправлялъ должность учителя св. Писанія въ 1 среднемъ отдѣленіи. Въ 1850 г. утвержденъ въ степени магистра. 14 Февраля 1851 года опредѣленъ членомъ и секретаремъ Комитета описателей Воронежской епархіи, учрежденнаго при Семинарскомъ Правленіи.

Магистръ іеромонахъ Софроній Кукинъ (1849—1851 г.г.) обучался въ Псковской семинаріи и Кіевской академіи. 29 Сентября 1845 г. опредѣленъ въ Псковскую семинарію помощникомъ ректора по классу богословія. Въ томъ же году принялъ монашество, а въ слѣдующемъ году утвержденъ въ степени магистра. 29 Ноября 1849 г. перемѣщенъ въ Воронежскую семинарію профессоромъ 1 высшаго и 1 средняго отдѣленія на св. Писаніе и греческій языкъ.

Какъ учитель, о. Софроній пользовался уваженіемъ въ глазахъ своихъ учениковъ. Особенно любилъ онъ вдаваться въ философскія разсужденія по поводу разныхъ текстовъ

св. Писанія. Къ несчастью, этотъ даровитый профессоръ страдалъ запоемъ, за что въ 1851 г. и былъ уволенъ отъ духовно-училищной службы.

Кандидатъ Николай Алексѣвичъ Волковъ (1852—1874 г.г.) обучался въ Полтавской семинаріи и Кіевской академіи. 21 Октября 1852 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на св. Писаніе, Библейскую исторію и соединенные съ нею предметы. 11 Августа 1853 г. опредѣленъ законоучителемъ гимназіи. Въ 1854 г. получилъ благодарность отъ академическаго начальства за преподаваніе въ семинаріи. Въ 1855 и въ 1860 г. получалъ благодарность отъ управленія Харьковскаго учебнаго округа, за законоучительство въ гимназіи. Въ семинаріи служилъ до 1874 года.

Отъ него осталось нѣсколько проповѣдей и экзегетическихъ статей въ Воронежскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ (1866 г. № 11, 3; 1870 г. № 20; 1876 г. № 14; 1871 г. № 10, № 17).

Магистръ Ѳеодоръ Андреевичъ Никоновъ (1849—1851 г.г.) обучался въ Воронежской семинаріи и С.-Петербургской академіи. Въ 1849 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію учителемъ гражданской исторіи, математики, православнаго исповѣданія и греческаго языка въ 3 низшее отдѣленіе. Въ 1850 г. утвержденъ въ степени магистра. Въ семинаріи Никоновъ служилъ недолго—до 1852 года. Впослѣдствіи онъ былъ извѣстенъ, какъ инспекторъ классовъ Ворон. Епарх. женскаго училища и одинъ изъ редакторовъ Ворон. Епарх. Вѣдомостей. Въ послѣднихъ, кромѣ проповѣдей, имъ помѣщены слѣдующія статьи: «Лютеранскія молитвы» (1870 г., № 19); «Слобода Бѣлогорье» (1883 г., № 1 и 2); «О суевѣріяхъ и предразсудкахъ въ русскомъ народѣ» (1868 г., № 11 и 12).

Магистръ Иванъ Ивановичъ Смирницкій (1851—1864 г.г.), по окончаніи курса въ Воронежской семинаріи въ 1843 г., былъ опредѣленъ учителемъ Задонскаго училища. Въ 1845 г. поступилъ въ Кіевскую академію, гдѣ

окончилъ курсъ въ 1849 г. 26 Іюня 1850 г. опредѣленъ въ Полтавскую семинарію помощникомъ ректора по профессорской должности. 29 Сентября 1851 г. переведенъ въ Воронежскую семинарію на св. Писаніе и соедин. съ нимъ предметы въ 1 среднее отдѣленіе. Съ 16 Сентября 1852 г. до 18 Января 1853 г. и. д. учителя свящ. Писанія въ 3 среднемъ отдѣленіи, а съ 1 Іюня 1853 г. до 15 Января 1854 г.—во 2 среднемъ отдѣленіи. Съ 3 Октября 1854 г. назначенъ преподавателемъ миссіонерскихъ наукъ. Съ 29 Октября до 11 Декабря 1854 г. временно преподавалъ св. Писаніе во 2 высшемъ отдѣленіи. Съ 11 Апрѣля до 22 Декабря 1855 г. временно преподавалъ церковную исторію въ 1 высшемъ отдѣленіи. 24 Сентября 1855 опредѣленъ помощникомъ инспектора. Съ 28 Декабря 1859 г. до 26 Апрѣля 1860 года исправлялъ должность помощника ректора по профессорской должности. Въ Воронежской семинаріи служилъ до 1864 г., послѣ чего перешелъ въ епархіальное вѣдомство и былъ опредѣленъ священникомъ къ Спасской церкви.

Маистръ Яковъ Діонисіевичъ Буханцевъ (1854—1862 г.г.) обучался въ Харьковской семинаріи и Кіевской академіи. 5 Февраля 1854 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію учителемъ церковно-библейской исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ во 2 высш. и 2 средн. отд. 3 Декабря 1854 г. получилъ благодарность отъ академическаго правленія за хорошее преподаваніе. 2 Мая 1855 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора семинаріи. Съ 24 Апрѣля 1856 г. до 1 Мая 1860 г. преподавалъ нѣмецкій языкъ. 1 Мая 1860 г. опредѣленъ секретаремъ правленія. Съ 10 Іюня до 12 Ноября 1861 г. безмездно преподавалъ церковно-библейскую исторію въ 1 высш. и 1 средн. отд. Въ 1862 г. Буханцевъ опредѣленъ секретаремъ Харьковской духовной Консисторіи.

Маистръ Григорій Петровичъ Погорѣловъ въ 1855—1857 г.г. состоялъ учителемъ гражд. ист. и соедин. предметовъ.

Маистръ Григорій Казьмичъ Буларевичъ (1853—1857 г.г.) обучался въ Могилевской семинаріи и Кіевской академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1849 г. 3 Февраля 1850 г. назначенъ въ Уманское духовное училище учителемъ низшаго отдѣленія. 19 Января 1851 г. опредѣленъ учителемъ Кіево-Подольскаго д. училища. 28 Декабря 1853 г. опредѣленъ профессоромъ Воронежской семинаріи на гражданскую исторію и соединенные съ нею предметы. 3 Декабря 1854 г. объявленъ ему одобрителный отзывъ ревизора и благодарность академическаго начальства. 24 Апрѣля 1854 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора. Съ 29 Ноября 1855 г. до 26 Іюня 1856 г. исправлялъ должность учителя катихизическаго ученія и греческаго языка въ 3 низшемъ отдѣленіи. Въ 1857 году опредѣленъ смотрителемъ Павловскаго духовнаго училища. Здѣсь особенно обнаружилия его педагогическія способности. О немъ данъ былъ прекрасный отзывъ Учебн. Комит. при Св. Синодѣ, какъ о выдающемся смотрителѣ. Съ похвалою отзывались о немъ и лично знавшіе его, утверждая, что онъ всею душою отдавался своимъ педагогич. обязанностямъ ¹⁾. Переведенный въ Москву священникомъ къ храму Христа Спасителя, онъ скончался въ 1883 г.

Кандидатъ іером. Аванасій Прозоровскій (1853—1854 г.г.) обучался въ Воронежской семинаріи и Кіевской академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1845 г. 21 Января 1846 г. опредѣленъ въ Задонскія дух. училища инспекторомъ и учителемъ высшаго отдѣленія. 5 Іюня 1852 г. принялъ монашество. 17 Февраля 1853 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на церковную и библ. исторію и археологію. Съ 28 Сентября 1853 г. до 20 Января 1854 г. н. д. учителя низш. отд. по катихизическому ученію и греческому языку. Въ 1854 г. опредѣленъ смотрителемъ Воронежскихъ духовныхъ училищъ.

¹⁾ «Донъ», 1883 г., № 102. См. Вор. Еп. Вѣд., 1883 г., № 20.

Въ кратковременное пребываніе учителемъ семинаріи о. Аѳанасій заявилъ себя строго-аскетическою жизнью. Назначенный смотрителемъ Ворон. училищъ, онъ позаботился объ ихъ внутреннемъ благосостояніи. По выходѣ въ отставку, жилъ на покоѣ въ одномъ изъ монастырей Курской губерніи.

Кандидатъ Григорій Андреевичъ Прозоровскій (1853 г.) обучался въ Воронежской семинаріи и Кіевской академіи. 31 Октября 1853 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію учителемъ по св. Писанію и соединеннымъ съ нимъ предметамъ. Но вскорѣ оставилъ семинарію, принявши священство. Впослѣдствіи состоялъ законоучителемъ Новочеркаскаго института благородныхъ дѣвицъ.

Кандидатъ іером. Теохистъ (Поповъ), (1851—1852 г.г.) обучался въ Харьковской семинаріи и Кіевской академіи. 5 Августа 1851 г. принялъ монашество. По окончаніи курса академіи въ 1851 г., опредѣленъ въ Воронежскую семинарію помощникомъ ректора въ преподаваніи богословскихъ наукъ. Служилъ при Воронежской семинаріи до 1853 г., когда былъ перемѣщенъ въ Кіевскую семинарію. Впослѣдствіи былъ архіепископомъ Рязанскимъ.

Кандидатъ Николай Александровичъ Карножицкій (1858—1859 г.г.) обучался въ Могилевской семинаріи и Кіевской академіи. Съ 18 Сент. 1858 г. по 1859 г. состоялъ въ Воронежской семинаріи учителемъ 1 низшаго отд. по словесности и латинскому языку.

Маистръ Алексій Ивановичъ Поповъ (1856—1857 г.г.) обучался въ Орловской семинаріи и Кіевской академіи. Въ 1855 г. опредѣленъ на словесность въ Орловскую семинарію. Въ 1856 г. перемѣщенъ въ Воронежскую семинарію на гражданскую исторію. Въ 1857 г. опредѣленъ во священника къ Троицкому собору. Впослѣдствіи былъ ключаремъ. Умеръ въ 1872 г.

Маистръ Андрей Яковлевичъ Донченковъ (1856—

1859 г.) обучался въ Харьковской семинаріи и Кіевской академіи. 5 Марта 1856 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на физику и математику. 8 Дек. 1857 г. опредѣленъ во священника къ Рождество-Богородицкой церкви. Въ семинаріи служилъ до 1859 года.

Маиسترъ Иванъ Ивановичъ Василевъ (1860—1862 г.г.) обучался въ Псковской семинаріи и Московской академіи. Съ 8 Окт. 1860 г. по 1862 г. состоялъ въ Воронежской семинаріи учителемъ физики и математики. Въ 1862 г. перешелъ въ Псковскую семинарію. Оттуда перешелъ на службу въ Минист. Финансовъ.

Кандидатъ Михаилъ Павловичъ Копьевъ (1859—1862 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, 14 Дек. 1859 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію учителемъ гражданской исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ. Съ 1 Мая 1860 г. по 31 Янв. 1861 г. состоялъ помощникомъ инспектора. 11 Марта 1862 г. опредѣленъ въ священника.

Кандидатъ Иванъ Ильичъ Шумиловскій (1860—1864 г.г.), по окончаніи курса, состоялъ въ Ворон. сем. помощникомъ ректора по профессорской должности до 1864 г.

Иванъ Александровичъ Ингеницкій (1859—1864 г.г.), по окончаніи курса въ С.-П.Бургской академіи, 13 Сент. 1859 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на словесность и соединенные съ нею предметы. Съ 1861 по 1863 г. преподавалъ французскій языкъ. Въ 1861 г. и. д. учителя словесности во 2 низшемъ отдѣленіи. Оставивши дух. учебную службу, Ингеницкій состоялъ потомъ преподавателемъ гимназій и инспекторомъ Лебедянской и Воронежской прогимназій. Вышедши потомъ въ отставку, онъ принялъ священство и опредѣленъ наблюдателемъ ц.-пр. школъ Ворон. уѣзда. Въ настоящее время состоитъ преподавателемъ Ворон. Еп. ж. училища по Закону Божію.

Маиسترъ Иванъ Петровичъ Щеголевъ (1854—1869 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ

1853 г. опредѣленъ въ Вологодскую семинарію на физику и математику. Въ 1854 г. перемѣщенъ въ Воронежскую семинарію на священное Писаніе и соединенные съ нимъ предметы. Съ 1855 г. по 1866 г. состоялъ учителемъ греч. языка въ высшемъ отд. дух. училища. Съ 1857 г. по 1861 г. преподавалъ миссіонерскіе предметы. Въ 1859 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора, въ 1858 г. — членомъ Правленія. Съ 1865 г. по 1867 г. преподавалъ латинскій языкъ въ гимназій. Съ 1859 г. по 1869 г. состоялъ экономомъ семинаріи. Скончался въ 1869 г.

Магистръ Петръ Акимовичъ Вышневскій (1850—1878 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1850 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на физику и математику. Въ 1851—1852 г.г. преподавалъ латинскій языкъ въ 3 низшемъ отд. Въ 1853—1854 г.г. и. д. наставника сельскаго хозяйства. Въ 1854 г. опредѣленъ учителемъ еврейскаго языка. Въ 1855—1856 г.г. снова и. д. наставника сельскаго хозяйства. Въ 1860 г. преподавалъ греческій языкъ. Въ 1860 г. перемѣщенъ на логику, психологію, патрологію и латинскій языкъ во 2-е среднее отдѣленіе. Въ 1861 г., кромѣ того, преподавалъ тѣ же предметы и въ среднемъ отдѣленіи. Въ 1867 г. опредѣленъ членомъ педагогическаго собранія. Въ 1868 г. онъ въ числѣ другихъ былъ выставленъ кандидатомъ въ инспекторы семинаріи, а въ 1872 г. ему только одному изъ свѣтскихъ преподавателей предлагали баллотироваться въ ректоры семинаріи, но онъ отказался, потому что не соглашался принять свящ. санъ. 1875—1880 г.г. состоялъ инспекторомъ семинаріи. Скончался въ отставку—въ 1885 г.

Это былъ самый выдающійся учитель своего времени, выдѣлявшійся среди своихъ сослуживцевъ и своею долговременною службою въ семинаріи, и особенно своею даровитостію. Особенно славился онъ своимъ формальнымъ, логическимъ развитіемъ и своею діалектикой, которой пора-

жалъ и учениковъ, и сослуживцевъ. Быть можетъ, пристрастіе къ діалектинѣ и непобѣдимость въ отвлеченныхъ спорахъ развили въ немъ излишнюю самоувѣренность. Рассказываютъ, что онъ совсѣмъ не читалъ ни новыхъ книгъ, ни газетъ, считая это излишнимъ для себя. Поэтому въ спорахъ онъ стоялъ часто не на положительной почвѣ опредѣленныхъ знаній, а на искусно составленныхъ силлогизмахъ формальнаго характера. Обаяніе личности Вышневецкаго стало нѣсколько блѣднѣть въ 60 годахъ, когда въ Воронежскую семинарію поступили на службу нѣсколько выдающихся молодыхъ преподавателей, напр. Невскій, Некрасовъ и др.

Маистръ Евфимій Максимовичъ Пучковскій (1857—1861 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи въ 1857 г., опредѣленъ въ Воронежскую семинарію учителемъ гражданской исторіи. Въ 1858 г. опредѣленъ экономомъ семинаріи. Въ 1858—1859 г.г. и. д. учителя словесности. Въ 1859 г. и. д. учителя сельскаго хозяйства. Въ 1859 г. назначенъ бібліотекаремъ. Въ 1861 г. переведенъ въ Черниговскую семинарію. Въ 1862 г. принялъ свящ. санъ. Въ 1869 г. опредѣленъ смотрителемъ Черниговскаго дух. училища. Скончался въ 1883 г.

Пучковскій оставилъ по себѣ прекрасныя воспоминанія среди Черниговскихъ семинаристовъ. О немъ же данъ очень хорошій отзывъ ревизоромъ Ст. И. Лебедевымъ.

Маистръ Василій Петровичъ Коринскій (1854—1855 г.г.) переведенъ на службу въ Воронежскую семинарію изъ смотрителей Павловскаго д. училища, гдѣ онъ признанъ былъ неудобнымъ вслѣдствіе нетрезвости. Въ Воронежской семинаріи прослужилъ менѣе двухъ лѣтъ, послѣ чего перешелъ въ Орловскую семинарію. Впослѣдствіи принялъ монашество съ именемъ Михаила. Скончался въ Митрофановскомъ Ворон. монастырѣ.

Маистръ Михаилъ Васильевичъ Левашевъ (1855—

1858 г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1854 г. былъ опредѣленъ инспекторомъ Павловскаго дух. училища. Въ томъ же году былъ перемѣщенъ въ Воронежское училище на ту же должность. Въ 1855 г. Левашевъ опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на словесность и латинскій языкъ. Въ 1858 г. оставилъ духовно-училищную службу и былъ опредѣленъ священникомъ къ Николаевской церкви г. Воронежа.

Маистръ Матвій Васильевичъ Невскій (1861—1869 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1861 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на логику, психологію, патрологію и латинскій языкъ. Въ 1861 г. принялъ священный санъ. Въ 1865 г. опредѣленъ членомъ Комитета народнаго здравія. Въ 1865 же году назначенъ законоучителемъ гимназіи, оставаясь въ то же время и преподавателемъ семинаріи. 10 Января 1869 г. о. Невскій общимъ собраніемъ преподавателей Курской семинаріи избранъ въ ректора этой семинаріи. Въ 1888 г. возведенъ въ санъ епископа Ладожскаго, викарія Петербургской епархіи. Въ 1890 г. опредѣленъ епископомъ Пензенскимъ, въ 1893 г.—Астраханскимъ. Въ 1896 г.—епископъ Орловскій и Сѣвскій. Въ 1899 г.—епископъ Смоленскій.

Маистръ Михаилъ Ивановичъ Некрасовъ (1862—1866 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1862 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на словесность. Въ 1863 г. назначенъ, кромѣ того, преподавателемъ французскаго языка. Въ 1862—1864 г.г. занимался устройствомъ ученической библіотеки и былъ въ ней библіотекаремъ, за что получилъ благодарность отъ Семинарскаго Правленія. Въ 1864 г. опредѣленъ священникомъ къ Спасской церкви; въ томъ же году перемѣщенъ съ словесности на томилетику, нравственное и обличительное богословіе. Въ 1865 г. перемѣщенъ къ Пятницкой церкви. Въ 1866 г. опредѣленъ законоучителемъ кадетскаго корпуса

и послѣ того оставилъ службу при семинаріи. Въ 1894 г. принялъ монашество и опредѣленъ настоятелемъ Покровскаго монастыря въ Москвѣ. Въ 1895 году опредѣленъ ректоромъ Московской духовной академіи. Въ 1898 году назначенъ епископомъ Курскимъ и Бѣлградскимъ.

Александръ Ѳеодоровичъ Липскій (1853—1882 г.г.), по окончаніи курса въ Горыгорецкомъ сельскохозяйственномъ институтѣ дѣйствительнымъ студентомъ агрономіи, въ 1851 г. опредѣленъ въ Черниговскую семинарію учителемъ естественной исторіи и сельскаго хозяйства. Въ 1857 г. перемѣщенъ на тѣ же предметы въ Воронежскую семинарію. Въ 1854 г., кромѣ того, преподавалъ геометрію; въ 1854—1861 г.г. — франц. языкъ. Въ 1855—1864 г.г. преподавалъ графическое черченіе въ Ворон. кадетскомъ корпусѣ. Въ 1861—1867 г.г. состоялъ учителемъ гимназій по топографіи, таксаци и черченію. Съ 1860 г. состоялъ помощникомъ инспектора семинаріи. Въ 1862—1863 г.г. и. д. учителя физики и математики. Въ 1870 г. преподавалъ естественную исторію въ гимназій. Въ 1874—1875 г.г. и. д. инспектора семинаріи. При преобразованіи семинаріи въ 1874 г. опредѣленъ учителемъ математическихъ наукъ. Въ 1874—1875 г.г. исправлялъ должность инспектора семинаріи. Въ 1876 г., выслуживши 25-лѣтній срокъ службы, снова былъ избранъ на 1-е пятилѣтіе, а въ 1881 г. — на 2-е. Въ 1880 г. избранъ членомъ педагогич. и распоряд. собранія. Въ 1883 г., по прошенію, уволенъ отъ службы.

Липскій, долгое время служившій при семинаріи и др. учебныхъ заведеніяхъ г. Воронежа, нѣсколько разъ получалъ выраженіе признательности за свое преподаваніе. Въ 1854 г. ему объявлена благодарность Академич. Правленія за преподаваніе сельск. хозяйства, послѣ ревизіи арх. Леонтія. Въ 1857 г. — благодарность начальника главнаго штаба за преподаваніе въ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1858 г. ему, вмѣстѣ съ учениками, была выдана большая серебря-

ная медаль Ворон. сельскохоз. выставкой за труды по сельскому хозяйству.

Кандидатъ Анафоникъ Ивановичъ Кильчевскій (1858—1870 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1858 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на словесность. Въ 1861—1863 г. состоялъ помощникомъ инспектора. Въ 1863—1864 г.г.—секретаремъ Правленія. Въ 1864—1865 г.г.—учителемъ франц. языка. Въ 1864 г. опредѣленъ преподавателемъ словесности въ Воронежское женское училище. Въ 1865 г.—преподавателемъ русскаго языка въ кадетскомъ корпусѣ. Въ Воронежской семинаріи служилъ до 1870 г. Въ настоящее время состоитъ учителемъ Нижегородскаго кадетскаго корпуса.

Кандидатъ Павелъ Алексѣевичъ Орловъ (1863—1873 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1858 г. опредѣленъ въ Пермскую семинарію преподавателемъ словесности; въ 1859 г. состоялъ экономомъ. Въ 1860 г. переведенъ въ Орловскую семинарію на гражданскую исторію. Въ 1863 г. перемѣщенъ въ Воронежскую семинарію на словесность. Въ Воронежской семинаріи служилъ до 1873 г., послѣ чего состоитъ на епархіальной службѣ. До 1898 г. состоялъ членомъ Консисторіи и ключаремъ при Кафедрал. соборѣ. Въ настоящее время, уволившись по прошенію отъ должности члена Консисторіи, состоитъ ключаремъ.

Маистръ Иванъ Васильевичъ Адамовъ (1861—1873 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1861 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на физику и математику. Въ 1863 г. принялъ священство. Въ 1863 г., по прошенію, перемѣщенъ на богословскіе предметы, которые онъ считалъ болѣе соотвѣтствующими его духовному сану. Въ 1872 г., при избраніи ректора по новому уставу, о. Адамовъ былъ въ числѣ кандидатовъ на эту должность. 11 Октября 1873 г. Адамовъ оставилъ службу при семинаріи. Съ тѣхъ поръ служить при Воронежскомъ ка-

едральномъ соборѣ. Въ настоящее время—каедральный протоіерей и членъ Консисторіи.

Маистръ Петръ Евфиміевичъ Палицынъ (1863—1889 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1863 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію преподавателемъ гражданской исторіи. Въ 1864 г. назначенъ помощникомъ инспектора семинаріи; въ 1866 г.—библіотекаремъ. Въ томъ же году принялъ священный санъ и перемѣщенъ на богословскіе предметы. Въ 1869 г., кромѣ того, опредѣленъ законоучителемъ военной гимназіи. Въ 1870 г. назначенъ членомъ Ворон. епарх. Комитета Правосл. Мисіон. Общества. Съ 1871 г. состоитъ цензоромъ Ворон. Епарх. Вѣдомостей. Въ томъ же году опредѣленъ учителемъ франц. языка. Въ 1875 г. избранъ членомъ Пед. Собр. и Совѣта Епарх. училища. Въ 1876 г. перемѣщенъ на богословскіе предметы. Въ 1883 г. опредѣленъ законоучителемъ гимназіи. Въ 1885 г.—членомъ Братства свв. Митрофана и Тихона. Съ 1886 г. по 1896 г. состоялъ предсѣдателемъ Совѣта Еп. училища. Въ 1889 г., выслуживши 25 л., оставилъ учительство при семинаріи. Въ настоящее время состоитъ благочиннымъ церквей г. Воронежа.

Кандидатъ Александръ Ивановичъ Роменскій (1862—1871 г.г.), по окончаніи курса въ Московской академіи, въ 1862 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на гражданскую исторію. Въ 1864 г. назначенъ библіотекаремъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ онъ началъ пререканія съ инспекціей, за что былъ уволенъ съ должности.

Кандидатъ Николай Петровичъ Марковъ (1861—1883 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1861 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію учителемъ по церковной исторіи. Въ 1864—1866 г.г. состоялъ секретаремъ Сем. Правленія. Тогда же состоялъ учителемъ исторіи въ Мар. женск. гимназіи. Въ 1866—1869 г.г. состоялъ воспитателемъ и учителемъ русскаго языка въ Во-

рон. кадетскомъ корпусѣ. Въ 1869 г. снова опредѣленъ въ Ворон. семинарію на философскіе предметы. Кромѣ того, въ 1872 г. состоялъ учителемъ педагогики въ мужской гимназіи, въ 1873 г. — въ кад. корпусѣ. Въ 1874 г. опредѣленъ священникомъ къ Спасской церкви. Въ 1874—1880 г.г. состоялъ членомъ Педаг. Собранія; въ 1874—1883 г.г. — членомъ Ворон. Учл. Совѣта. Въ 1881 г. произведенъ въ протоіерея. Въ 1883 г. опредѣленъ ректоромъ Черниговской семинаріи. Умеръ въ санѣ протоіерея Московскаго Благовѣщенскаго собора въ 1896 году.

Марковъ былъ выдающимся наставникомъ, особенно на кафедрѣ философіи. Имъ составленъ «Обзоръ философскихъ ученій», за который ему присуждена премія м. Макарія. Кромѣ того, ему принадлежитъ большая статья: «Одинъ изъ педагогическихъ типовъ изъ опыта «о значеніи Сократа какъ педагога» (Ворон. Еп. Вѣд. 1870 г., № 13, 14, 17, 18).

Кандидатъ Алексій Ивановичъ Николаевъ (1865—1887 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1865 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на богословскія науки. Въ 1866 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора. Въ 1866 г. перемѣщенъ на гражданскую исторію. Вскорѣ послѣ того назначенъ помощникомъ инспектора. Въ 1887 г. уволенъ, по прошенію, отъ должности преподавателя, вслѣдствіе сильной глухоты, препятствовавшей успѣшному веденію дѣла.

Это былъ одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ наставниковъ семинаріи. Любимою его наукою была исторія. Руководство по древней исторіи, составленное имъ, въ свое время рекомендовалось въ семинаріи въ качествѣ учебнаго пособія. Но особенно заявилъ себя Николаевъ, какъ мѣстный историкъ. Кромѣ статей по исторіи семинаріи, онъ оставилъ нѣсколько статей по исторіи Ворон. епархіи. Большая часть его статей историч. содержанія составлена на основаніи архивныхъ матеріаловъ и потому имѣетъ научное зна-

ченіе. Кромѣ того, Николаевъ писалъ статьи педагогическаго характера. Всѣ свои статьи онъ помѣщалъ въ Ворон. Епарх. Вѣдомостяхъ, являясь самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ этого органа.

Перечень и краткая характеристика наиболѣе выдающихся изъ его статей дана выше, въ введеніи къ настоящей книгѣ.

Кандидатъ Димитрій Павловичъ Прохоровъ (1865—1886 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1865 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на св. Писаніе и соединенные съ нимъ предметы. Съ 1866 г. состоялъ библіотекаремъ. Съ 1866 по 1868 г.г. и. д. учителя русской исторіи. Въ 1871 г. опредѣленъ членомъ Педагогич. и Распорядит. Собранія. Въ 1879 г. опредѣленъ учителемъ гражд. исторіи въ Ворон. Епарх. училище. Въ 1883 г. снова назначенъ членомъ Педагогическаго Собранія. Въ 1886 г. переведенъ въ Каменецкое духовное училище на греческій языкъ.

Магистръ Димитрій Ивановичъ Самбикинъ (1866—1872 г.г.), по окончаніи курса въ С.-Петербургской академіи, въ 1866 г. опредѣленъ былъ въ Воронежскую семинарію учителемъ церковной исторіи. Въ то же время ему было поручено преподаваніе каноническаго права. Въ томъ же году посвященъ во священника къ Пятницкой церкви. Въ 1866—1867 г.г. безмездно преподавалъ гражд. исторію въ Ворон. Епарх. ж. училищѣ. Въ 1869 г. избранъ членомъ Совѣта Еп. училища и преподавателемъ исторіи. Въ 1870—1871 г.г. преподавалъ въ семинаріи практическое руководство для пастырей. Въ то же время о. Самбикинъ несъ нѣсколько постороннихъ должностей. Въ 1866 г. онъ состоялъ библіотекаремъ Ворон. Публичной библіотеки и членомъ-корреспондентомъ Петерб. Комитета грамотности. Въ 1871—1872 г.г. былъ предсѣдателемъ епарх. съѣзда депутатовъ

и состоялъ членомъ Комитета по дѣламъ объ улучшеніи быта духовенства.

Въ 1872 г. общимъ собраніемъ преподавателей Тамбовской семинаріи Самбикинъ избранъ въ должность ректора этой семинаріи, въ каковой должности состоялъ до 1881 г. Въ то же время онъ былъ редакторомъ Тамбовскихъ Епарх. Вѣдомостей, членомъ Тамб. Публичной библіотеки, членомъ противораскольническаго Московскаго Общества св. Петра митрополита, членомъ Кіевскаго церковно-археологическаго общества, членомъ, а потомъ помощн. предсѣдателя Тамбовскаго Статистическаго Комитета, членомъ С.-ПБ. Моск. и Кіевск. Общества вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ академіи, членомъ Славянскаго благотворительнаго общества (съ 1877 г.), предсѣдателемъ Тамб. Казанско-Миссіонерскаго общества (съ 1875 г.), директоромъ Тамб. губ. Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета, помощникомъ, членомъ общества взаимнаго вспомошествованія русскихъ художниковъ и мн. др. обществъ. Въ 1877 г., по принятіи монашества, о. Димитрій возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1880 г. основана была при Тамб. семинаріи стипендія его имени, на каковую имъ было пожертвовано 1800 р.

Въ 1881 г. архим. Димитрій переведенъ ректоромъ въ Воронежскую семинарію. Здѣсь, кромѣ того, онъ состоялъ редакторомъ Ворон. Еп. Вѣдомостей, членомъ Епарх. Уч. Совѣта (съ 1884 г.), товарищемъ предсѣдателя Братства свв. Митрофана и Тихона (съ 1886 г.), членомъ-сотрудникомъ Имп. Географич. Общества, членомъ Имп. Палестинскаго общества и Общества св. Стефана Пермскаго.

10 Декабря 1886 г. архим. Димитрій опредѣленъ епископомъ Балахнинскимъ викаріемъ Нижегород. епархіи, откуда въ 1887 г. назначенъ былъ епископомъ Балтскимъ, викаріемъ Подольской епархіи. Въ 1890 г. назначенъ епископомъ Подольскимъ. Въ 1897 г. переведенъ на Тверскую кафедру. Въ 1898 г. возведенъ въ санъ архіепископа.

Во время своей педагогической службы о. Самбикинъ заявилъ себя цѣлымъ рядомъ статей церковно-археологическаго характера. Вотъ его труды.

По общей церковной исторіи: св. Григорій Двоесловъ (Тамб. Еп. Вѣд. 1883, № 4—7), св. Димитрій Алекс. (1873, № 1), Атикъ, патр. Конст. (1873, № 2), Ліонскіе мученики (№ 9—10), св. Луппа, еписк. Троейпскій (1873, № 12), св. Равула Едесскій (13—14), св. Осія Кордубскій (15—16), Нектарій Конст. (17—20), св. Синій Лаодикійскій (1876, 18), св. муч. Инна, Пинна и Римма (1878, 5—6), муч. Фелицата (1873, 2), св. Патаміена (1873, 11), св. Маргарита (1876, 12), св. Кириллъ и Меодій (Вор. Еп. В. 1883, 6—8).—По русск. церков. исторіи: Мѣсяцесловъ святыхъ, всею русскою церковью или мѣстно чтимыхъ, и Указатель празднествъ въ честь Божіей Матери и св. угодниковъ Божіихъ въ нашемъ отечествѣ, четыре выпуска въ 5 книгахъ (216, 250, 441, 282+377 стр.). Чтенія по русской церковной исторіи—Синод. періодъ (Тамб. Еп. Вѣд. 1874 г. и особ. брош.)—По литургикѣ. Записки по литургикѣ (Тамб. Еп. Вѣд. 1878). О праздникахъ: Рожд. Пресв. Богородицы (Тамб. Еп. Вѣд. 1876, № 33), Введ. во храмъ пр. Богородицы (№ 23), Благовѣщенія (1878, 6—8). Рожд. Спасителя (1877, 1—5), Срѣт. Господня (6—7), Воздвиженія честнаго креста (1876, 23—24); Къ исторіи освященія церквей въ Россіи (1877, 16—17). Объ именахъ, даваемыхъ при св. крещеніи.—По нравств. богословію: Христіанская любовь и социализмъ (Вор. Еп. В. 1874, № 21). Сравнительное обозрѣніе ученія о первородномъ грѣхѣ въ христ. обществахъ.

Въ научномъ отношеніи особенную цѣнность имѣютъ труды Самбикина по исторіи Ворон. и Тамб. епархіи. Кромѣ житія св. Митрофана (1 изд. 1869 г., 2—1885 г.), ему принадлежатъ статьи о многихъ другихъ Ворон. епископахъ (Вор. Еп. Вѣд. 1871, №№ 1—14; 1870, № 12, 13, 23;

1871, № 3; Тамб. Еп. Вѣд. 1870, № 16; Вор. Еп. В. 1882, № 3, 5, 19), а также о монастыряхъ (1869, 5—8; 20—21; 1884, № 15, 17) и церквахъ Ворон. епархіи (въ 4 книгахъ: 1—314, 2—334, 3—307 стр., 4—въ приб. къ Вор. Еп. Вѣд. за 1885 г.). По исторіи Тамб. епархіи слѣдуетъ отмѣтить: св. Пителимъ, 2-й еп. Тамбовскій (Вор. Еп. Вѣд. 1870, № 2). Краткія свѣдѣнія о мѣстнотчимыхъ св. подвижникахъ благочестія, крестныхъ ходахъ и празднествахъ въ Тамб. епархіи (Тамб. Губ. Вѣд. 1875 и Еп. Вѣд. 1876); Списки оконч. курсъ въ Тамб. д. сем. съ 1780 по 1880 г. (Еп. Вѣд. 1879). Столѣтній юбилей Тамб. семинаріи (1879), Старинные семин. диспуты (1879, 1—4); Іоанникій, первый ректоръ Тамб. сем. (1877, 10—11), Филаретъ, арх. Черниг. (ibid ст.), Ректоры Тамб. сем. (1882) и мн. другихъ.

Магистръ Иванъ Петровичъ Исаевъ (1864—1871 г.г.), по окончаніи курса въ Московской академіи, въ 1864 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на физику и математику. Въ 1865—1866 г.г. состоялъ помощникомъ инспектора. Въ 1865—1866 г.г. преподавалъ франц. языкъ. Въ 1866 г. опредѣленъ секретаремъ Правленія. Въ 1871 г. Исаевъ опредѣленъ былъ секретаремъ Совѣта и Правленія Кіевской академіи. Въ настоящее время состоитъ секретаремъ при Кіевскомъ университетѣ. Ему принадлежатъ статьи: «Открытіе приходскихъ попечительствъ въ Воронежской епархіи въ 1867 г.» (Вор. Еп. Вѣд. 1869, № 24) и «Приходскія попечительства въ Ворон. епархіи съ 1868 по 1871 г. (Тамъ же, 1871, № 16).

Кандидатъ Ѳеодоръ Корнилевичъ Яворскій (1864—1870 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1864 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на словесность. Съ 1866 г., кромѣ того, состоялъ преподавателемъ франц. языка.

Кандидатъ Илья Степановичъ Орловъ (съ 1868 г.),

по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1867 г. былъ опредѣленъ смотрителемъ Симферопольскаго д. училища. Въ 1868 г. перемѣщенъ въ Воронежскую семинарію преподавателемъ исторіи. Съ 1870 до 1873 г. преподавалъ нѣмецкій языкъ. Въ 1871 г., кромѣ того, опредѣленъ учителемъ Епархіального женскаго училища. Въ 1874 г. перемѣщенъ на греческій языкъ. Въ 1881—1882 г.г. состоялъ церковнымъ старостой при семинарской церкви. Съ 1883 г. до 1890 г. состоялъ членомъ Педагогическаго Собранія. Въ 1896 г. пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. Въ 1897 г. утвержденъ въ званіи потомственного дворянина.

Кандидатъ Василій Ивановичъ Базилевичъ (съ 1869 г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1869 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію преподавателемъ по св. Писанію и соединеннымъ съ нимъ предметамъ. Въ 1870 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора. Съ 1871 до 1873 г., въ 1878 и въ 1880 г.г. и. д. инспектора семинаріи. Въ 1873 г. опредѣленъ членомъ Педагогич. Собранія. Въ 1876 г. перемѣщенъ на словесность, исторію литературы и логику. Въ 1879 г. назначенъ членомъ Распорядительнаго собранія. Въ 1881 г. снова избранъ членомъ Педагогич. Собранія. Съ 1878 до 1881 г. состоялъ учителемъ русскаго языка въ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1877 г. опредѣленъ въ Епархіальное женское училище учителемъ по исторіи р. литературы. Съ 1880 г. до 1894 г. состоялъ тамъ же инспекторомъ классовъ и законоучителемъ. Въ 1881 г. принялъ священный санъ. Въ 1884 г. опредѣленъ членомъ Епарх. Учил. Совѣта. Въ 1896 г. избранъ членомъ Совѣта Вор. Епарх. училища. Въ 1897 г. награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. Въ 1898 г. опредѣленъ сверхштатнымъ членомъ Ворон. дух. Консисторіи.

Маиسترъ Никифоръ Ивановичъ Ляборинскій (1870—1880 г.г.), по окончаніи курса въ С.-Петербургской академіи, въ 1869 г. опредѣленъ въ Петерб. семинарію, а въ

слѣд. 1870 г. перемѣщенъ въ Ворон. семинарію на словесность и греч. языкъ. Въ 1871—1873 г.г. преподавалъ франц. языкъ. Въ 1871 г. опредѣленъ учителемъ русскаго языка и словесности въ женскую гимназію. Съ 1878 г. по 1880 г. состоялъ инспекторомъ Воронежской семинаріи. Въ настоящее время—законоучитель Новочеркасскаго кадетскаго корпуса.

Маистръ Митрофанъ Филипповичъ Ястребовъ (1871—1873 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, состоялъ преподавателемъ Воронежской семинаріи по греческому языку. Въ 1873 г. перешелъ на службу въ Кіевскую академію. Въ настоящее время—заслуж. орд. профессоръ Кіевской академіи.

Кандидатъ Николай Степановичъ Богородицкій (съ 1870 г.), по окончаніи курса въ Казанской академіи, въ 1870 г., опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на математику. Въ 1873 г. опредѣленъ секретаремъ сем. правленія. Съ 1878 г. преподаетъ физику въ Епарх. женскомъ училищѣ. Съ 1886 г. до 1889 г. и съ 1896 г.—членъ Педагогич. собранія. Въ 1896 г. награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст.

Кандидатъ Иванъ Ѳеодоровичъ Волоцкій (1871 г.) по окончаніи академич. курса былъ опредѣленъ инспекторомъ Симфероп. д. училища, а потомъ преподавателемъ Полтавской д. семинаріи. Въ 1871 г. состоялъ учителемъ греч. языка въ Воронежской семинаріи. Уволенъ за нетрезвость.

Кандидатъ Григорій Ивановичъ Недѣлковскій (1871—1880 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1871 г. опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на греческій языкъ. Въ 1871 г., кромѣ того, назначенъ учителемъ исторіи и словесности въ Ворон. Епарх. училище. Въ 1872 г. перемѣщенъ на церковную исторію. Съ 1873 г. преподавалъ нѣмецкій языкъ. Съ 1876 г., съ основаніемъ Ворон.

Реального училища, состоялъ частнымъ преподавателемъ Реального училища. Въ 1879 г., послѣ сдачи экзамена при Харьковскомъ университетѣ на званіе учителя гимназій, опредѣленъ штатнымъ учителемъ того же предмета. Съ 1885 г., кромѣ того, состоитъ инспекторомъ Реального училища.

Г. И. Недѣтовскій извѣстенъ своими трудами ученаго и литературнаго характера. Нѣкоторые изъ нихъ, написанные во время его семинарской службы, помѣщены въ Ворон. Епарх. Вѣд. Таковы, напр., статьи: «Князь А. М. Курбскій и его дѣятельность въ пользу православія» (1873, № 21, 23). «Празднованіе въ Ворон. д. семинаріи столѣтней годовщины рожденія Имп. Александра I и рѣчь, сказанная при семъ случаѣ» (1878, 1). Но особенно выдается Недѣтовскій, какъ авторъ интересныхъ романовъ и повѣстей изъ быта духовенства, которые онъ помѣщалъ подъ псевдонимомъ о. Забытаго въ Отеч. Зап., Вѣстн. Евр., Сѣв. Вѣстн. и Странникѣ. Изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить: «Миражи», «Велѣно пріискивать», «Вокзальный собесѣдникъ», «Ходить» и др.

Кандидатъ Василій Абрамовичъ Маврицкій (1871—1887 г.г.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, опредѣленъ въ Воронежскую семинарію на гоиметику, которую преподавалъ до 1887 г. Кромѣ того, въ 1873 г. опредѣленъ въ Ворон. Епарх. ж. училище преподавателемъ педагогики, а съ 1880 г. — словесности, въ 1879 г. — преподавателемъ русскаго языка въ Кадетскій корпусъ и Реальное училище; въ 1881 г. — преподавателемъ педагогики въ Мариинскую женскую гимназію. Въ 1885 г. Маврицкій опредѣленъ членомъ Воронежскаго Статистическаго Комитета. Въ 1887 г. уволенъ отъ службы по семинаріи, согласно прошенію.

Состоя преподавателемъ семинаріи, Маврицкій заявилъ себя изданіемъ нѣсколькихъ сборниковъ. Изъ нихъ особен-

но выдается «Святель», изд. въ первый разъ еще въ Воронежѣ. Въ настоящее время онъ вышелъ уже 21 изданіемъ. Кромѣ того, онъ съ 1885 г. издаетъ духовный журналъ «Пастырскій Собесѣдникъ», до 1887 г.—въ Воронежѣ, съ 1887 г. въ Москвѣ.

Кандидатъ Ѳеодоръ Павловичъ Тихонравовъ (1873—1878 и.и.), по окончаніи курса въ Московской академіи, опредѣленъ преподавателемъ въ Волынскую семинарію. Въ 1873 г. перемѣщенъ въ Воронежскую семинарію преподавателемъ гомилетики. Въ 1878 г. перешелъ на службу въ учительскую семинарію. Въ настоящее время—инспекторъ народныхъ училищъ въ Ростовѣ на-Дону.

Кандидатъ Митрофанъ Ивановичъ Романовскій (1874—1898 и.и.), по окончаніи курса въ Кіевской академіи, въ 1873 г. опредѣленъ смотрителемъ Петровскаго д. училища (Сарат. г.). Въ Январѣ 1874 г. перемѣщенъ въ Воронежскую семинарію на богословскіе предметы, которые преподавалъ по 1898 г. Въ 1874 г., кромѣ того, опредѣленъ въ Епарх. ж. училище на педагогику и географію. Въ 1875—1887 г. преподавалъ еврейскій языкъ въ семинаріи. Въ 1875 г. опредѣленъ священникомъ къ церкви Тюремнаго замка. Въ 1876 г. переведенъ къ Успенской церкви г. Воронежа. Въ 1885 г. возведенъ въ санъ протоіерея и опредѣленъ священникомъ къ Кафедральному Троицкому собору. Въ 1887—1893 г.г. состоялъ членомъ Совѣта Епарх. ж. училища. Въ 1898 г., прослуживши 25 лѣтъ, уволенъ, по прошенію, отъ духовно-училищной службы.

Кромѣ проповѣдей, имъ напечатаны: «Приготовленіе народа еврейскаго къ принятію Искупителя и исполненіе надеждъ его въ Лицѣ І. Христа» (изъ публ. чтен. въ Митр. монастырѣ). (Вор. Еп. Вѣд. 1879, № 13, 14, 15, 17, 18) и «Языческіе культы, упоминаемые въ Библии» (1872, 19, 20, 21, 24. 1873, 1, 2).

Кандидатъ Михаилъ Евграфовичъ Казанскій (1874 и.),

по окончаніи курса въ Кіевской академіи, около года преподавалъ въ Воронежской семинаріи греческій языкъ.

Кандидатъ Михаилъ Васильевичъ Никольскій (1872—1873 г.г.), по окончаніи курса въ Московской академіи, около года состоялъ преподавателемъ Воронежской семинаріи. Въ настоящее время служить въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ и, кромѣ того, состоитъ приватъ-доцентомъ Московскаго университета и лекторомъ евр. языка въ Московской дух. академіи.

У ч е б н ы й к у р с ь.

Въ постановкѣ учебнаго дѣла послѣ реформы 1817 г. произошла существенная перемѣна сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ. Если прежде преподаваніе семинарскихъ наукъ и даже самое введеніе ихъ въ курсъ семинарскаго образованія зависѣло отъ мѣстнаго начальства и часто измѣнялось вслѣдствіе мѣстныхъ условій, то теперь семинарскій курсъ получилъ строгую опредѣленность, не завися уже отъ личнаго усмотрѣнія мѣстнаго начальства. Въ этомъ состоитъ первое отличіе новаго учебнаго курса отъ стараго. Второе отличіе—не менѣе важное—состоитъ въ отдѣленіи семинарскаго курса отъ училищнаго. Низшіе классы до высшаго отдѣленія латинскаго языка включительно теперь обособились въ два училища—приходское и уѣздное, а семинарскій курсъ ограничился классами риторики, философіи и богословія. Правда, на первыхъ порахъ это отдѣленіе было болѣе официальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ, такъ какъ семинарія помѣщалась рядомъ съ училищами въ старыхъ семинарскихъ зданіяхъ и первый смотритель училищъ, прот. Зацѣпинъ, былъ въ то же время инспекторомъ и профессоромъ философіи въ семинаріи. Поэтому Воронежское общество по прежнему знало одну семинарію, называя семинаристами и учениковъ училищъ, и учениковъ семина-

ріи. Полное отдѣленіе семинаріи отъ училищъ произошло уже послѣ перемѣщенія семинаріи въ новый корпусъ.

Въ составѣ учебнаго курса съ 1817 г. по 1874 г. Воронежская семинарія пережила два періода: первый продолжался отъ 1817 г. по 1841 г., второй—отъ 1841 г. по 1874 г.

I. Семинарскій курсъ раздѣлялся на три двухгодичныхъ класса: низшее, среднее и высшее отдѣленія или, какъ по прежнему назывались эти классы самими семинаристами, на риторику, философію и богословіе. Науки, преподававшіяся въ этихъ классахъ, по своему значенію распадались на двѣ группы: на главные или основныя и второстепенныя. Знаніе первыхъ имѣло рѣшающее значеніе въ семинарскомъ образованіи, такъ какъ переходъ изъ класса въ классъ и даже положеніе въ спискѣ обуславливались этимъ знаніемъ. Второй группѣ наукъ не придавалось такого значенія, и семинаристъ могъ переходить изъ класса въ классъ безъ удовлетворительныхъ знаній въ этихъ наукахъ. Въ концѣ перваго періода, въ 1837 г. послѣдовало официальное распоряженіе Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, чтобы семинарское начальство показывало въ вѣдомостяхъ способности, прилежаніе и успѣхи только по главнымъ предметамъ, а по прочимъ только прилежаніе и успѣхи ¹⁾. Этимъ ясно показано, что высшее духовно-учебное начальство рѣшающее значеніе въ дѣлѣ развитія придавало только главнымъ предметамъ.

Въ самомъ преподаваніи предметовъ обращалось вниманіе не столько на количество знаній, сколько на ихъ развивающее значеніе. Правда, въ этомъ отношеніи нѣкоторые учителя шли противъ господствовавшихъ взглядовъ, заботясь о полнотѣ учебнаго курса. Но за это семинарское начальство неоднократно получало выговоры отъ Академическаго Правле-

¹⁾ См. архивъ, 326, дѣло № 89.

нія. Такой выговоръ былъ сдѣланъ въ 1832 г. послѣ ревизіи семинаріи, произведенной арх. Іереміей, который нашелъ, что нѣкоторые предметы преподаются съ излишней полнотою. Чтобы подобное явленіе не повторялось болѣе, Академическое Правленіе предписало, чтобы на будущее время учителя заранѣе опредѣляли на треть года, что они намѣрены читать; Семинарское Правленіе должно было наблюдать, чтобы ни одинъ учитель не проходилъ болѣе положеннаго, а если у кого будетъ оставаться время, то его должно употреблять на повтореніе ¹⁾. То же замѣчаніе было сдѣлано Воронежской семинаріи ревизоромъ арх. Иннокентіемъ (въ 1836 г.), который предлагалъ сократить учебный матеріалъ, обратить вниманіе на наиболѣе важныя части въ научныхъ системахъ и заботиться «о пробужденіи въ ученикахъ способности размышлять о предметахъ самимъ» ²⁾.

Большая часть предметовъ преподавалась по запискамъ. Учебныя пособія были и печатныя, по крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ предметамъ, но они были недостаточны; предметъ усвоился учениками не столько по этимъ пособіямъ, сколько на основаніи устныхъ лекцій профессоровъ и рукописныхъ курсовъ, выдававшихся ими. Въ послѣднемъ случаѣ трудъ учениковъ усложнялся списываніемъ этихъ курсовъ. Но особенно обременительно было для нихъ, когда учитель не выдавалъ своихъ лекцій, а только говорилъ ихъ устно, и когда сами ученики должны были записывать за нимъ и обрабатывать эти лекціи. Эта работа имѣла очень много непривлекательнаго. Обременяя ученика часто непосильною работою записыванія и переписыванія лекцій, профессоръ вмѣстѣ съ тѣмъ отдавалъ свои мысли свободной, а потому часто невѣрной передачѣ со стороны семинаристовъ. Какъ-бы кто ни идеализировалъ семинариста 20—30 годовъ,—всякій согласится, что отдавать въ руки уче-

¹⁾ Арх. Кіевск. акад. 1832 г., № 9.

²⁾ См. арх., № 257, 1836 г., 6 Ноября.

никовъ редактированіе, напр., богословскихъ и философскихъ лекцій было очень рискованно. Уже если въ академіяхъ случались неоднократно крупныя недоразумѣнія по этому поводу ¹⁾, то чего-же можно было ожидать отъ семинаріи. Но признавая эти недостатки въ тогдашней постановкѣ преподаванія, нельзя не отмѣтить и одного существеннаго достоинства, тѣсно связаннаго съ этою постановкою. Предоставимъ въ этомъ случаѣ слово семинаристу 30 годовъ, прот. Свѣтозарову. О. Евтихіанъ «объясненія свои обязывалъ каждаго воспитанника записывать и послѣ излагать своими словами. Въ высшей степени было многоплодно подобное упражненіе. Я могу засвидѣтельствовать, что именно преподанное намъ о. Евтихіаномъ изъ богословія, усвоилось прочно и основательно по сіе время, тогда какъ заученное на память изъ того-же предмета прежде и послѣ давно улетучилось изъ головы. Для примѣра укажу хоть на слѣдующій фактъ. Ректоромъ Варлаамомъ къ выпускному публичному экзамену выданъ былъ намъ обширный прекрасно составленный трактатъ о Богѣ-Троициномъ въ Лицахъ. Трактатъ этотъ заученъ былъ мною на память отлично отъ первой строки до послѣдней и, разумѣется, со смысломъ и понятіемъ, и что же однако? Теперь я не помню изъ него ни одного слова, кромѣ текстовъ, которые вполнѣ знакомы были намъ еще при о. Евтихіанѣ» ²⁾. Кромѣ осмысленности и основательности въ усвоеніи учебнаго матеріала, записываніе и переписываніе лекцій пріучало учениковъ къ свободной и сжатой передачѣ отвлеченной мысли. Быть можетъ, въ значительной мѣрѣ этимъ способомъ преподаванія объясняется извѣстное умѣніе прежнихъ семинаристовъ хорошо писать сочиненія.

Въ низшемъ отдѣленіи главнымъ предметомъ была ри-

---

¹⁾ Извѣстны недоразумѣнія съ лекціями прот. Павскаго и арх. Иннокентія.

²⁾ Мои воспоминанія, стр. 4—5.

торика. Она проходилась по прежнему, дореформенному учебнику Бургія—на латинскомъ языкѣ. Дополненія къ этой книгѣ брались изъ руководствъ Ломоносова и Рижскаго; кромѣ того, выдавались учителями пространныя записки учителями. Главное вниманіе при изученіи риторики обращалось на отдѣлы объ эпитетахъ, тропахъ, синонимахъ, на составленіе періодовъ, хрій, рѣчей и т. п. Въ связи съ риторикой преподавалась поэзія, но въ противоположность риторикѣ, этотъ предметъ проходилъ по русскимъ пособіямъ. Параллельно съ изученіемъ этихъ предметовъ шло чтеніе образцовъ: «выбранныхъ мѣстъ изъ св. Писанія (наипаче псалмовъ Давидовыхъ и другихъ пророковъ), св. отцевъ, отличныхъ проповѣдниковъ и иныхъ писателей духовныхъ, а также нѣкоторыхъ свѣтскихъ изящныхъ образцовъ російскихъ и латинскихъ» ¹⁾. Несмотря на то, что на словесность обращалось главное вниманіе въ низшемъ отдѣленіи, учителя полагали, что на этотъ предметъ нужно обращать еще большее вниманіе, «дабы раскрыть въ ученикахъ мыслящую силу, образовать ихъ въ русской и латинской литературѣ и ознакомить со всѣми родами словесныхъ сочиненій» ²⁾. Въ низшемъ же отдѣленіи преподавалась исторія. Учебникомъ по всеобщей исторіи была книга Шрекка—на русскомъ языкѣ, малоинтересная по содержанію и къ тому же написанная тяжелымъ языкомъ. Русская исторія преподавалась по руководству «Краткая исторія государства Россійскаго».

Въ среднемъ отдѣленіи основнымъ предметомъ была философія, подраздѣлявшаяся на логику, всеобщую философію (онтологию), мірословіе (космологию), душесловіе (психологию) и естественное богословіе. О характерѣ преподаванія философіи отчасти говорятъ сохранившіеся конспекты. Вотъ, напр., извлеченіе изъ конспекта профессора философіи За-

¹⁾ См. конспекты, напр., за 1820 г.

²⁾ Арх. Киевской акад., 1832 г., № 9.

дѣпина, который считался образцовымъ. Преподаваніе онтологіи состояло въ «подробномъ показаніи различія и возможнаго числа какъ формальныхъ, такъ и вещественныхъ началъ познанія, съ критическимъ тѣхъ и другихъ разборомъ и съ приведеніемъ въ систематическій порядокъ всѣхъ главъ и матерій сея науки», причемъ «показывалось истинное и опредѣленное значеніе коренныхъ и производныхъ онтологическихъ понятій и происхожденіе сихъ послѣднихъ изъ соединенія первыхъ какъ между собою, такъ и съ другими». Въ мірословіи «излагались главные законы міра, на основаніи оныхъ доказывались всеобщая связь, порядокъ и постепенность твореній, съ рѣшеніемъ возраженій противъ совершенства сего міра». Въ душесловіи «изъяснялась сущность души человѣческой и основная сила ея», затѣмъ «въ связи показывались главные души нашей способности, какъ познавательныя, такъ и желательныя, ихъ постепенность, отличительныя свойства и законы дѣйствія въ примѣненіи къ изъясненію различныхъ явленій въ дѣлахъ и мысляхъ человѣка и утвержденію важнѣйшихъ для человѣка истинъ о свободѣ, безсмертіи и нравственномъ чувствѣ въ человѣкѣ»¹⁾. Понятно, что подобный курсъ философіи, да еще на латинскомъ языкѣ, былъ чрезвычайно труденъ для семинаристовъ, только что перешедшихъ изъ риторики. Только при талантливомъ профессорѣ Пл. Ставровѣ, который умѣлъ примѣняться къ пониманію и развитію учениковъ, философія усвоялась сознательно. Въ 1830 г. ревизоръ архим. Евлампій въ своемъ отчетѣ о Воронежской семинаріи между прочимъ сообщалъ, что ученики плохо понимаютъ философію, а нѣкоторые не могутъ даже и перевести изустно читаннаго ими же (по-латыни)²⁾. Къ сожалѣнію, большая часть профессоровъ философіи за это время преподавали ее очень сухо и отвлеченно, хотя и считались

¹⁾ См. конспектъ 1820 г.

²⁾ Сем. архивъ, № 244, л. 36.

образцовыми учителями. Таковы: Зацѣпинъ, Некрасовъ, Вельяминовъ, Курковскій и И. Некрасовъ.

Пособіями служили отчасти прежнія, дореформенныя руководства Баумейстера и Брюккера, отчасти книги Венцеля, Карпе и Шада, учителя проф. Зацѣпина. Въ дополненіе къ печатнымъ пособіямъ учителя выдавали свои лекціи на латинскомъ языкѣ.

Въ среднемъ-же отдѣленіи преподавалась математика. Печатныя руководства по этому предмету были: алгебра—преподавалась по руководству Николая Фусса, геометрія по Безу. Въ началѣ періода, когда въ семинаріи служилъ знатокъ физики Зацѣпинъ, особенное вниманіе удѣлялось физикѣ. Но впослѣдствіи преподаваніе этого предмета не могло быть удовлетворительнымъ, за неимѣніемъ сноснаго физическаго кабинета: старые инструменты, оставшіеся отъ предшествующаго періода, обветшали, а новыхъ почти не покупали.

Въ высшемъ отдѣленіи главнымъ предметомъ было богословіе. Созерцательное, или догматическое богословіе на первыхъ порахъ проходило «съ всевозможнымъ пространствомъ по сокращенію пр. Иринея, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ статей изъ другихъ авторовъ» ¹⁾. Но впослѣдствіи наставники богословскихъ наукъ—ректоры семинаріи, по большей части, составляли свои лекціи, которыя или заставляли записывать учениковъ, или-же выдавали готовыми.—Нравственное богословіе проходило на основаніи сочиненія Амвросія Медиоланскаго «о должностяхъ» и руководства пр. Теофилакта.—Церковная археологія преподавалась частію по Бингамовымъ Началамъ, а болѣе по книгѣ пр. Гавріила «о чиноположеніяхъ церкви» и по «Книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ». Впрочемъ, археологія и пастырское богословіе въ нѣкоторые годы совсѣмъ не препода-

---

¹⁾ Конспектъ по богословію 1820 г.

давались въ Воронежской семинаріи, за что семинарія въ 1832 г. получила выговоръ отъ Академическаго Правленія. Въ богословскомъ-же классѣ читалась библейская исторія (по руководству къ церковно-библейской исторіи пр. Филарета) и церковная (по Начертанію церковной исторіи, изданному Коммиссіей Духовныхъ Училищъ).

Довольно серьезное вниманіе въ высшемъ отдѣленіи было обращено на преподаваніе герменевтики. Пособіями служили: система Рамбахія и руководство Теофана Прокоповича (въ статьѣ о толкованіи св. Писанія). Для примѣра и, такъ сказать, провѣрки правилъ герменевтики толковалась какая-нибудь книга св. Писанія. Кромѣ толкованія св. Писанія Коммиссіей Духовныхъ Училищъ предписано было читать св. Писаніе предъ уроками. Но это предписаніе въ Воронежской семинаріи долгое время совсѣмъ не выполнялось ¹⁾. — Изъясненіе св. Писанія считалось второстепеннымъ предметомъ въ семинарскомъ курсѣ: на этотъ предметъ полагалось по одному уроку въ недѣлю—по субботамъ. Обыкновенно въ каждомъ отдѣленіи прочитывалась одна книга или даже нѣсколько главъ книги. Напр., въ первую половину 1838 г. въ богословскомъ отдѣленіи «были изъяснены замѣчательныя мѣста въ 3, 4 и 5 главахъ Ев. Матѳея, въ философскомъ 4 и 5 гл. Ев. Матѳея и 1 гл. 1 Посл. къ Коринф., съ общими замѣчаніями» ²⁾. Объясненіе св. Писанія чаще всего поручалось преподавателямъ главныхъ предметовъ, но не считалось ихъ непосредственною обязанностью: исполненіе этого дѣла заносилось въ формуляръ учителя, какъ дѣло экстраординарное.

Въ особую группу выдѣляется преподаваніе языковъ. Преподаваніе греческаго яз. состояло въ переводахъ изъ классическихъ авторовъ, по христоматіи Геснера, и

¹⁾ Арх. Кіевской академіи, 1833 г., № 80.

²⁾ Семинарскій архивъ, 326, № 89.

отцевъ церкви, по хрестоматіи Каченовскаго. Въ выборѣ сочиненій для перевода господствовалъ полный произволъ учителя. Даже учителя, временно преподававшіе греческій яз., за болѣзнью настоящаго учителя, переводили съ учениками, что хотѣли. Напр., учитель Троицкій, преподававшій за болѣзнью іером. Александра, вмѣсто символовъ, которые переводились раньше, сталъ переводить отрывки изъ сочиненія Оригена противъ Цельса.

Латинскій яз., какъ языкъ семинарскаго науки, предполагался достаточно усвоеннымъ семинаристами. По требованію устава, уже окончивающіе курсъ уѣздныхъ училищъ, должны были не только умѣло переводить съ латинскаго языка на русскій и обратно, но и легко понимать разговорную латинскую рѣчь и даже говорить по-латыни. Такое требованіе для того времени было вполне понятно, такъ какъ въ противномъ случаѣ переходившіе въ семинарію оказались бы неспособными понимать семинарскую науку, главные предметы которой были изложены на латинскомъ языкѣ. Въ своихъ отчетахъ ревизоры духовныхъ уѣздныхъ училищъ по большей части свидѣтельствуютъ о пониманіи учениками латинской рѣчи, но по большей же части признають, что говорить по-латыни ученики не имѣютъ навыка. Иногда, впрочемъ, семинарское начальство указывало и на незнаніе учениками училищъ правилъ грамматики. Что касается познаній въ латыни учениковъ семинаріи, то о нихъ говорить и обычай готовить уроки по главнымъ предметамъ по латинскимъ книгамъ и запискамъ, и составленіе сочиненій на латинскомъ языкѣ. Но на высотѣ знаніе этого языка поддерживалось только въ началѣ періода. Уже въ 1830 г. ревизоръ арх. Евлампій замѣчаетъ, что въ латинскихъ сочиненіяхъ «образъ изложенія со стороны языка весьма нечистъ и неисправенъ». Впрочемъ, онъ дѣлаетъ при этомъ существенную оговорку, что «при опросѣ нѣкоторыхъ учениковъ, часто призываемыхъ, о причинѣ множества не-

исправностей, допущенныхъ ими въ сочиненіяхъ, несомнѣнно открылось, что означенныя неисправности со стороны латинскаго языка произошли въ ученикахъ не столько отъ недостатка опытовъ въ сочиненіяхъ на латинскомъ языкѣ, сколько отъ недостатка должнаго пересмотра и критики сочиненій ихъ, отчего однѣ и тѣ же погрѣшности, будучи повторяемы, доселѣ были ими удержаны». Къ концу 30-хъ годовъ латинскій языкъ падаетъ еще ниже. В. Г. Чубинскій, окончившій курсъ въ 1839 г., говоритъ, что онъ и его товарищи не поняли и десятой части часовой лекціи по философіи на латинскомъ языкѣ, сказанной имъ проф. Курковскомъ. Самый пріемъ профессора говорить лекцію по-латыни онъ разсматриваетъ, какъ дѣло совершенно исключительное въ Воронежской семинаріи въ его время.

По латинскому языку переводили сочиненія классическихкихъ и преимущественно церковныхъ писателей, особенно Лактанція, латынь котораго въ Воронежской семинаріи носила характерное названіе «соломенной».

Довольно почтенное мѣсто въ семинарскомъ курсѣ долженъ былъ занимать еврейскій языкъ, какъ предметъ обязательный для всѣхъ семинаристовъ (по указу 1821 г.). Но въ дѣйствительности онъ проходилъ довольно слабо, быть можетъ, вслѣдствіе неудачнаго назначенія на этотъ предметъ учителей, въ родѣ іером. Поликарпа и Александра. Учебникомъ была грамматика Фроша.

Новые языки изучались по желанію. Повидимому, значеніе этихъ языковъ постепенно усиливалось, о чемъ лучше всего можетъ говорить сравнительная таблица числа учениковъ, изучавшихъ новые языки въ разные годы.

18²⁰/₂₁ 18²²/₂₃ 18²⁴/₂₅ 18²⁶/₂₇ 18²⁸/₂₉ 18³⁰/₃₁.

Фр. яз.	22	78	87	69	202	149
Нѣм. яз.	13	24	52	?	148	135.

Но въ общемъ этими языками занимались слабо ¹⁾. Нѣмецкій языкъ изучался по грамматикѣ Гельтергофа и хрестоматіи Аллера; французскій по грамматикѣ Перелогова; для переводовъ брали проповѣди французскихъ проповѣдниковъ.

По всѣмъ языкамъ, кромѣ еврейскаго, наряду съ учителями были, такъ называемые, лекторы изъ семинаристовъ. Архим. Іеремія, ревизовавшій семинарію въ 1832 г., призналъ этотъ порядокъ дѣла неудобнымъ: «1) ученикъ-лекторъ отвлекается отъ прямыхъ своихъ занятій; 2) ученики, имъ руководимые, могутъ не соблюдать тѣхъ отношеній, кои для благоуспѣшности необходимы между руководителями и руководимыми. Посему, заключалъ ревизоръ, по крайней мѣрѣ для греческаго языка, какъ болѣе другихъ важнаго и притомъ безъисключительно всѣми изучаемаго, полезно бы назначить втораго дѣйствительнаго наставника». Но лекторство сохранилось во всей силѣ до конца этого и перешло въ слѣдующій періодъ.

Таковъ былъ учебный курсъ до 1841 г. Существенныя черты его уже вполне опредѣлены и оцѣнены теперь историческою наукою. Самая главная черта—это теоретическое направленіе семинарской науки и стремленіе развить мыслительныя способности учащихся не посредствомъ множества разнообразныхъ знаній, а посредствомъ самостоятельной работы мысли надъ отвлеченными вопросами богословскаго и философскаго характера. *Non multa, sed multum*,—вотъ основной принципъ семинарской науки за это время.

II. Между тѣмъ съ половины 30-хъ годовъ начинается въ высшихъ сферахъ господство другого направленія, которое должно назвать практическимъ и даже узкопрактическимъ. Въ духовно-учебной сферѣ это направленіе получило полное господство при оберъ-прокурорѣ св. Синода гр.

¹⁾ Арх. Кіевск. акад., 1832 г., № 9.

Протасовъ. Первый указъ о преобразованіи семинарскаго курса, сообщившій общій тонъ послѣдовавшей затѣмъ духовно-учебной реформѣ, былъ изданъ еще въ 1838 году. Мы позволимъ себѣ привести этотъ указъ (съ сокращеніями), такъ какъ въ немъ дана оцѣнка предшествующему направлению семинарской науки и изложена программа послѣдовавшей затѣмъ духовно-учебной реформы.

«1) Главное назначеніе семинарій есть образовывать достойныхъ священнослужителей. Къ сей цѣли преимущественно должны быть направлены и съ нею соображены всѣ части преподаваемого въ семинаріи ученія. 2) Первый, особенно занимающій вступающаго въ семинарію ученика, предметъ есть словесность и краснорѣчіе. Наставникъ сей науки долженъ помнить, что прямая цѣль его стремленія есть образовывать человѣка, который бы могъ правильно, свободно, вразумительно и убѣдительно бесѣдовать съ народомъ о истинахъ вѣры и нравственности. Посему правила и образцы свѣтскаго краснорѣчія долженъ онъ показывать мимоходомъ, дабы разносторонними взглядами на предметъ ученія способствовать болѣе свободному раскрытію способностей учениковъ; напротивъ того, преимущественное и полное вниманіе обращать долженъ на правила и образцы словесности духовной и краснорѣчія церковнаго. Образцы изъ латинскихъ классическихъ писателей нужно представлять не рѣдко, для укорененія въ ученикахъ знанія сего языка: но при семъ или вовсе надлежитъ избѣгать такихъ мѣстъ, которыя проникнуты духомъ языческаго міра, или, если нужно привести одно изъ такихъ мѣстъ, немедленно преслѣдовать оное замѣчаніемъ о несовершенствѣ языч. понятій относительно вѣры, нравственности и общежитія. 3) Преподавать весьма кратко *правила стихотворства* не излишне въ семинаріи, для разносторонняго развитія словесной способности и для того, чтобы усиліе собирать и разнообразить слова, для установленія ихъ въ мѣрную рѣчь, обра-

зовало привычку оборотливѣе владѣть языкомъ. 4) Въ классѣ *языка греческаго* языческихъ писателей съ выборомъ употребить отчасти нужно, чтобы дать понятіе о разныхъ нарѣчіяхъ и видоизмѣненіяхъ языка: но преимущественно употреблять должно писателей церковныхъ. 5) Въ классахъ новыхъ языковъ отъ чтенія свѣтскихъ сочиненій должно удержаться, такъ-какъ и отъ сочиненій, написанныхъ въ духѣ иновѣрія; читать же проповѣдниковъ и сочиненія о религіи, нравственности и церковной исторіи, благонамѣренныя и безпристрастныя. 6) Ученіе *исторіи* въ семинаріяхъ надлежитъ охранить отъ нѣсколькихъ односторонностей, которыми оно подвержено въ настоящее время, какъ-то: а) отъ усиленнаго критицизма, который оружіемъ односторонней логики покушается разрушать историческіе памятники, и особенно древнюю исторію думаетъ начать неизвѣстностью и баснями, забывая, что достовѣрнѣйшія начала исторіи рода человѣческаго находятся въ св. Писаніи; б) отъ произвольнаго систематизма, который, усиливаясь дать исторіи единство, по произволу назначаетъ какой либо народъ представителемъ рода человѣческаго и какого-либо человѣка представителемъ своего времени, и воображаетъ народъ и его исторію невольнымъ развитіемъ какой-нибудь роковой для него идеи; в) отъ неосмотрительнаго политическаго направленія, порождающаго въ незрѣлыхъ умахъ наклонность мечтательно судить о томъ, что не должно подчиняться ихъ сужденіямъ. Излагая событія просто, кратко, вѣрно, преподаватель долженъ обращать особенное вниманіе въ исторіи на черты нравственныя, на слѣды провидѣнія Божія, на связь и послѣдовательность въ судьбахъ народовъ нравственнаго улучшенія и благоденствія. 7) Ввести въ среднемъ отдѣленіи преподаваніе *церковно-библейской исторіи*, отдѣливъ для сего въ недѣлю два часа отъ философіи и два часа отъ математики. 8) Ввести богословско-историческое *ученіе о св. отцахъ*. 9) Философія есть наука, ко-

торая нерѣдко прекословя себѣ и другимъ, сама виновна въ возстающихъ нерѣдко и противъ нея прекословіяхъ. Посему въ уставѣ духовныхъ академій и семинарій (§ 141) предписано: «да не будетъ никогда въ духовныхъ училищахъ слышимо то различіе, которое столь часто въ школахъ было допускаемо, что одно и то же предложеніе можетъ быть справедливо въ понятіяхъ філофскихъ и ложно въ понятіяхъ христіанскихъ. Все, что несогласно съ истиннымъ разумомъ св. Писанія, есть сущая ложь и заблужденіе, и безъ всякой пощады должно быть отвергаемо». Въ 1814 г. преподано отъ Коммисіи дух. училищъ наставникамъ философіи другое не менѣе нужное правило: истинной пользы философской исторіи (равно и философіи) искать въ познаніи, что усилія разума человѣческаго недостаточны къ удовлетворительному открытію истины, и что слѣдственно истиннаго и спасительнаго познанія должно искать выше разума человѣческаго—въ Откровеніи Божіемъ. Сихъ правилъ, какъ руководительной нити, непрерывно долженъ держаться преподаватель философіи. 10) *Логика* должна научить правильно, послѣдовательно и основательно мыслить, но она, сколько можно, менѣе должна быть отуманена отвлеченіями критицизма, которыхъ разбирательство для незрѣлыхъ умовъ представляетъ болѣе трудности, нежели пользы. 11) Въ *метафизикѣ* надлежитъ освѣтить возможнымъ свѣтомъ естественнаго познанія главные понятія о Богѣ, Его свойствахъ, провидѣніи и міроправленіи, о духовности и безсмертіи души человѣческой, и въ то же время показать недостаточность естественнаго познанія и потребность высшаго свѣта Откровенія. Такъ истинная, смиренная философія должна сдѣлаться служительницей истинной религіи. 12) Съ тою же скромностью должны быть преподаны начала и *нравственной философіи*. 13) Сочиненія учениковъ по классу философіи должны быть писаны чаще на латинскомъ языкѣ, нежели на русскомъ. Философія при-

выгла говорить латинскимъ языкомъ: и сочиненія на немъ пишемыя должны усиливать знаніе его въ семинаріи.

14) Классъ *чтенія св. Писанія* со вниманіемъ долженъ быть поддерживаемъ: а) чтобы каждый годъ прочитаны были одна или (смотря по пространству) нѣсколько книгъ Вѣтхаго Завета, одно изъ 4 евангелій и одно или нѣсколько посланій или кн. Діаній Апост.; б) чтобы толкованіе было краткое, простое и назидательное; в) чтобы при семъ напоминаемы были тѣ части катихизическаго ученія, къ которымъ тотъ или другой читаемый текстъ относится; г) чтобы нужнѣйшіе тексты догматич. и нравств. содержанія назначаемы были для изученія; наконецъ д) чтобы сіи уроки, такъ же какъ и по прочимъ предметамъ ученія, сопровождаемы были отчетомъ, какъ частно предъ преподавателемъ, такъ и предъ Семин. Правленіемъ на испытаніи.

15) Въ каждый воскресный день предъ литургіею въ церкви или въ залѣ собранія веѣмъ ученикамъ семинаріи предлагать простую *катихизическую* бесѣду, такъ, чтобы въ таковыхъ бесѣдахъ въ теченіе одного или двухъ лѣтъ обращался весь кругъ истинъ катихизическихъ.

16) Преподаваніе собственно богословскихъ наукъ должно быть тщательно сообразовано со степенью, которую занимаетъ семинарія въ системѣ духовныхъ училищъ, съ естественнымъ и духовнымъ возрастомъ учащихся и главнѣйшимъ назначеніемъ ихъ, т. е. съ приготовленіемъ св.-служителей къ церквамъ. Пространныя, болѣе философскія, нежели богословскія, изслѣдованія о религіи для семинариста и будущаго сельскаго священника болѣе обременительны, нежели полезны и даже даютъ возможность сомнѣній, которыхъ неиспорченный умъ и не подозрѣваетъ.

18) Преподаваніе всѣхъ частей богословія тщательно должно быть приспособляемо къ употребленію, по возможности, освобождая отъ сухихъ и невразумительныхъ формъ школы, и не преобладаемо стремленіемъ къ блестящей, но холодной учености. Надобно, чтобы

ученіемъ богословія проникнуто и согрѣто было сердце слушателя. 19) Въ руководство богословскаго ученія нужна книга такого достоинства, чтобы ею могли быть повѣряемы другія. Къ сему служить можетъ *Православное Исповѣданіе Каволч. и Апост. Церкви м. Петра Мошлы*. Въ началѣ курса должно прочесть ее непрерывно, съ краткимъ объясненіемъ и съ строгимъ отчетомъ, въ видѣ повторенія катихизич. ученія и приготовленія къ богословскому, а потомъ уже преподавать богословіе. 20) Поелику требованной конспектомъ 1814 г. классической книги *древностей церковныхъ* донинѣ еще не написано: то недостатокъ сей съ пользою пополнить можетъ чтеніе книги *Новая Скрижаль*. 21) Неопустительные и строгіе отчеты въ преподанномъ по всѣмъ частямъ ученія должны быть ручательствомъ въ укорененіи познаній. Посему всемѣрно наблюдать должно, чтобы установленныя испытанія не были поверхностны. Начальство обманывало бы само себя, еслибы удовлетворялось видя въ нихъ только приготовленное и выученное на сей случай. Надобно, чтобы испытаніе касалось всего преподаванаго въ продолженіе учебнаго года или курса, и чтобы краткое, но разсудительное и свободное разрѣшеніе вопроса предпочитаемо было пространному чтенію по памяти изъ преподаваемыхъ уроковъ. Должно искать въ испытаніи не того, чтобы оно было благовиднымъ зрѣлищемъ для присутствующихъ, но того, чтобы оно было справедливымъ и безпристрастнымъ судомъ для всѣхъ учениковъ»¹⁾.

Такимъ образомъ, приведенный указъ требовалъ обратить особенное вниманіе на слѣд. стороны семинарскаго образованія. 1) Оно должно отличаться спеціально церковнымъ характеромъ; даже науки свѣтскія должны въ своемъ основаніи имѣть церковную точку зрѣнія. 2) Особенное вниманіе должно быть обращено на науки практическаго, при-

¹⁾ Сем. архивъ, 325, № 70.

кладного характера. 3) Семинарское начальство должно заботиться о томъ, чтобы весь семин. курсъ былъ твердо усвоенъ учениками, для чего серьезное вниманіе должно быть обращено на экзамены.

Въ 1841 г. преобразование учебнаго курса состоялось. Кромѣ прежнихъ богословскихъ предметовъ теперь присоединено было преподаваніе Православнаго Исповѣданія Петра Могилы, патристики и литургики.

Въ общемъ семинарскій курсъ и послѣ этого остался прежній, но ему сообщено было иное, практическое направленіе. Теперь академическое правленіе особенно внимательно слѣдитъ за полнотою учительскихъ конспектовъ и за единообразіемъ въ преподаваніи. О такомъ единообразіи Воронежской семинаріи дѣлались внушенія въ 1852 и 1854 г.г. Въ частности обращено было вниманіе на преподаваніе св. Писанія, гомилетики и риторики. Оказалось, что въ Воронежской семинаріи въ 1854 г. были прочитаны по св. Писанію только Бытіе и Исходъ, тогда какъ въ другихъ семинаріяхъ въ то же время прочитаны сполна всѣ историческія книги св. Писанія Ветх. Завѣта. При этомъ конспекты Воронежской семинаріи оказались слишкомъ общими, а для объясненія назначались менѣе замѣчательныя мѣста, а болѣе замѣчательныя опускались ¹⁾. По гомилетикѣ замѣчена разность преподаванія въ разныхъ отдѣленіяхъ: у наставника одного отд. эта наука оказалась крайне бѣдною, только и помѣчены отдѣлы о текстѣ, о темѣ и о различныхъ предметахъ для проповѣди; между тѣмъ у другого наставника по тому же предмету наука изложена хорошо и полно. Академическое правленіе предлагало Воронежскому Семинарскому Правленію оставить для Воронежской семинаріи одинъ—лучшій конспектъ ²⁾. Подобное же дѣло возникло и относительно

¹⁾ Сем. арх., 531., № 76.—²⁾ Тамъ же, 497, отъ 23 Ноября 1854 г. Сравни. распоряженія о полнотѣ учебнаго курса по Обличит. Богосл. (531. 76), Догмат. Богосл. (535, 70) и по Церк. Исторіи (531, 76).

но преподаванія словесности. Прежній учебникъ Бургія теперь былъ признанъ неудобнымъ вслѣдствіе афористичности изложенія. Между тѣмъ учителемъ Данскимъ было составлено руководство «Правила словесности», которое, впрочемъ, мало отличалось отъ Бургія, только изложено было по-русски, что было важно, такъ какъ знаніе латинскаго языка въ это время уже упало. Несмотря на это, учебникъ Данскаго проходилъ только въ его отдѣленіи, въ остальныхъ оставался Бургій. Въ 1853 г. ректоръ семинаріи, ссылаясь на академич. предписаніе 1852 г. о единообразномъ преподаваніи однихъ и тѣхъ же предметовъ въ разныхъ отдѣленіяхъ, предложилъ ввести учебникъ Данскаго во всѣхъ отдѣленіяхъ. Но это предложеніе было выполнено только послѣ особаго академическаго предписанія отъ 19 Іюня 1854 г.

Знаніе языковъ за это время замѣтно падаетъ. На это обратило вниманіе Академическое Правленіе въ 1853 г. и потребовало, чтобы на языки было обращено болѣе серьезное вниманіе. Съ своей стороны Воронежское Семинарское Правленіе заявляло, что многіе ученики въ семинаріи забываютъ и грамматику, и слова греческія и латинскія. Поэтому рѣшено было повторять въ семинаріи грамматику, заучивать слова, обращать вниманіе на отчетливость переводовъ, конструкцію и идиотизмы древнихъ языковъ ¹⁾. Но упадокъ языковъ шелъ crescendo до конца періода.

Особенно упалъ еврейскій языкъ. Въ концѣ періода самъ учитель П. Вышневскій не зналъ, сколько у него учениковъ ²⁾.

Съ конца 40-хъ г.г. вводятся нѣкоторые новые предметы. Въ 1854 г. при семинаріи было открыто миссіонерское отдѣленіе. Этотъ необязательный предметъ изучался по желанію. Главнымъ образомъ сюда привлекались лучшіе семинаристы старшихъ классовъ изъ уроженцевъ Воронежской

¹⁾ Семин. арх., 531, № 73 — ²⁾ Тамъ же, 740, № 40.

епархіи. Количество изучавшихъ миссіонерскіе предметы достигало 30. На преподаваніе этихъ предметовъ отводился— въ 1-й годъ одинъ урокъ, во 2-й два. Въ два года сообщались общія свѣдѣнія о миссіонерствѣ, исторія русскаго раскола и сектъ, современная статистика раскола; свѣдѣнія о состояніи раскола въ Воронежской и Донской епархіяхъ и, наконецъ, изучалось обличеніе раскола ¹⁾).

Въ то же время обнаруживается забота о подготовкѣ семинаристовъ къ учительскому званію. Въ 50-хъ годахъ мѣстнымъ свѣтскимъ и духовнымъ вѣдомствомъ было признано, что семинаристы, поступающіе учителями въ народныя школы, оказываются неопытными, не могутъ примѣняться къ дѣтскимъ понятіямъ и возрасту. Воронежская духовная Консисторія въ 1856 г. постановила: «посылать семинаристовъ, желающихъ поступить въ учителя, въ средній и низшій классы духовнаго училища для слушанія уроковъ, а затѣмъ и для пробнаго урока въ низшіе классы». Пробный урокъ долженъ былъ происходить при классномъ учителѣ, смотрителѣ и инспекторѣ училища. Последніе давали отзывъ о семинаристѣ. Правленіе семинаріи согласилось съ этимъ постановленіемъ и сдѣлало соответствующее распоряженіе въ Воронежское духовное училище ²⁾). Но какъ потомъ приводилось въ исполненіе это распоряженіе, объ этомъ не сохранилось официальныхъ свѣдѣній.

Особенное вниманіе Духовно-учебнаго Управленія было обращено на преподаваніе прикладныхъ свѣтскихъ наукъ. Графъ Протасовъ, иниціаторъ учебной реформы сороковыхъ годовъ, хотѣлъ сдѣлать изъ семинаристовъ не только пастырей духовныхъ, но и руководителей народа въ житейскихъ дѣлахъ, хотѣлъ видѣть въ нихъ хорошихъ землемѣровъ, агрономовъ и врачей. Отсюда слѣдуетъ цѣлый рядъ предписаній о новой постановкѣ въ семинаріи геометріи, о

¹⁾ Тамъ же, 549, № 28, 40; 566, 13; 600, 15.—²⁾ Списки, стр. 458—460.

преподаваніи геодезіи и о введеніи въ семинарскій курсъ естественной исторіи, сельскаго хозяйства и медицины.

7-го Февраля 1850 г. Духовно-учебное Управление выразило сожалѣніе о томъ, что геометрія въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ не проходитъ практически. Между тѣмъ, поступая по окончаніи курса во священники, семинаристы съ практическимъ знаніемъ геометріи имѣють возможность лично удостовѣриться въ правильности земельного надѣла при церкви, можетъ снимать планы, раздѣлять земли на участки въ сельско-хозяйственномъ отношеніи и дѣлать предварительныя исчисленія для строительныхъ работъ по церкви, можетъ руководить крестьянъ при раздѣлѣ ими общественныхъ земель. Для тѣхъ же семинаристовъ, которые не поступаютъ въ священники, это знаніе будетъ средствомъ къ пропитанію. Послѣ этого предписанія въ Воронежской семинаріи вводится практическая постановка геометріи. Уже въ 1851 г. ученики занимались измѣреніемъ разстояній между предметами «приступными» и неприступными, построеніемъ угловъ, черченіемъ и т. п. Но за неимѣніемъ геодезическихъ инструментовъ ученики не могли снимать плановъ съ натуры ¹⁾. Въ 1852 г. инструменты были посланы, а для черченія и раскрашиванія плановъ предписано было употреблять изъ семинарскихъ суммъ по 3 р. 50 к. въ годъ на каждаго 10 учениковъ ²⁾. Въ 1851 г. было предписано, чтобы ученики снимали планы съ семинарскихъ и училищныхъ зданій; лучшіе изъ нихъ высылались въ Духовно-учебное Управление ³⁾. Въ 1852 г. Семинарское Правленіе доносило Дух. уч. Управленію, что со времени полученія инструментовъ, какъ учащіе, такъ и учащіеся съ особенною охотою и усердіемъ начали заниматься съемкою плановъ и, судя по этому доброму началу, Правленіе семинаріи надѣется къ концу текущаго учебнаго года видѣть большіе успѣхи

¹⁾ Сем арх., 492, № 84.—²⁾ Тамъ-же, 491, № 9.—³⁾ Тамъ-же, 473, № 60.

учениковъ въ землемѣрїи и въ практической геометріи и представить въ Дух.-уч. Управление образцы плановъ въ 3-хъ экземплярахъ изъ каждаго отдѣленія. Кромѣ съемки плановъ зданій, занятія по геодезіи заключались еще въ съемкѣ плановъ съ полей. Съ этой цѣлью семинаристы по временамъ отпускались вмѣстѣ съ учителемъ для загородныхъ экскурсій, напр., за слободу Придачу или за Чижевку, и тамъ производили измѣренія и составляли планы полей, лѣсовъ и неудобной земли. Обыкновенно эти экскурсіи бывали осенью и весною, начинались съ 11 ч. утра и оканчивались въ 7 ч. вечера. Ученики въ эти дни освобождались отъ уроковъ. Такимъ образомъ, напр., въ 1853 г. было снято на планы $1428\frac{3}{4}$ дес.; кромѣ того снята Троицкая дача арх. дома ¹⁾. Судя по ежегоднымъ отчетамъ Семинарскаго Правленія, преподаваніе геодезіи было поставлено очень хорошо. Но вѣрить этимъ отчетамъ въ данномъ случаѣ нужно съ большою осторожностью: Семинарское Правленіе знало, какъ интересуется Дух.-уч. Управление преподаваніемъ геодезіи и потому старалось выставить это дѣло въ наиболѣе благопріятномъ свѣтѣ. Въ дѣйствительности этого не могло быть уже потому, что учителя сами не изучали геометрію практически и потому неохотно принимались за ея практическое преподаваніе. Нѣкоторые на этомъ основаніи даже рѣшительно отказывались отъ этого, новаго для нихъ, дѣла. Въ 1854 г. отказался проф. П. Вышневскій, въ 1856 г. — учитель Донченковъ. Поэтому преподаваніе геодезіи поручалось иногда учителю сельскаго хозяйства ²⁾.

Еще большую заботливость выразило Дух.-уч. Управление при введеніи въ семинарскій курсъ сельскаго хозяйства. Въ 1849 г. была издана программа преподаванія сельскаго хозяйства въ семинаріяхъ ³⁾ и «Наставленіе для преподава-

¹⁾ Сем. арх., 510, № 10. — ²⁾ Тамъ-же, 531, № 69; 566, № 12. — ³⁾ «Проектъ правилъ о развитіи и поощреніи улучшенія сельскаго хозяйства между духовенствомъ въ казенныхъ селеніяхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Мин. Госуд. Имуществъ».

нія сельскаго хозяйства въ семинаріяхъ». Какъ на особенность этого наставленія, нужно указать на требованіе практическаго характера въ преподаваніи этого предмета, на ознакомленіе учениковъ съ мѣстностью, ея климатическими условіями и почвою. Преподавателю предписывалось не увлекаться произвольными теоріями агрономіи. Того же требовало въ своемъ представленіи св. Синоду и Министерство Госуд. Имуществъ. Воронежское Семинарское Правленіе отвѣчало на это особыми соображеніями, которыя были представлены въ Св. Синодъ, а учитель сельскаго хозяйства представилъ планъ практическихъ занятій по этому предмету. Выполнять всѣ эти проекты и соображенія на первыхъ порахъ пришлось въ семинарскомъ саду, хотя эти занятія, по причинѣ иного назначенія сада, были очень ограничены. Кромѣ этихъ занятій, предпринимались загородныя прогулки съ наставникомъ сельскаго хозяйства, причемъ ученики освобождались отъ уроковъ. «Чѣмъ чаще такого рода прогулки, тѣмъ лучше», писалъ учитель Молчановъ. Но эти слова въ представленіи Д.-уч. Управленію зачеркнуты. «Во время прогулокъ каждый ученикъ долженъ записывать все, что замѣтитъ и узнаетъ. Такимъ образомъ составитъ хозяйственный очеркъ окрестностей Воронежа». Наконецъ, Молчановъ просилъ Сем. Правленіе исходатайствовать позволеніе посѣщать казенный садъ и питомникъ (ботаническій садъ), такъ какъ по близости нѣтъ другихъ замѣчательныхъ хозяйствъ. Всѣ эти соображенія были признаны законными, но преподаваніе сельскаго хозяйства не было образцовымъ, хотя семинарское начальство всячески старалось въ своихъ отчетахъ отмѣтить успѣхи учениковъ по этому предмету. Отчасти недостатки преподаванія зависѣли отъ частой смѣны учителей по этому предмету: въ продолженіе 10 лѣтъ (1849—1859) смѣнилось пять учителей. Отчасти это зависѣло отъ теоретическаго направленія въ преподаваніи, а главнымъ образомъ отъ неподготовленности,

отъ явнаго иногда равнодушія къ этому предмету со стороны семинарскаго начальства. За всѣ годы тянется длинный рядъ отмѣтокъ въ отчетахъ, что гербарій при семинаріи еще не составленъ, но составляется и для него приобрѣтено столько-то новыхъ растеній, — что образцы мѣстныхъ почвъ еще не собраны, но собираются ¹⁾. Въ свое оправданіе семинарское начальство на первыхъ порахъ ссылалось на неименіе земельного участка для практическихъ занятій, но эта ссылка была только благовиднымъ оправданіемъ. Въ 1851 г., по предложенію преосв. Пароенія, крестьяне Ямской слободы временно пожертвовали изъ своихъ участковъ близъ города двѣ десятины пахотной земли для практическихъ занятій воспитанниковъ семинаріи по сельскому хозяйству. Но уже на первыхъ порахъ этому пожертвованію дано было довольно странное назначеніе. Въмѣсто того, чтобы разбить этотъ участокъ на нѣсколько небольшихъ образцовыхъ полей и засѣять на нихъ всѣ извѣстные въ Воронежской губерніи хлѣба и овощи, семинарское начальство распорядилось засѣять одну десят. картофелемъ, $\frac{1}{2}$ десят. овсомъ и $\frac{1}{2}$ д. яровой пшеницей. Въ своемъ отчетѣ объ употребленіи этой земли сем. начальство ничего не говоритъ о практическихъ занятіяхъ на ней семинаристовъ, а только доносить, что первый посѣвъ неудаченъ, такъ какъ земля отведена довольно поздно, и что сборъ урожая пошелъ на семинарскую экономію. Практическія занятія по сельскому хозяйству, по тому же отчету, происходили по прежнему въ семинарскомъ саду. Въ послѣдствіи сем. начальство даже стало сдавать пожертвованную землю въ аренду, употребляя арендную плату на семинарскую экономію, а въ отчетахъ замѣчало, что практическихъ занятій на огородѣ за городомъ не было по неудобности земли. Иногда этотъ участокъ представлялъ невоздѣланный пустырь, куда вывозили на-

¹⁾ Уже въ 1857 г. оконч. курсъ семинаріи Козьма Самецкій пожертвовалъ въ сем. бібліотеку свой гербарій. (Сем. архивъ, 583, № 64).

возъ изъ города. Въ 1857 г. крестьяне Ямской слободы жаловались Воронежскому Окружн. Управленію Государств. Имуществъ, что 2 десятины земли, отданныя временно семинаріи для практич. занятій по сельскому хозяйству, сдаются семинаріей въ аренду, а между тѣмъ крестьяне платятъ за эту землю подати. Въ отвѣтъ на запросъ объ этомъ Окружного Управленія, Семин. Правленіе, признавши пожертвованный участокъ неудобнымъ, согласилось отдать его обратно крестьянамъ.—Въ семинарскомъ саду для практическихъ занятій была расчищена площадка въ 45 саж. длины и 32 ширины. Здѣсь разводились различныя растенія и деревья, но при этомъ старались разводить не растенія Воронежскаго края, а различныя заморскія диковинки, въ родѣ египетской пшеницы, китайскаго проса, іерусалимской сосны и даже шелковичнаго червя. За всѣ подобныя растенія Воронежскіе семинаристы, вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ Липскимъ, получили даже серебряную медаль на Воронежской сельско-хозяйственной выставкѣ 1858 г. ¹⁾

21 Декабря 1858 г. Государь Императоръ повелѣтъ соизвоилъ—отмѣнить въ семинаріяхъ преподаваніе геодезіи, а преподаваніе естественныхъ наукъ ограничить одними общими свѣдѣніями ²⁾. Такимъ образомъ закончили свое недолгое существованіе эти практическія науки.

Третьею практическою наукою свѣтскаго характера была медицина. Здѣсь преподавались теоретически фізіологія и анатомія, а затѣмъ ученики знакомились съ самыми приѣмами лѣченія. Практическое знакомство съ разными болѣзнями пріобрѣталось семинаристами въ семинарской больницѣ. Повидимому, иногда ученики допускались съ этою цѣлію и въ городскую больницу. Главное затрудненіе при прохожденіи этой науки состояло въ недостаткѣ подходящаго учебнаго руководства. Въ 1850 г. духовное вѣдомство по

¹⁾ Сем. архивъ, 600, № 70.—²⁾ Тамъ же, 625, указъ 6 Марта 1859 г.

этому поводу дѣлало запросъ въ медицинскій департаментъ; послѣдній отвѣтилъ, что въ русской литературѣ подходящаго для семинарій руководства нѣтъ. Тогда оберъ-прокуроръ св. Синода потребовалъ, чтобы академическія правленія представили по 2—3 экземпляра программъ по этому предмету, составленныхъ опытными преподавателями. Кіевское акад. правленіе указало только программы Кіевского и Воронежскаго преподавателей. Вотъ нѣкоторые пункты программы Воронежскаго преподавателя (Малинина). Предметъ преподается по руководству Жемчужнина, нов. изд. для образованныхъ людей и для духовныхъ семинарій 1846 г., съ картинами всѣхъ человѣческихъ органовъ. Здѣсь же изложены и правила діететики. Внутреннія болѣзни изучаются по Гуфланду, гдѣ рекомендуется лѣченіе простыми средствами, особенно русскими, для чего въ больницѣ есть гербарій; приемы лѣкарствъ переводятся на русскій вѣсъ и мѣру.

Въ заключеніе приводимъ таблицы росписаній уроковъ за разное время.

Таблица, показывающая дни и часы учебные. 25 Августа 1785 года.

К л а с с ы.	Понедѣльн.		Вторникъ.		Среда.		Четвергъ.		Пятница.		Суббота.	
	Утро.	Послѣ обѣда.	Утро.	Послѣ обѣда.	Утро.	Послѣ обѣда.	Утро.	Послѣ обѣда.	Утро.	Послѣ обѣда.	Утро.	Послѣ обѣда.
Богословіе догматич. . .	9 10 11	— — —	9 10 11	— — —	9 10 11	— — —	9 10 11	— — —	9 10 11	— — —	9 10 11	— — —
Богословіе моральное . .	— — —	3 4 5	— — —	3 4 5	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —
Свящ. Писаніе	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	— — —	3 4 5	— — —	— — —

К л а с с ы.	Поне- дѣльн.		Втор- никъ.		Среда.		Чет- вергъ.		Пятни- ца.		Суббо- та.	
	Утро.	Послѣ обѣда.	Утро.	Послѣ обѣда.	Утро.	Послѣ обѣда.	Утро.	Послѣ обѣда.	Утро.	Послѣ обѣда.	Утро.	Послѣ обѣда.
Философія	9 10 11	— — —	9 10 11	— — —	9 10 11	— — —	9 10 11	— — —	9 10 11	— — —	9 10 11	— — —
Читатъ диссертациі луч- шихъ авторовъ и слушать ученическія.	—	3 4 5	—	— — —	—	3 4 5	—	— — —	—	3 4 5	—	— — —
Риторика	9 10 11	3 4 5	9 10 11	— — —	9 10 11	3 4 5	9 10 11	— — —	9 10 11	3 4 5	9 10 11	— — —
Поэзія	9 10 11	3 4 5	9 10 11	— — —	9 10 11	3 4 5	9 10 11	— — —	9 10 11	— — —	9 10 11	— — —
Правописаніе россійское и латинское.	—	— — —	—	— — —	—	— — —	—	— — —	—	3 4 5	—	— — —
Греческій языкъ.	9 10 11	— — —	9 10 11	— — —	9 10 11	— — —	9 10 11	— — —	9 10 11	— — —	9 10 11	— — —
Исторія и географія. . .	—	3 4 5	—	— — —	—	3 4 5	—	— — —	—	3 4 5	—	— — —
Синтаксисъ	9 10 11	3 4 5	9 10 11	— — —	9 10 11	3 4 5	9 10 11	— — —	9 10 11	3 4 5	9 10 11	— — —
Грамматика.	9 10 11	3 4 5	9 10 11	— — —	9 10 11	3 4 5	9 10 11	— — —	9 10 11	3 4 5	— — —	— — —
Катихизисъ	—	— — —	—	— — —	—	— — —	—	— — —	—	— — —	9 10 11	— — —
Аналогія ¹⁾	9 10 11	3 4 5	9 10 11	— — —	9 10 11	3 4 5	9 10 11	— — —	9 10 11	3 4 5	9 10 11	— — —
Нѣмецкій языкъ.	6 7	— —	6 7	— —	6 7	— —	6 7	— —	6 7	— —	6 7	— —

¹⁾ «Давать и катихизисъ».

К л а с с ы.	Поне- дѣльн.		Втор- никъ.		Среда.		Чет- вергъ.		Пятни- ца.		Суббо- та.	
	Утро.	Послѣ обѣда.	Утро.	Послѣ обѣда.	Утро.	Послѣ обѣда.	Утро.	Послѣ обѣда.	Утро.	Послѣ обѣда.	Утро.	Послѣ обѣда.
Ариѳметика ¹⁾	—	—	—	4	—	—	—	4	—	—	—	—
	—	—	—	5	—	—	—	5	—	—	—	—
Музыка вокальная.	—	—	—	2	—	—	—	2	—	—	—	2
	—	—	—	3	—	—	—	3	—	—	—	3
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Рисованіе.	—	—	—	4	—	—	—	4	—	—	—	—
	—	—	—	5	—	—	—	5	—	—	—	—

Примѣрное росписаніе учебныхъ часовъ для семинаріи въ 1817 году.

Высшее отд.	Среднее отд.	Нижнее отд.	Поне- дѣльн.	Втор- никъ.	Среда.	Чет- вергъ.	Пятни- ца.	Суббо- та.
			Утро.	Послѣ обѣда.	Утро.	Послѣ обѣда.	Утро.	Послѣ обѣда.
Богословіе	Философія.	Словесность.	9	9	9	9	9	9
			10	10	10	10	10	10
Церковн. исторія	Матем. и физика.	Всеобщая исторія.	11	—	11	—	11	—
			12	—	12	—	12	—
Греческ. языкъ ²⁾	Греческій языкъ.	Греческій языкъ.	—	—	—	—	—	—
Повтореніе.	Богословіе.	Философія.	3	—	—	—	—	—
			4	—	—	—	—	—
	Церк исторія.	Матем. и физика.	—	—	—	—	—	3
			—	—	—	—	—	4
Еврейскій языкъ.	Еврейск. языкъ.	— —	—	3	3	—	8	—
			—	4	4	—	4	—
Нѣмецкій языкъ.	Нѣмецкій языкъ.	Нѣмецкій языкъ.	—	3	3	—	3	—
			—	4	4	—	4	—
Французск. языкъ.	Французск. языкъ.	Французск. языкъ.	—	3	3	—	3	—
			—	4	4	—	4	—

¹⁾ «Обучать учениковъ синтаксису» — ²⁾ Часы занятій по греч. языку въ сохранившемся росписаніи не обозначены.

Намъ не удалось отыскать росписанія уроковъ за 1841 г., когда была произведена Протасовская реформа. Поэтому мы можемъ привести за 40—50 г.г. только списокъ наукъ, преподававшихся въ каждомъ отдѣленіи.

Высшее отдѣленіе.	Среднее отдѣленіе.	Низшее отдѣленіе.
Богословіе догматич. Богословіе обличит. Гомилетика. Св. Писаніе. Ученіе о богослуж. и ц. древностяхъ Церковная Исторія. Медицина. Латинскій языкъ. Греческій языкъ. Сельское хозяйство. Еврейскій языкъ	Св. Писаніе. Ц.-Библ. Исторія. Психологія. Логика. Русская гражд. Истор. Естеств. Исторія. Физика. Патрологія. Греческій языкъ. Французскій языкъ. Нѣмецкій языкъ.	Св. Писаніе. Правосл. исповѣданіе Русская словесность. Всеобщ. гражд. Исторія Алгебра. Геометрія. Греческій языкъ. Латинскій языкъ.

Росписаніе учебныхъ часовъ на 1868 годъ ¹⁾.

	Понедѣльн.	Вторникъ.	Среда.	Четвергъ.	Пятница.	Суббота.	Число уро- ковъ.
Высшее отдѣленіе.							
Догматич. Богословіе	—	2	—	—	2	—	2
Свящ. Писаніе	1	—	1	—	1	—	3
Обличит. Богословіе	3	—	—	—	3	—	2
Всеобщ. церк. Исторія и Литургика .	—	1	—	—	—	1	2
Русская церк. Ист. и Канонич. право.	2	—	—	2	—	—	2
Гомилетика.	—	—	2	1	—	—	2
Греческій языкъ	—	3	3	—	—	—	2
Педагогика.	—	—	—	—	—	2	1
Еврейскій языкъ	—	—	—	3	—	—	1
Среднее отдѣленіе							
Свящ. Писаніе	—	1	—	1	—	1	3
Греческій языкъ	—	—	1	—	3	—	2
Латинскій языкъ.	—	—	3	2	2	—	3
Библейская Исторія.	1	—	—	—	—	2	2
Логика.	2	—	2	—	1	—	3
Русская гражд. Исторія.	—	3	—	—	—	—	1
Педагогика.	3	2	—	—	—	—	2
Нѣмецкій языкъ	—	—	—	3	—	3	2

¹⁾ Здѣсь нужно имѣть въ виду, что курсы были двухгодичные, слѣд. въ таблицѣ отмѣченъ не полный, а только половинный курсъ.

	Понедѣльн.	Вторникъ.	Среда.	Четвергъ.	Пятница.	Суббота.	Число уроковъ.
Нижнее отдѣленіе.							
Словесность	1	—	—	1	2	1	4
Латинскій языкъ	—	—	3	—	3	—	2
Всѣобщая Исторія	2	2	2	2	—	—	4
Св. Писаніе	—	—	—	—	—	2	1
Греческій языкъ	3	3	—	—	1	—	3
Нѣмец. и франц. языкъ	—	—	—	3	—	3	2

Письменные работы.

При составленіи сочиненій главное вниманіе обращалось на толковое изложеніе отдѣльных параграфовъ изъ того или другого учебнаго курса. Въ выборѣ темъ преобладаетъ религіозный характеръ; даже для сочиненій по риторикѣ и философіи давались темы религіозно-нравственнаго содержанія. Напр., «Сколь вредны и пагубны страсти»? «Отчего порочные употребляютъ въ зло пріобрѣтенныя ими хорошія познанія»? «Философъ долженъ быть набоженъ». «Правда возвышаетъ языкъ». «Разговоръ двухъ друзей А. и Б. о томъ, есть ли въ человѣкѣ такъ называемыя благородныя страсти». «Помни послѣднія твоя и во вѣки не согрѣшиши». «Христіанинъ не долженъ прилѣпляться ни къ чему земному». «*Propria laus sordet*». «*Amor veritatis ab amore virtutis non potest separari in studio philosophiae*». — Вторую выдающуюся чертою семинарскихъ работъ служить ихъ отвлеченный характеръ. Эта отвлеченность видна и въ темахъ, и въ ихъ раскрытіи. Вотъ нѣсколько такихъ темъ. «*Usus practicus doctrinae de attributis Deu*». «Вечернія чувствованія». «Взоръ на человѣка». «Могутъ ли идеи превращаться въ понятія и наоборотъ понятія въ идеи». «Письмо къ другу N. о томъ, можемъ ли мы что-нибудь представлять внѣ формъ пространства и времени». «Счастье ли есть

дѣйствующая причина добродѣтели или добродѣтель счастья»? «Сознаніе ли служить основаніемъ ощущенію или ощущеніе сознанію»? Послѣ подобныхъ темъ замѣтка Никитина о характерѣ семинарскихъ сочиненій можетъ считаться правдоподобною. Самыя темы, приведенныя имъ въ дневникѣ семинариста, являются почти точнымъ повтореніемъ нѣкоторыхъ изъ вышеуказанныхъ темъ: «Можно ли что нибудь представить внѣ формъ пространства и времени, какъ напримѣръ, — ничто или вездѣсущество»? ¹⁾. Сами семинаристы чувствовали трудность и отвлеченность такихъ темъ и иногда не безъ причины обвиняли за нихъ учителей. «Однажды проф. Курковскій задалъ намъ такую тему: «*Quibus legibus dirigitur anima in statu somni*»? Мудреный вопросъ! Только въ послѣднее время пришлось мнѣ прочитатъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ ученую статью, въ которой излагалась попытка рѣшить этотъ вопросъ научнымъ образомъ. Что же могли мы, ученики семинаріи, лишенные и опыта, и знаній, написать что-нибудь дѣльное по такому вопросу»? ²⁾. — Понятно, что при такихъ отвлеченныхъ темахъ семинаристы, не имѣя знаній для ихъ яснаго раскрытія, часто старались затушевать свое незнаніе болѣе или менѣе красивою или даже туманною фразою. Достаточно привести нѣсколько примѣровъ въ этомъ родѣ. Въ сочиненіи «Почему необходимо пользоваться мыслями другихъ»? одинъ изъ лучшихъ учениковъ пишетъ: «Человѣкъ отъ самаго исшествія изъ нѣдръ ничтожества до вступленія во врата вѣчности необходимо долженъ пользоваться мыслями другихъ. Иначе онъ попадаетъ въ излучистый лабиринтъ. И всѣ люди, не пользующіеся мыслями другихъ, очень скоро стали бы приближаться къ первобытному состоянію, то-есть опять дѣлаться

¹⁾ Сочиненія Никитина, стр. 289. На темы: «Знаніе и вѣдѣніе суть ли тождественны»? или «Въ чемъ состоитъ простота души»? можно смотрѣть какъ на каррикатурное представленіе семинарскихъ сочиненій.

²⁾ Изъ воспоминаній В. Г. Чубинскаго.

младенцами, которыхъ должно пеленать здоровыми умами». Въ сочиненіи «Сколь вредны и пагубны страсти»? читаемъ: «Они разстраиваютъ систему нѣжныхъ и хитросплетенныхъ органовъ нашихъ, раздражаютъ чувствительность нервовъ, машину тѣла нашего связующихъ. Море, волнами съ пескомъ кипящее, едва ли въ большей бываетъ колеблемости, нежели какую ощущаетъ въ себѣ человѣкъ, обуреваемый страстями». О человѣкѣ, свободномъ отъ страстей, тотъ же авторъ пишетъ: «Рѣка времени, текущая въ сей смертной жизни и носившая ее между многими опасными камнями соблазновъ и искушеній, привлечетъ ее наконецъ въ океанъ безконечныхъ наслажденій». — Другимъ крупнымъ недостаткомъ въ изложеніи служить нерусская конструкція рѣчи. Особенно часто замѣчается въ сочиненіяхъ вліяніе латинскаго строя рѣчи. — Но, отмѣчая эти недостатки въ сочиненіяхъ, нельзя въ то же время не указать на развитіе у учениковъ особой сноровки писать на самыя разнообразныя темы. Эту черту отмѣчаетъ Никитинъ, но нѣсколько въ каррикатурномъ видѣ. Онъ изображаетъ подгулявшихъ семинаристовъ; одинъ изъ нихъ спрашиваетъ своего хмѣльнаго товарища: «А если дадутъ тебѣ тему: «пьянство пагубно»? — Напишу такъ, что иная благочестивая душа прольетъ слезы умиленія. Приступъ: взглядъ на пороки вообще, на пьянство въ частности. Дѣленіе: 1) пьянство низводитъ человѣка на степень безсловесныхъ животныхъ, 2) пьяница есть мучитель и стыдъ своей семьи, 3) вредный членъ общества, и наконецъ 4) пьяница есть самоубійца... Что, братъ, ты думаешь мы сробѣемъ? — Молодецъ! А что ты напишешь на тему, которая дана намъ теперь: «Можно ли что-нибудь представить въ формѣ пространства и времени, какъ напр., — ничто или вездѣсущество»? Ну-ка скажи. — Вдругъ не напишу а подумавши можно. Я, братъ, что хочешь напишу, ей Богу напишу! Вотъ ты и знай» ¹⁾).

¹⁾ Соч. Никитина, стр 289—290.

Сноровка писать объяснялась въ значительной мѣрѣ тогдашнимъ порядкомъ приготовленія уроковъ: по многимъ предметамъ, какъ уже сказано выше, ученики должны были записывать и потомъ отдѣлывать учительскія лекціи, касавшіяся иногда предметовъ отвлеченныхъ и очень трудныхъ для пониманія.

Библіотека. Умственные интересы семинаристовъ.

Въ преобразованную семинарію поступила не вся бібліотека старой семинаріи: часть книгъ была оставлена, для Воронежскихъ духовныхъ училищъ, часть была затеряна при перемѣщеніи бібліотеки въ новое семинарское зданіе ¹⁾. Нѣкоторымъ возмѣщеніемъ этихъ утратъ было пожертвованіе бібліотеки преосв. Епифанія въ 1826 г. ²⁾. Въ 1854 г. въ семинарскую бібліотеку поступила часть бібліотеки пр. Парѣнія ³⁾.

Вся бібліотека раздѣлялась на три отдѣла. То, что въ настоящее время называется фундаментальной бібліотекой, тогда носило названіе капитальной. Второй отдѣлъ составляла бібліотека чтенія, — то, что нынѣ называется ученической бібліотекой. Она была основана въ 1816 г. Въ 1819 г. въ ней было 128 названій ⁴⁾. О послѣдующей судьбѣ этой бібліотеки неизвѣстно. Третій отдѣлъ составляла «продажная бібліотека». Книгъ здѣсь было безъ нужды много, такъ что ревизоръ арх. Іеремія предложилъ болѣе цѣнныя передать въ капитальную бібліотеку, а другія распродать или раздать послѣ годовичныхъ испытаній въ награду лучшимъ ученикамъ. А на будущее время и ревизоръ, и академія требовали, чтобы покупка книгъ для продажной бібліотеки производилась съ большею разборчивостью и не въ такомъ количествѣ, которое превышаетъ нужды духовныхъ училищъ.

¹⁾ Сем. арх., 142, № 54. — ²⁾ 213 названій на рус. яз., 29 на нѣм., 25 на франц., 10 на греч., 32 на лат., 1 турец. грам. и 1 иш. азбука — ³⁾ Сем. арх., 532, № 67. — ⁴⁾ Тамъ же, 106, № 79.

Въ общемъ библіотека Воронежской семинаріи признавалась «одною изъ отличныхъ по своей опрятности, расположенію и богатству книгами» ¹⁾).

Но, признавая богатство библіотеки, нельзя не отмѣтить въ ея состояніи одного существеннаго недостатка. «Развитіе ея остановилось еще въ началѣ нынѣшняго вѣка. Литературою до этой эпохи, особенно богословскою, библіотека семинарская очень не скудна; съ началомъ же нынѣшняго вѣка она наполнялась преимущественно только духовными журналами; что же касается до прочихъ отраслей наукъ, то кромѣ книгъ по сельскому хозяйству очень мало можно встрѣтить въ ней порядочныхъ сочиненій» ²⁾). Это объясняется тѣмъ, что послѣ реформы 1817 г. на библіотеку было ассигновано по 214 руб. 20 коп., больше чего семинарія не имѣла права тратить на этотъ предметъ. Между тѣмъ до реформы семинарское начальство по временамъ дѣлало очень крупныя единовременныя затраты на библіотеку. Въ 1873 г. въ библіотекѣ было 5,832 названія, въ 10,162 томахъ и 6,283 номерахъ.

До 1826 г. книги изъ капитальной библіотеки совсѣмъ не выдавались ученикамъ въ комнаты, только нѣкоторымъ ученикамъ позволялось пользоваться книгами въ самой библіотекѣ. На это, какъ на ненормальное явленіе, обратилъ вниманіе ревизоръ прот. І. М. Скворцовъ ³⁾. Тѣмъ не менѣе это явленіе продолжается и послѣ того, на что указывали ревизоры архим. Іеремія въ 1832 г. ⁴⁾ и Леонтій въ 1854 г. ⁵⁾. Ревизоры семинаріи этимъ даже объясняли недостатокъ развитія семинаристовъ, почему предлагали усилить чтеніе книгъ изъ фундаментальной библіотеки. Мало-доступность библіотеки для учениковъ объяснялась частью

¹⁾ Арх. Кіев. акад., 1832, № 9: отчетъ ревизора Іереміи, сравни отчеты Скворцова и Леонтія.—²⁾ Ворон. Губ. Вѣд., 1862, № 8, стр. 74 —

³⁾ Арх. Кіевск., Акад. 1828, № 69.—⁴⁾ Тамъ же, 1832, № 9.—⁵⁾ Тамъ же, 1851, № 5.

боязнью начальства за цѣлость книгъ ¹⁾, частью небрежностью библіотекарей, частью цензурными условіями. Еще въ 1818 г. вышло распоряженіе Петербургскаго Академическаго Правленія объ осторожной выдачѣ книгъ изъ библіотеки, такъ какъ во многихъ сочиненіяхъ «есть мысли не нравственныя и не полезныя духовному юношеству» ²⁾.

Что касается тѣхъ книгъ, которыми семинаристы пользовались въ самомъ библіотечномъ помѣщеніи, то въ этомъ отношеніи замѣчается приспособленіе къ учебному курсу: ученикамъ высшаго отдѣленія выдавались преимущественно богословскія книги; средняго отдѣленія — книги философскаго содержанія, низшаго отдѣленія — сочиненія свѣтскихъ писателей, поэтовъ и прозаиковъ. Впрочемъ, послѣднія выдавались и философамъ, и богословамъ. Для характеристики семинарскаго чтенія перечислимъ имена авторовъ, попадающіеся въ библіотечныхъ записяхъ семинаристовъ: А. Златоустъ, Массильонъ, Іерузалемъ, Буддей; Вольфъ (*Philosophia practica*), Декартъ (*Meditationes de prima Philosophiae*), Руссо (Исповѣдь, Духъ Руссо), Боэцій, Цицеронъ, Эпиктетъ, Бондильякъ, Кантъ, Геллертъ, Шлегель, Лейбницъ; Дмитріевъ, Карамзинъ, Жуковскій, Ломоносовъ, Сумароковъ, Костровъ, Херасковъ ³⁾. Къ сожалѣнію, въ семинарскомъ архивѣ сохранились записи за очень немногіе годы, поэтому нельзя дѣлать обобщеній о характерѣ семинарскаго чтенія.

Въ 1854 г. Кіевское Академическое Правленіе предписало, чтобы наставники требовали отъ учениковъ отчета въ чтеніи книгъ. А Св. Синодъ распорядился, чтобы ученикамъ выдавали книги изъ библіотеки два или три раза въ недѣлю, но такъ чтобы каждый ученикъ получалъ въ недѣлю не больше одной книги. Но и послѣ этого семинаристы очень мало получали книгъ изъ семинарскаго библіотеки.

¹⁾ Этотъ мотивъ ясно высказанъ еще до реформы. См. ч. I, стр.—

²⁾ Сем. архивъ, 96, № 22.—³⁾ Тамъ же, № 256.

Невозможность пользоваться, какъ слѣдуетъ, семинарской библіотекой заставляла очень многихъ семинаристовъ брать книги на сторонѣ у знакомыхъ и въ частныхъ библіотекахъ. Конечно, ученики съ средними способностями и съ обыденными интересами читали мало, но выдающіеся изъ нихъ находили возможность разыскать книгу для чтенія, только въ выборѣ ихъ большинство не руководилось, конечно, какими нибудь опредѣленными взглядами, а довольствовалось часто первою попавшею, особенно завлекательною книгою. Если нѣкоторые семинаристы зачитывались Пушкинымъ и Бѣлинскимъ, то другіе съ неменьшимъ интересомъ проводили время за Поль-де-Кокомъ ¹⁾ и т. п. авторами. Въ лучшія условія было поставлено свободное семинарское чтеніе, когда въ Воронежѣ былъ открытъ книжный магазинъ и библіотека для чтенія И. С. Никитинымъ. «Онъ съ семинаристами обращался, какъ съ людьми, для которыхъ чтеніе не составляло одного только развлеченія. У него семинаристъ могъ получить нужное сочиненіе» ²⁾. Но послѣ Никитина содержатели частныхъ библіотекъ относились къ семинаристамъ очень небрежно: выдавая хорошія книги лицамъ съ болѣе виднымъ общественнымъ положеніемъ, они приберегали для семинаристовъ кое-что. «Воспитанники семинаріи, вносящіе свои деньги въ магазинъ, вовсе не могутъ рассчитывать на полученіе порядочныхъ книгъ. Лишь только семинаристъ показался въ магазинѣ, такъ ему тотчасъ же отпускаютъ Поль-де-Кока или въ родѣ того» ³⁾. Понятно, что, кромѣ вреда, отъ такого чтенія воспитанники ничего не получали. Между тѣмъ къ началу 60-хъ годовъ потребность въ чтеніи была очень сильна: почти половина воспитанниковъ получала книги изъ книжныхъ магазиновъ. Обыкновенно нѣсколько семинаристовъ въ складчину покупали абонементную книжку рублей за 10 — 12, такихъ абонементныхъ книжекъ въ

¹⁾ Сочиненія Никитина, стр — ²⁾ Ворон. Губ. Вѣд., 1862, № 8, стр. 74—75. — ³⁾ Тамъ же.

1861 г. было 60. Такимъ образомъ, въ общей сложности на чтеніе семинаристами тратилось рублей 600. На это и обратили вниманіе учителя семинаріи, которые пришли къ мысли, что на такую сумму можно устроить порядочную семинарскую ученическую библіотеку. Но нужно было склонить учениковъ къ этому дѣлу и убѣдить ихъ, что они будутъ получать изъ ученической библіотеки сочиненія лучшихъ свѣтскихъ писателей. Нѣкоторые «учителя ежедневно упрашивали учениковъ вносить на библіотеку по 5—10 к.» ¹⁾. Наконецъ, въ 1862 г. ученическая библіотека была открыта. На помощь ей, кромѣ семинаристовъ, пришли нѣкоторые учителя, священники и свѣтскія лица г. Воронежа. Кромѣ того, пожертвованія собирались и со всей епархіи чрезъ посредство редакціи газеты «Донъ». Устроителемъ этой библіотеки и ея первымъ библіотекаремъ былъ преподаватель М. И. Некрасовъ. Въ 1872 г. издано было распоряженіе Св. Синода о пересмотрѣ книгъ ученич. библіотеки. Въ 1874 г., послѣ ревизіи Зинченко, нѣкоторыя книги были изъяты изъ библіотеки.

При такихъ обстоятельствахъ, каковы же были Воронежскіе семинаристы въ умственномъ отношеніи? Если прислушаться къ воспоминаніямъ семинаристовъ, учившихся до 1874 г., то невольно бросится въ глаза ихъ восторженное отношеніе къ своему времени и къ своимъ курсамъ. Конечно, во всемъ этомъ много преувеличенія, такъ свойственнаго старымъ людямъ, которые любятъ хвалить доброе старое время и корить все настоящее. Несмотря на это, нужно все-таки признать, что Воронежскіе семинаристы въ періодъ отъ 1817. до 1874 г. стояли на высотѣ въ умственномъ отношеніи. Объ этомъ говорятъ официальные отчеты ревізоровъ: о. Скворцова, арх. Іереміи, ректора семинаріи арх. Стефана и арх. Леонтія. При этомъ нужно отмѣтить одну

¹⁾ Ворон. Губ. Вѣд., 1862, № 8, стр. 74—75.

отличительную черту Воронежских семинаристовъ, отмѣченную арх. Іереміей: «отвѣты учениковъ были разумны, свободны и съ нѣкоторою живостью, составляющею особую черту семинаріи и училищъ Воронежскихъ» ¹⁾. То же подтверждается и свидѣтельствами со стороны. Де-Пуле въ біографіи Кольцова говоритъ, что Воронежская публика отдавала предпочтеніе семинаристамъ предъ гимназистами. Но особенно цѣнно въ этомъ случаѣ мнѣніе самого Де-Пуле, который ставитъ высокій умственный уровень семинаристовъ въ зависимость отъ сословныхъ традицій Воронежскаго духовенства. «Наша духовная семинарія, говоритъ онъ, живетъ уже второе столѣтіе, стало быть мѣстное духовенство образовалось у насъ раньше другихъ сословій. Живя постоянно въ родномъ краѣ и не блуждая по русскому міру оно должно было больше другихъ сословій хранить въ себѣ мѣстныя историческія воспоминанія и дорожить ими. Почти всѣ замѣчательные люди нашей мѣстности имѣютъ самое близкое отношеніе къ Воронежской семинаріи: они или учились и учили въ ней, или же развивались подъ посредственнымъ или непосредственнымъ ея вліяніемъ, въ этомъ отношеніи довольно указать на Евфимія Болховитинова, Сребрянскаго, Никитина и Кольцова» ²⁾.

Умственные интересы семинаристовъ выражались въ своего рода литературныхъ традиціяхъ, всегда жившихъ въ Воронежской семинаріи, особенно въ любви къ стихотворству: почти каждое десятилѣтіе насчитывало по нѣсколько стихотворцевъ; изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить А. Сребрянскаго, М. и П. Нигровскихъ, И. Дубянскаго и И. Никитина. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ мало матеріала для характеристики этой поэзіи. Для характеристики умственного уровня семинаристовъ мы приведемъ нѣсколько фактовъ, уже извѣстныхъ въ литературѣ. Въ 30-хъ годахъ въ семинаріи

¹⁾ Арх. Кіевск. Акад., 1832, № 9. — ²⁾ Де-Пуле, Нѣчто о замѣчательныхъ людяхъ нашего края. Ворон. Губ. Вѣд. 1865, № 7.

существовалъ литературный кружокъ, во главѣ котораго стоялъ А. Сребрянскій. Въ этомъ кружкѣ читались сочиненія образцовыхъ русскихъ писателей, а также самостоятельныя работы участниковъ кружка. Изъ этихъ работъ самую выдающуюся была поэма самого Сребрянскаго «Безсмертіе». Это сочиненіе было встрѣчено съ восторгомъ не только семинаристами, но и учителями. Одинъ изъ талантливыхъ слушателей поэмы—В. И. Асоченскій—послѣ ея окончанія поклонился до земли Сребрянскому. Выше разсказанъ случай, характеризующій взглядъ учителей на эту поэму. Послѣ неоднократнаго чтенія частнаго характера, Сребрянскій, по приказанію семинарскаго начальства, читалъ свою поэму на торжественномъ актѣ, въ присутствіи архіерея и другихъ почетныхъ особъ, и опять всѣ слушатели остались отъ него въ восторгѣ. По своему характеру это сочиненіе очень сильно напоминаетъ старинныя религіозно-философскія оды Ломоносова и особенно Державина. Человѣкъ недюжиннаго ума, Сребрянскій случайно столкнулся съ А. В. Кольцовымъ и оказалъ на него сильное вліяніе, какъ человѣкъ съ теоретическимъ образованіемъ на самоучку. Біографъ Кольцова такъ описываетъ знакомство этихъ двухъ поэтовъ. «Въ одинъ прекрасный день, гуляя въ Викулиной рощѣ, Кольцовъ заходитъ въ гостиницу и встрѣчаетъ въ ней нѣсколько семинаристовъ, между которыми былъ и Сребрянскій. При входѣ Кольцова въ комнату, шумящая толпа юношей, знавшая стихотворца, смолкла. Кольцовъ, по натурѣ большой любитель новыхъ знакомствъ, при всей своей несообщительности, рѣшается воспользоваться случаемъ и первый заводитъ рѣчь съ мѣстными словесниками и философами о предметѣ, имъ, конечно (думалъ Кольцовъ), отлично извѣстномъ,—о чтеніи: но на бѣду Кольцовъ начинаетъ съ похвалъ книгѣ, одно названіе которой вызываетъ улыбку на лицахъ молодежи, — съ Письмовника Курганова. Похвалы его Курганову вызываютъ горячій споръ, въ которомъ Сре-

брянскій, къ изумленію товарищей, принимаетъ сторону Кольцова и въ цѣлой бойкой рѣчи распространяется о достоинствахъ Письмовника, расхваливая его до смѣшного. Рѣчь эта была прервана дружнымъ хохотомъ семинаристовъ, крайне смутившимъ Кольцова, убѣдившагося въ несостоятельности своихъ свѣдѣній. Надобно полагать, что въ этой насмѣлкѣ не было ничего ядовитаго и оскорбляющаго, а потому-то Кольцовъ скоро забылъ о нѣкоторой горечи отъ ея впечатлѣнія и не только сблизился, но и крѣпко подружился съ Сребрянскимъ. Этому содѣйствовала и самая внѣшность Сребрянскаго: онъ былъ блондинъ, очень красивый собою, съ живою бойкою рѣчью и порывистыми движеніями; добродушный по природѣ, Сребрянскій рѣзко отличался отъ товарищей нервною раздражительностью, юморомъ и умѣніемъ подмѣтить слабыя стороны ближняго и пройтись на ихъ счетъ» ¹⁾. «Дружескія бесѣды съ Сребрянскимъ были для Кольцова истинною школою развитія во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ эстетическомъ. Для своихъ поэтическихъ произведеній Кольцовъ нашелъ себѣ въ Сребрянскомъ судью строгаго, безпристрастнаго, со вкусомъ и тактомъ, знающаго дѣло» ²⁾. «Мы вмѣстѣ съ нимъ росли, говоритъ Кольцовъ, вмѣстѣ читали Шекспира, думали, спорили. И я такъ много былъ ему обязанъ, онъ черезчуръ меня баловалъ». Сребрянскій «не только одобрялъ и не одобрялъ, но поправлялъ и даже передѣлывалъ цѣлыя куплеты въ начальныхъ, весьма безобразныхъ стихотвореніяхъ Кольцова, но онъ ранѣе другихъ подмѣтилъ въ этомъ стихотворцѣ оригинальнаго народнаго поэта и не прикасался къ тѣмъ его стихотвореніямъ, въ которыхъ блестяла такая оригинальность».

Литературный кружокъ Сребрянскаго надолго остался въ памяти семинаристовъ и далъ направленіе ихъ послѣдующимъ литературнымъ предпріятіямъ. Талантъ Сребрянскаго,

¹⁾ Древняя и новая Россія, 1878, № 3, стр. 218. — ²⁾ Стихотворенія Кольцова, 6 изд., стр. 16—17.

его вліяніе на Кольцова, признанное Бѣлинскимъ, наконецъ, всеобщее восхищеніе имъ въ Воронежскомъ духовномъ мірѣ, — все это было слишкомъ заманчиво для многихъ семинаристовъ, которые къ тому же и при прохожденіи курса словесности должны были упражняться въ стихосложеніи. Въ частности, эта слава Сребрянскаго имѣла вліяніе и на И. С. Никитина, поступившаго въ семинарію въ 1841 г. «Семинарія еще была полна воспоминаніями о Сребрянскомъ; Кольцовъ, умершій въ 1842 г., былъ еще живымъ напоминаніемъ о преждевременно погибшемъ юношѣ, возбуждавшемъ восторгъ семинарской молодежи; огненные статьи Бѣлинскаго, такъ близкаго къ Кольцову, читались съ жаромъ и чуть не заучивались наизусть»¹⁾.

Въ послѣдующее время на семинаристовъ могла имѣть подобное же вліяніе литературная карьера Никитина, вышедшаго изъ средняго отдѣленія семинаріи и пріобрѣтшаго себѣ громкую извѣстность своими грустными пѣснями о житеѣ-бытеѣ бѣдняка, о жизни Воронежскаго мѣщанина и особенно привлекавшаго симпатіи семинаристовъ своимъ «Дневникомъ семинариста». Открывши затѣмъ книжный магазинъ и библіотеку для чтенія, Никитинъ могъ и непосредственно вліять на литературные интересы и вкусы семинаристовъ. Правда, за 50-е годы мы не встрѣчаемъ такихъ талантливыхъ семинаристовъ, которые давали бы тонъ литературнымъ интересамъ всей семинаріи: семинаристы жили традиціями. Объемистые рукописные сборники, сохранившіеся и до настоящаго времени у многихъ духовныхъ лицъ, наряду съ лекціями заключаютъ въ себѣ многочисленныя стихотворенія образцовыхъ русскихъ поэтовъ, а иногда и отрывки изъ прозаическихъ сочиненій.

Нѣкоторыя соображенія объ умственномъ уровнѣ Воронежской семинаріи можно извлечь изъ статистическихъ дан-

¹⁾ Изъ біографіи Никитина, Де-Шуле

ныхъ. За весь разсматриваемый періодъ окончило курсъ болѣе 2 тысячъ семинаристовъ. Изъ нихъ около 10 процентовъ поступило въ высшія учебныя заведенія. Это очень значительный процентъ, если принять во вниманіе, что семинарское образованіе имѣетъ цѣлю не подготовку учениковъ къ высшему образованію, а обученіе ихъ для спеціальнаго служенія. Большая часть Воронежскихъ семинаристовъ, получившихъ высшее образованіе, обучались въ духовныхъ академіяхъ, преимущественно въ Кіевской. Изъ нихъ нужно отмѣтить, по крайней мѣрѣ, выдающихся. Таковы: Маркъ Вицинскій, впослѣдствіи Митрофанъ, архіепископъ Донской, — XXIV курса; Петръ Поповъ, впослѣдствіи Парѣеній, архіепископъ Иркутскій, — XXV курса; Иванъ Лебединскій, впослѣдствіи Леонтій, митрополитъ Московскій, — XXXI курса; Михаилъ Филаретовъ, впослѣдствіи Филаретъ, ректоръ Кіевск. академіи и епископъ Рижскій, — XXXIII курса; Иванъ Петровъ, впослѣдствіи Владиміръ, архіепископъ Казанскій, — XXXIV курса; Матвѣй Невскій, нынѣ епископъ Орловскій, — XXXVIII курса; Димитрій Самбкинъ, нынѣ архіепископъ Тверской, — XL курса; Василиій Іосифовъ, впослѣдствіи Виталій, епископъ Балужскій, — XXXVI курса; Василиій Барповъ, XXV к., видный профессоръ философіи С.-П.Б. академіи и переводчикъ Платона; Петръ Авсенева, XXIV к., впослѣдствіи профессоръ Кіевской академіи и университета, а затѣмъ, по принятіи монашества съ именемъ Теофана, инспекторъ академіи, наконецъ, настоятель посольской церкви въ Римѣ († 1852); Викторъ Асоченскій, XXVII к., впослѣдствіи профессоръ Кіевской академіи, а затѣмъ издатель «Домашней Бесѣды»; Алексѣй Минервинъ, XXI к., впослѣдствіи э.-орд. профессоръ Кіевской академіи; Александръ Чеховскій, XXIII к., по окончаніи курса въ С.-П.Б. академіи, слушалъ право въ С.-П.Б. университетѣ, а затѣмъ послѣ испытанія, произведеннаго гр. Сперанскимъ, по его предложенію, былъ отправленъ въ Берлинскій университетъ, послѣ

возвращенія оттуда состоялъ профессоромъ гражд. права въ Кіевскомъ университетѣ; Александръ Мишинъ, XXVIII к., впослѣдствіи видный профессоръ С.-П.Б. академіи; Василій Чубинскій, XXIX к., членъ совѣта Морск. Минист. Вахъ Гурьевъ, извѣстный своими воспоминаніями о Русско-Турецкой войнѣ 1877/78 гг. «Св. мученики-воины» и др. статьями. Всеволодъ Миропольскій, XI к., служившій на разныхъ поприщахъ и оставившій послѣ себя множество сочиненій, помѣщавшихся въ «Русской Бесѣдѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Народной Школѣ» и др.; Сергій Миропольскій, XII к., нынѣ помощникъ управляющаго канцеляріей Св. Синода; Владиміръ Чеховъ, XXVII к., впослѣдствіи профессоръ С.-П.Б. медико-хир. академіи; Викторъ Пашутинъ, XII к., даровитѣйшій профессоръ и начальникъ той же академіи; Левъ Поповъ, XII к., проф. Варшавскаго университета, и др.

Помѣщеніе семинаріи.

Въ первые пять лѣтъ послѣ преобразованія семинаріи помѣщалась въ прежнихъ зданіяхъ при Архіерейскомъ домѣ. Въ 1822 г. она перемѣщена была въ новое зданіе на Дворянской улицѣ.

Устройствомъ этого новаго зданія семинаріи обязана просвѣщенной заботливости пр. Антонія I. Какъ уже сказано выше ¹⁾, этотъ архіерей былъ озабоченъ тѣмъ, что вслѣдствіе тѣсноты семинарскихъ зданій большинство семинаристовъ принуждено было ютиться на городскихъ окраинахъ въ сосѣдствѣ съ людьми сомнительной нравственности. Желая помочь и воспитательному дѣлу, и матеріальному обезпеченію семинаристовъ, пр. Антоній рѣшилъ выстроить такой корпусъ, въ которомъ бы могли помѣститься всѣ семинаристы. Не ожидая большихъ ассигновокъ изъ средствъ

¹⁾ См. Часть I, стр. 76—77.

Св. Синода, онъ обращается въ 1811 г. къ своей паствѣ съ цѣлымъ рядомъ воззваній о пожертвованіяхъ на это дѣло. Успѣхъ этихъ воззваній былъ необыкновенный. Уже въ 1812 г. было собрано 28220 р. 25 к. Къ этому же строительному капиталу были причислены остаточныя суммы отъ штатныхъ суммъ за разные годы, всего 8193 р. 43³/₄ к. Пока еще дѣло о построеніи семинаріи было вначалѣ, собранныя пожертвованія отдавались займы, отъ чего получилось однихъ процентовъ 2322 р. 50 к. Наконецъ 3100 р. было выручено въ продолженіи 3 лѣтъ за аренду тѣхъ зданій, которыя были приобрѣтены вмѣстѣ съ новою усадьбою для семинаріи и пока еще не были заняты семинаристами. Между тѣмъ продолжались и взносы пожертвованій на семинарію. Въ 1817 г. строительный капиталъ возросъ до 60068 р. 43³/₄ к. Но несмотря на отзывчивость благотворителей, выразившуюся въ такой крупной цифрѣ, необходимой для построенія семинарскаго корпуса суммы все еще не набиралось. Въ виду этого пр. Антоній I позволилъ семинаріи дѣлать займы у приходскихъ церквей. Такіе займы, дѣйствительно, на время помогали дѣлу. Напр., изъ одного Острогужскаго духовнаго Правленія поступило займы на построеніе семинарскаго корпуса 4179 р. 65 к. Но въ послѣдствіи семинарія оказалась въ большемъ затрудненіи, когда эти долги пришлось уплачивать. Старосты церквей осаждали архіерея жалобами на неисправность Строительной Коммиссіи. Послѣдняя по необходимости ограничивалась только обѣщаніями уплатить долги изъ будущихъ пожертвованій. Нѣкоторые долги коммиссія уплатила только при окончаніи постройки.

Не располагая наличными средствами, Строительная Коммиссія принимала пожертвованія натурой, и крупныя, и мелкія. Самая усадьба для новаго корпуса была пожертвована гр. Орловой-Чесменской. Священникъ слободы Твердохлѣбовой, Богучарскаго уѣзда, подарилъ свой домъ, который

по продажѣ далъ 400 р. Кн. Щербатовъ подарилъ для извоза при новомъ дѣлѣ лошадь. Кромѣ того, пр. Антоній I приказалъ отдать въ пользу семинаріи негодныя къ употребленію старыя зданія церквей, повидимому, на томъ основаніи, что въ семинаріи тоже предполагалось устройство церкви (такъ что пожертвованіе старыхъ церквей шло не на обычное дѣло, а тоже на церковь). Такихъ церквей поступило шесть. Последнее распоряженіе вызывало сильное неудовольствіе и въ прихожанахъ, и въ причтахъ, такъ что пр. Антоній иногда даже принужденъ былъ отмѣнять это постановленіе и отдавать уже отобранный храмъ въ пользу прихода. Въ этомъ отношеніи характернымъ примѣромъ можетъ служить тяжба прихожанъ с. Синихъ Липяговъ, Нижнедѣвицкаго уѣзда, съ семинаріей. Прихожане просили преосвященнаго употребить старую церковь на устройство придѣла при новой церкви и общественнаго магазина. Но ни ихъ просьба, ни ходатайство за нихъ генерала Бенкендорфа на этотъ разъ не имѣли успѣха, потому что церковь могла быть обращена только «на надобности церковныя, а не на какое-либо мірское употребленіе». Объявивши церковь собственностью семинаріи, консисторія совѣтовала прихожанамъ отказаться отъ своихъ претензій, такъ какъ по точному смыслу 38 пр. св. Апостолъ и 25 пр. Антиох. собора, епископъ безконтрольно распоряжается всѣмъ церковнымъ имуществомъ въ своей епархіи. Только послѣ новаго ходатайства прихожанъ церковь была возвращена имъ на построеніе церковной ограды съ лавочкой, караульной и богадѣльной и на отдѣлку придѣла въ новой церкви.

При всемъ желаніи обойтись въ этомъ дѣлѣ безъ субсидій отъ казны, этого не удалось сдѣлать. 14 Марта 1816 г. пр. Антоній I просилъ св. Синодъ исходатайствовать Высочайшее повелѣніе о бесплатномъ отпускѣ изъ казенныхъ лѣсовъ 22230 деревъ. О томъ же преосвященный особенно просилъ м. Амвросія и министра духовныхъ дѣлъ

ки. Голицына. Это прошеніе было уважено отчасти: разрѣшено было отпустить на семинарію 1796 деревъ и 1200 куб. саж. дровъ изъ казенныхъ лѣсовъ Теллерманскаго и Шипова. Сообщая объ этомъ пр. Антонію, св. Синодъ совѣтовалъ ему недостающее количество лѣса выбрать изъ дачъ Спасо-Толшевскаго монастыря. Но и это оказалось невозможнымъ, такъ какъ, по донесенію монастырскаго начальства, лѣсъ монастырскій, еще до отмежеванія его къ монастырю, вполнину истребленъ «отъ самовольныхъ порубковъ при свѣтскомъ начальствѣ», такъ что его едва достаточно для нуждъ монастыря. Къ тому же и доставка этого лѣса была бы очень неудобна, такъ какъ рѣка Воронежъ отстоитъ отъ монастырскаго дачи на 30 верстъ. Не удалось воспользо-ваться и казеннымъ лѣсомъ, такъ какъ Теллерманскій лѣсъ (Новохоперскаго у.) находился въ 250 в., а Шиповскій (Павловскаго у.) въ 150 в. отъ Воронежа. Первоначально Семинарское Правленіе откомандировало было въ эти лѣса секретаря Граникова съ правомъ привлекать къ перевозкѣ лѣса приходское духовенство. Но этотъ проектъ не удался. Весь пожалованный лѣсъ былъ оцѣненъ въ 18620 р., между тѣмъ его вырубка и перевозка въ Воронежъ стоила дороже его стоимости на мѣстѣ. Поэтому пришлось совсѣмъ отказаться отъ этого дара.

Общая сумма всѣхъ пожертвованій на семинарію простиралась до 70 тысячъ р.¹⁾

Въ виду недостатка въ деньгахъ для устройства корпуса пр. Антоній обращался въ св. Синодъ съ просьбой о денежной субсидіи. Въ 1819 г. Коммиссія Духовныхъ Училищъ ассигновала «на окончательное строеніе семинаріи» 136464 р. 40 к., съ тѣмъ чтобы эта сумма поступила въ три срока по третямъ. Дѣйствительно, сумма эта была получена Строительной Коммиссіей въ 1819, 1820 и 1821 г.г.

¹⁾ Дѣло о построеніи семинаріи, Сем. архивъ, № 98.

Для наблюденія за построеніемъ новаго корпуса была составлена Строительная Коммиссія изъ начальствующихъ лицъ семинаріи. Самое построеніе началось съ 1813 г. и закончилось въ 1822 году. Продолжительность этого дѣла объясняется тѣмъ, что оно прерывалось на срединѣ вслѣдствіе недостатка въ средствахъ.

Въ 1832 г. Воронежъ посѣтилъ Государь Николай Павловичъ. Между прочимъ онъ обратилъ вниманіе и на новый корпусъ и нашелъ, что онъ стоитъ на неудобной усадьбѣ. «Семинарія, будучи построена среди города, стоитъ на мѣстѣ совершенно неудобномъ и неприличномъ». Поэтому Государь приказалъ «употребить корпусъ для батальона военныхъ кантонистовъ, за что внести духовному вѣдомству причитающуюся сумму, а для семинаріи пріискать другое, болѣе приличное мѣсто». Семинарскія зданія оцѣнены были въ 260081 р., куда вошла и стоимость казеннаго лѣса, подареннаго семинаріи, но не взятаго ею; военное вѣдомство уже уплатило за зданіе 241781 р. 19 к. Оставалось только найти приличное мѣсто для новаго зданія семинаріи, смѣта котораго опредѣлена была въ 822520 р. 10 к.

Прежде всего семинарское начальство рѣшило снова выстроить зданіе около архіерейскаго дома, гдѣ въ это время только что былъ открытъ Митрофановъ монастырь. Но Коммиссія Дух. Училищъ нашла это мѣсто неприличнымъ для семинаріи, такъ какъ монастырь находится въ центрѣ города. Тогда выборъ остановился на мѣстности около Троицкаго лѣса. Это мѣсто, отдаленное отъ города, было признано самымъ подходящимъ. Рѣшено было отмежевать подъ семинарскую усадьбу въ 12 десятинъ земли, и даже былъ составленъ планъ новаго зданія. Но владѣльцы намѣченной усадьбы потребовали за нее слишкомъ большую плату. Поэтому пришлось отказаться и отъ этого мѣста. Третье мѣсто было избрано около Дворянскаго Собранія, это мѣсто одобрилъ пр. Анотій II. Но Имп. Николай I, когда пред-

ставили ему на утверждение этотъ проектъ, написалъ на немъ: «держаться даннаго мною приказанія, которое было ясно опредѣлено» ¹⁾. Въмѣстѣ съ этимъ онъ приказалъ выбрать мѣсто въ какомъ-нибудь изъ городскихъ монастырей—Митрофановомъ или Акатовомъ. Но такъ какъ усадьбы этихъ монастырей были тѣсны, то выполнение этого приказанія оказалось невозможнымъ. Въ 1834 году Коммиссія Дух. Училищъ, съ вѣдома правительства, рѣшила оставить семинарію на прежнемъ мѣстѣ ²⁾.

Въ главномъ семинарскомъ корпусѣ помѣщались: церковь, залъ, библіотека, квартиры начальствующихъ и нѣкоторыхъ преподавателей (холостыхъ), классныя комнаты и такъ наз. номера, т. е. жилыя помѣщенія для семинаристовъ.

Церковь и залъ, какъ и въ настоящее время, занимали самое лучшее мѣсто въ семинарскомъ корпусѣ. Оба помѣщеніе находились въ срединѣ корпуса, выходили на Дворянскую улицу и были устроены въ два свѣта. На чистоту и опрятность церкви всегда обращалось должное вниманіе, что отмѣчено въ отчетахъ ревизоровъ. Но для многочисленной Воронежской семинаріи церковь была слишкомъ тѣсна, такъ что многимъ семинаристамъ приходилось ходить въ приходскія церкви. Для устраненія этого неудобства въ 1847 г. рѣшено было соединить церковь съ заломъ посредствомъ арки ³⁾. Залъ въ обыкновенное время не отличался убранствомъ: въ немъ не было ни приличныхъ стульевъ, ни партъ, на что указывалъ семинарскому начальству ревизоръ архим. Іеремія ⁴⁾. До 1847 г. въ залѣ даже не было двойныхъ рамъ, слѣдовательно, онъ и не отапливался. Только въ 1847 г., когда рѣшено было соединить его съ церковью, были вставлены двойныя рамы. За актовымъ заломъ помѣщалась библіотека.

¹⁾ Архивъ Кіевской Акад. Дѣла Окружн. Правл. 1836, № 92.—²⁾ Семинарскій архивъ, № 321.—³⁾ Сем. арх. № 427, 39.—⁴⁾ Арх. Кіевск. Акад., д. окр. пр., 1832, № 9.

Квартиры ректора и инспектора располагались на двухъ концахъ второго этажа. Черезъ сѣни отъ ректорской квартиры помѣщалось Семинарское Правленіе, канцелярія и архивъ. Учительскія квартиры находились на третьемъ этажѣ, занимая приблизительно $\frac{1}{3}$ часть этажа.

Классныя комнаты были расположены въ 1 и 2 этажахъ. Помѣщенія для многолюдныхъ классовъ были очень тѣсны и сыры. «Нѣкоторые классы, писало Семинарское Правленіе въ 1847 г., до того тѣсны, что для учителя остается одинъ узенькій проходъ; если же онъ вздумаетъ говорить лекціи ходя, то приходится отодвигать парты» ¹⁾. Въ виду этого ревизоръ архим. Теофанъ въ 1848 г. предлагалъ для расширенія классныхъ помѣщеній отвести подъ классы учительскія квартиры, предварительно выселивши учителей на городскія квартиры съ приличнымъ за то вознагражденіемъ» ²⁾. Дѣйствительно, послѣ этого учительскія помѣщенія въ корпусѣ постепенно упраздняются, хотя и не вполне. — Сырость классныхъ помѣщеній зависѣла отъ того, что они почти никогда не отапливались. Вообще классныя помѣщенія были очень неудовлетворительны. «Каменные громадной толщины стѣны, покрыты зеленой краскою, бѣлые, мѣстами истрескавшіеся своды потолка, высокая печь, никогда не затопляемая въ зимнее время, черные, изрѣзанные перочинными ножами столы съ обтертыми скамьями и широкая, черная доска, воздухъ сырой, какъ въ подвалѣ и все вокругъ покрыто слоями густой пыли» ³⁾. Полы, напр., въ 1834 г. оказались истертыми до того, что во многихъ мѣстахъ «видны были ошпы, связующіе между собою доски» ⁴⁾. А въ 1842 г. годными оказались только полы библіотеки; въ 1844 г. пришлось заново передѣлать полы въ 50 комнатахъ ⁵⁾. Къ концу періода положеніе

¹⁾ Сем. Арх. 1847, № 427, 39.—²⁾ Арх. Киевск. Акад., д. окр. пр., 1848, № 14.—³⁾ И. С. Никитинъ. Дневникъ семинариста. Сочиненія, стр. 266.—

⁴⁾ Сем. архивъ, № 321, л. 205.—⁵⁾ Тамъ же, № 418, 43.

дѣла не улучшилось. «Всѣ классы, за исключеніемъ двухъ, окнами выходятъ къ востоку, и въ лѣтнее время съ одной стороны отъ тѣноты, съ другой—отъ солнечныхъ лучей просидѣть въ классѣ отъ 8 часовъ утра до 2 ч. пополудни, по завѣренію воспитанниковъ, бываетъ невыносимо тяжелымъ трудомъ. Въ низшихъ классахъ человѣкъ 20 совсѣмъ не имѣютъ мѣсть, потому что негдѣ поставить для сидѣнія скамей: сидятъ многіе, потому, на окнахъ; отъ тѣноты въ классѣ духота нестерпимая. Въ зимнее же время солнце совсѣмъ не засматриваетъ въ классы и въ нихъ часто бываетъ довольно темно. По недостаточности суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе семинаріи, классныя комнаты почти никогда не отапливаются, оттого въ большіе морозы внутреннія стѣны ихъ покрываются инеемъ. А когда ученики просидятъ нѣсколько времени въ классѣ, то промерзающія стѣны начинаютъ отходить и воздухъ дѣлается затхлымъ, сырымъ и крайне нездоровымъ» ¹⁾).

Помѣщенія для казеннокоштныхъ воспитанниковъ находились въ 1 и 3 этажахъ. Эти помѣщенія назывались номерами. До сороковыхъ годовъ въ этихъ номерахъ стояли и столы для занятій, и комоды, и кровати. Съ сороковыхъ годовъ занятныя комнаты отдѣлили отъ спальныхъ, что было очень полезно, такъ какъ раньше ученики пріучались несвоевременно лежать на кроватяхъ, иногда съ книгою въ рукахъ, а иногда и безъ книги. Но для семинаристовъ этотъ переходъ къ новому расположенію классныхъ помѣщеній на первыхъ порахъ былъ очень непріятенъ.

Мебель въ номерахъ была самой простой, топорной работы, да и той не доставало. За неимѣніемъ гардеробовъ и за недостаткомъ комодовъ, «ученики безобразно набиваютъ въ стѣны гвозди. Всѣ прячутъ книги, грязное бѣлье и платье

¹⁾ Г. Веселовскій. Воронежъ. 1866, стр. 238—239. Ссылаемся на Никитина и Веселовскаго потому, что ихъ показанія подтверждаются и архивными данными, и разсказами бывшихъ семинаристовъ.

подъ кровати, отчего увеличивается нечистота. Безобразіе не закрывается никакими чехлами» ¹⁾. Но зато кровати, за немногими исключеніями были желѣзныя и, относительно говоря, въ спальныхъ комнатахъ поддерживалась въ началѣ періода чистота, на что указывали въ своихъ отчетахъ ревизоры прот. І. Скворцовъ въ 1828 г. и архим. Іеремія въ 1832 г. Но уже въ 1842 г. въ жилыхъ помѣщеніяхъ, въ сѣняхъ и на лѣстницахъ замѣчалась неопрятность, нечистота и сырость. Ректоръ арх. Стефанъ объяснялъ все это отдаленнымъ отъ жилыхъ помѣщеній устройствомъ ретирадъ (на семинарскомъ дворѣ) и отсутствіемъ особыхъ умывальныхъ комнатъ ²⁾. На то же указывалъ и ревизоръ архим. Оеофанъ въ 1848 г., который рекомендовалъ семинарскому начальству «стараться о введеніи большей чистоты и опрятности, по крайней мѣрѣ, съ виѣшной стороны семинарскаго корпуса, если внутри онаго желаемой чистоты и приличія, при настоящемъ его устройствѣ, по отдаленности ретирадныхъ мѣстъ, соблюсти невозможно» ³⁾. Неопрятность жилыхъ помѣщеній увеличивалась особенно отъ грязнаго вида постелей полуказенныхъ и своекоштныхъ учениковъ: «постели эти такія, какія каждый изъ нихъ можетъ имѣть, отъ чего происходитъ большая въ нихъ пестрота, неопрятность и скудость» ⁴⁾: «однѣ изъ нихъ закрыты халатомъ, другія шинелью, иныя шубою, а иныя ничѣмъ» ⁵⁾. Къ 40 годамъ обветшали и казенныя постели, построенныя въ 1822 г., они были возобновлены въ 1842 г., когда 80 приборовъ были признаны совсѣмъ негодными. На этотъ разъ были сдѣланы хорошіе новые тюфяки изъ конскаго волоса и подушки изъ мелкаго пера. Кромѣ того, на каждую кровать полагались 2 простыни, 6 наволочекъ, чехлы на кровать и

¹⁾ Сем. арх., № 736, 17 — ²⁾ Арх. Кіевск. Акад., д окр. пр. 1842, № 79. — ³⁾ Тамъ же, 1848 г., № 14. — ⁴⁾ Тамъ же, 1842, № 79. — ⁵⁾ Тамъ же, 1832, № 9.

байковое одѣяло съ подкладкой изъ холста ¹⁾. О неудобствѣ, тѣснотѣ и неопрятности жилыхъ помѣщений неоднократно говорятъ и позднѣйшіе официальные документы ²⁾. Тѣже недостатки отмѣчены и въ указанной книгѣ Веселовскаго ³⁾.

Особенными неудобствами отличалось помѣщеніе столовой. При устройствѣ семинарскаго корпуса на столовую и кухню не было отведено помѣщенія. Поэтому пришлось для столовой выстроить отдѣльный флигель (теперь—больница). Это составляло тоже немалое неудобство въ семинаріи: такъ какъ ученики на обѣды и ужины должны были ходить черезъ дворъ, то «надлежащей чистоты нельзя было соблюсти ни въ столовой, ни въ жилыхъ комнатахъ, особенно въ осеннія, весеннія и ненастные времена» ⁴⁾. Въ нижнемъ этажѣ флигеля помѣщалась кухня, въ верхнемъ—столовая. Первые ревизоры семинаріи находили состояние кухни и столовой удовлетворительнымъ: они отмѣчали, что къ столу подаются тарелки, ножи и вилки, а самые столы накрываются клеенками, что, по ихъ мнѣнію, болѣе способствуетъ опрятности ученическаго стола, чѣмъ скатерти. Но въ 1848 г. архим. Теофанъ предлагалъ семинарскому начальству исправить въ столовой и кухнѣ окна, чтобы сообщить столовой нужную чистоту и приличіе, а въ зимнее время нужную теплоту для предохраненія учениковъ отъ простуды. Онъ же предлагалъ замѣнить въ кухнѣ чугунные котлы мѣдными («такъ какъ въ послѣднихъ только пища можетъ сохранить свой вкусъ и быть здоровою») и «очистить воду въ семинарскомъ колодцѣ пресѣченіемъ втекающей въ него съ сосѣдняго двора нечистой и зловредной жи-
лы» ⁵⁾. Бывшіе воспитанники семинаріи отзываются объ этой столовой, какъ о помѣщеніи очень неопрятномъ и не-

¹⁾ Сем. архивъ, № 418, 44.—²⁾ Тамъ же, № 583, 8; № 701, 24; 719, 24; 736, 17.—³⁾ Стр. 239.—⁴⁾ Арх. Кіевской акад., д. окр. пр. 1842, № 79 —
⁵⁾ Тамъ же 1848, № 14.

удобномъ. «Горячее готовилось въ чугунномъ котлѣ, наглухо вмазанномъ въ каминъ. Котелъ этотъ, равно какъ и вся кухня, содержались въ крайне грязномъ видѣ. Не знаю, когда и какъ онъ чистился. Поэтому всякій можетъ заключить, какой вкусъ должно было получить приготовленное въ немъ кушанье» ¹⁾). Къ обѣду кушанье переносилось въ особомъ деревянномъ ушатѣ навѣрхъ въ комнату комиссара-семинариста и здѣсь уже разливалось по мискамъ. Все это еще болѣе увеличивало грязь и неопрятность.

Большимъ лишеніемъ для Воронежской семинаріи было неимѣніе больницы и бани. Больница въ началѣ періода помѣщалась въ одномъ изъ старыхъ флигелей, прибрѣтенныхъ семинаріей вмѣстѣ съ усадьбой подъ новый семинарскій корпусъ. Здѣсь, по тѣснотѣ помѣщенія, было поставлено только шесть кроватей. Въ 40 годахъ, когда этотъ флигель обветшалъ, больница была перенесена въ главный корпусъ. На неудобства новаго помѣщенія указывалъ ревизоръ архим. Теофанъ въ 1848 г. Кромѣ того, что отъ такого близкаго сосѣдства больницы могли распространяться заразные болѣзни,—больница была удобнымъ убѣжищемъ для лѣнтяевъ, скрывавшихся здѣсь во время уроковъ.

Не малые неудобства испытывались семинаріей и относительно бани. Въ началѣ періода, когда семинарія еще помѣщалась при Благовѣщенскомъ соборѣ, семинаристы пользовались баней Архіерейскаго дома ²⁾). Но пользованіе этой баней, повидимому, было только номинальнымъ. Когда въ 1820 г. стали разуживать, отчего на ученикахъ появилась чесотка, то открылось, что ученики въ баню почти никогда не ходили: только одинъ разъ въ зиму имъ были выданы деньги въ торговую баню. Тогда и возникъ въ первый разъ вопросъ объ устройствѣ своей бани ³⁾).

При перемѣщеніи семинаріи въ новый корпусъ въ

¹⁾ Воспоминанія Е. Г. Свѣтзарова, стр. 71—72.—²⁾ Сем. арх., № 97, № 355.—³⁾ Тамъ же, № 100, дѣло 114.

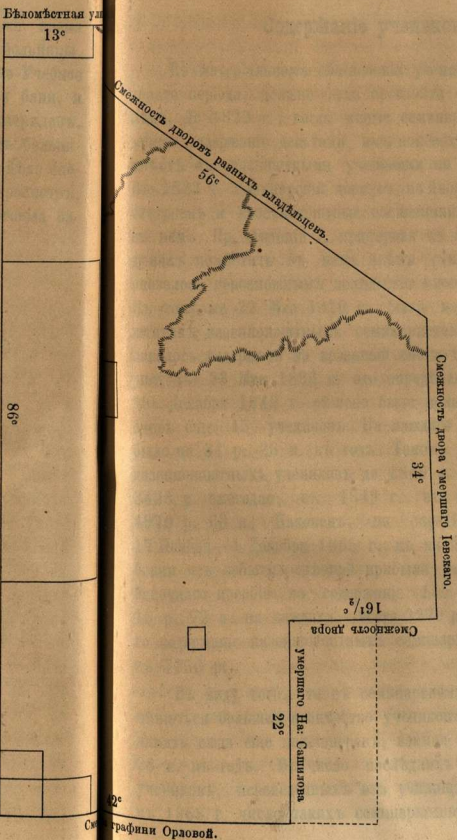
1822 г., для бани былъ отремонтированъ одинъ изъ флигелей, стоявшихъ на семинарской усадьбѣ. Но онъ былъ такъ малъ, что въ немъ могли мыться только начальствующие и учащіе; къ тому же, онъ скоро такъ обветшалъ, что былъ совсѣмъ оставленъ безъ употребленія. Ученики принуждены были ходить въ торговыя бани, за что платилось 75—80 р. въ годъ. Отъ этого нарушался домашній порядокъ жизни и занятій учениковъ, такъ какъ они ходили въ баню въ разные часы. Къ тому же, баня помещалась версты за 1½ отъ семинаріи, такъ что ученики тратили на хожденіе въ баню много времени. Эта же отдаленность отъ семинаріи способствовала развитію среди учениковъ простудныхъ болѣзней. Напр., изъ 495 учениковъ, болѣвшихъ въ 1841 г., отъ простуды въ продолженіе поста болѣло 100 человекъ. «Принимая во вниманіе ту сумму, которая платилась и платится за наемъ торговой бани, и ту, какая употребляется на лѣченіе болѣзней учениковъ, происходящихъ, можно сказать, единственно отъ простуты ихъ, за неимѣніемъ собственной семинарской бани,—давно можно было бы построить новую и тѣмъ отвратить всѣ вышеозначенныя вредныя слѣдствія» ¹⁾. При справкахъ по этому дѣлу оказалось, что уже въ 1839 г. Семинарское Правленіе ходатайствовало объ устройствѣ новой бани и даже представляло въ Духовно-Учебное Управленіе проекты плановъ и фасадовъ для этой постройки. Последніе были возвращены для разсмотрѣнія пр. Антонію II, и на этомъ пока остановилось дѣло. Въ 1846 г. снова возбуждается вопросъ объ устройствѣ бани, но опять дѣло затягивается. Уже въ концѣ 50 годовъ Духовно-Учебное Управленіе узнало, что признанная необходимою постройка бани, «по незаботливости Семинарскаго Правленія, доселѣ не начата, и даже дѣло объ этомъ сдано въ архивъ», за что и сдѣланъ

¹⁾ Донесеніе ректора арх. Стефана, Арх. Кіевск. акад., дѣла окр. пр. 1842, № 79, ср. ревиз. арх. Леонтія. Сем. арх., № 497.

былъ выговоръ Семинарскому Правленію. Въ то же время возбужденъ былъ и вопросъ о построеніи новой больницы. Семинарское Правленіе представило въ Духовно-Учебное Управленіе проектъ построенія одного зданія и для бани, и для больницы. Но и этотъ проектъ не былъ утвержденъ, такъ какъ сосѣдство — стѣна объ стѣну — бани съ больницей было признано неудобнымъ и небезопаснымъ. Дѣло снова было возвращено Семинарскому Правленію на пересмотръ, а ученики попрежнему продолжали ходить въ торговые бани и лѣчиться въ главномъ зданіи семинаріи.

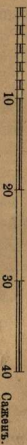
Города Воронежъ. Деревянной части 127 квар.

Планъ на жилое дворовое мѣсто, принадлежавшее Воронежской Семинаріи, съ означеніемъ на ономъ вновь въстроеннаго трехъ-этажнаго корпуса. — Все оное мѣсто заключаетъ въ себя четыре тысячи четырехста двадцать кв. сажень — 0,5-копировать съ регулярнаго квадратнаго плана, Марта 24 дня 1822 года.

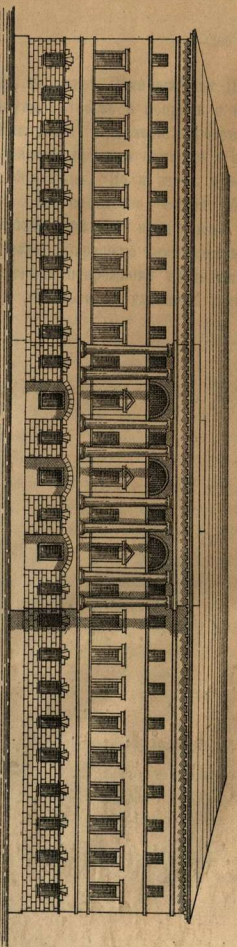

Линія Большой Дворянской улицы

Масштабъ къ плану

Фасадъ главнаго семинарскаго корпуса.

Содержаніе учениковъ.

Въ матеріальномъ обезпеченіи учениковъ, съ началомъ новаго періода, должна была произойти существенная перемѣна. До 1822 г., когда многіе семинаристы получали казенное содержаніе деньгами, имъ поневолѣ приходилось жить вмѣстѣ съ своекоштными учениками на окраинахъ города. Въ 1822 г. семинарскій корпусъ на Дворянской улицѣ былъ отстроенъ и казеннокоштные воспитанники были помѣщены въ немъ. Пр. Антоній I, приступая къ постройкѣ корпуса, думалъ помѣстить въ немъ всѣхъ семинаристовъ, но это оказалось невозможнымъ вслѣдствіе многолюдства семинаріи. Къ тому же 22 Мая 1820 г. было издано опредѣленіе о штатахъ казеннокоштныхъ семинаристовъ, по которому полагалось содержать на казенный счетъ только 100 семинаристовъ. 23 Мая 1836 г. это опредѣленіе было повторено. 8/13 Декабря 1849 г. рѣшено было принимать на казенный счетъ еще 45 учениковъ. На каждаго ученика положено было по 34 р. 28 к. въ годъ. Такимъ образомъ, на всѣхъ казеннокоштныхъ учениковъ до 1849 г. ассигновывалось по 3428 р. ежегодно; съ 1849 г. эта цифра возросла до 4970 р. 60 к. Наконецъ, по опредѣленію св. Синода 17 Ноября—1 Декабря 1865 г., въ видѣ сверхштатной прибавки изъ избытка свѣчной прибыли было ассигновано добавочнаго пособія на содержаніе 145 воспитанниковъ по 15 р. 72 к. на каждаго,—всего 2279 р. 40 к. Послѣ этого содержаніе казеннокоштныхъ семинаристовъ опредѣлилось въ 7250 р.

Въ виду того, что въ семинарскомъ корпусѣ могло помѣщаться большее количество учениковъ, рѣшено было принимать сюда еще пансіонеровъ, взимая съ каждаго по 34 р. 28 к. въ годъ. Въ число послѣднихъ входило нѣсколько учениковъ, переведенныхъ изъ училищъ Донской епархіи: къ 1868 г. число такихъ семинаристовъ достигло 22. Кро-

мѣ того 22 воспитанникамъ казачьяго происхожденія выдавалось церковно-станичное пособіе. Наконецъ, нѣсколько учениковъ были стипендіатами: семинарія имѣла въ своемъ распоряженіи стипендіи пр. Елифанія, Пареевнѣ, Іосифа, архим. Задонскаго монастыря Самуила и прот. Морозова.

Содержаніе семинаристовъ было предположено довольно приличное. Кромѣ помѣщенія, стирки бѣлья и прислуги, семинаристы пользовались казеннымъ столомъ и одеждою. Столъ въ будни состоялъ изъ двухъ блюдъ, въ праздники — изъ трехъ; въ большіе праздники, кромѣ того, семинаристамъ выдавались пироги или булки. Такой столъ могъ бы быть удовлетворительнымъ, при свѣжести продуктовъ. Но послѣднее условіе очень часто не соблюдалось. «Зависѣло это, полагаю, отъ способа заготовленія съѣстныхъ припасовъ, т. е. отъ того, что большая часть припасовъ заготовлялась чрезъ подрядъ, и поставщики все залежавшееся, несвѣжее старались, натурально, сбыть въ казенное заведеніе. А потому мы обыкновенно просили совѣтъ не лить масла въ кашу, прибавляя взамѣнъ нѣсколько ложекъ щей или супу. Тоже и съ говядиной. По контракту, подрядчики обязывались поставлять говядину перваго сорта, и она привозилась, дѣйствительно, жирная, но большею частію несвѣжая или отъ старой скотины, а потому не имѣла никакого вкуса и пріятности. Рыба появлялась на нашемъ столѣ только въ сырную недѣлю, на Благовѣщеніе и Вербное Воскресеніе, въ прочіе же постные дни всегда отвѣчалъ картофель» ¹⁾. Поэтому въ постные дни семинаристы чувствовали себя впроголодь. Одинъ семинаристъ 40-хъ годовъ рассказываетъ, что ихъ попеременно угощали за обѣдомъ двумя супами — «серебрянымъ» (съ пшеномъ) и «оловяннымъ» (съ гречневой крупой). Правда, хлѣба полагалось, сколько угодно, но онъ нерѣдко приготавливался изъ слеглой муки. Казеннымъ столомъ пользовались всѣ воспитанники,

¹⁾ Воспоминанія о. Е. Г. Свѣтзарова, стр. 69—71.

жившіе въ корпусѣ, и казеннокоштные, и полуказенные, и пансіонеры.

Кромѣ стола, казеннокоштные пользовались и одеждой. Въ началѣ періода семинаристамъ шили сюртуки и куртки изъ толстаго армейскаго сукна, такъ что семинарское обмундированіе походило на солдатское. Съ поступленіемъ въ экононы свящ. Милютина это неприглядное одѣяніе было отмѣнено: пошиты были сюртуки изъ доброкачественнаго синяго сукна. Для лѣта выдавались костюмы изъ нанковой или бумажной матеріи. Обувь была изъ простаго личного товара—одна новая пара сапогъ и двое головокъ на годъ. Нижняго бѣлья полагалось по три пары въ годъ.

На казенное содержаніе, какъ и въ предшествующемъ періодѣ, принимались сироты и дѣти бѣдныхъ родителей. Но такъ какъ на содержаніе ихъ ассигновывались очень ограниченныя суммы, то не всѣ нуждающіеся получали казенное содержаніе. Для ихъ обезпечиванія въ началѣ періода практиковался прежній способъ—зачисленіе за ними приходскихъ мѣстъ. Въ 20 и 30 годахъ количество зачисленныхъ мѣстъ колеблется между 50 и 100. Въ 183^{8/9} году оно падаетъ на 11. Съ начала 40 годовъ этотъ источникъ содержанія семинаристовъ совсѣмъ уничтожается ¹⁾.

За все разсматриваемое время практиковалось семинаристами репетированіе дѣтей. Лучшими считались уроки у дворянъ и купцовъ г. Воронежа, которые иногда могли замѣнять казенное содержаніе. Занятія съ учениками духовныхъ училищъ давали только нѣкоторое пособіе въ содержаніи семинаристовъ.—Для тѣхъ учениковъ, которые имѣли хорошій голосъ, хорошее подспорье въ содержаніи давало участіе въ хорѣ. Такихъ семинарскихъ хоровъ бывало по нѣскольку. Особенно выгодно было участіе въ архіерейскомъ хорѣ. Но за

¹⁾ См. П. Никольскаго. Зачисленіе мѣстъ за семинаристами въ XVIII и XIX в. Ворон. Еп. Вѣд. 1898, № 19, стр. 758.

то участіе въ хорахъ неблагопріятно отражалось на учебномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что пѣвчимъ дѣлались очевидныя снисхожденія.

Количество семинаристовъ, такъ или иначе содержавшихся не на счетъ родителей, не достигало половины общаго числа воспитанниковъ. Остальные ученики жили на счетъ своихъ родителей. При этомъ за все время замѣчается большая разница въ средствахъ своекоштныхъ воспитанниковъ. Уроженцы богатыхъ Донскихъ станицъ жили въ Воронежѣ припѣваючи, дѣлясь иногда отъ своихъ щедротъ даже съ учителями семинаріи. Въ худшемъ положеніи находились уроженцы Воронежской епархіи, дѣти бѣдныхъ причетниковъ и діаконовъ. Эти принуждены были проживать на окраинахъ города, у содержательницъ дешевыхъ ученическихъ квартиръ. Платя за квартиру, они запасались изъ дома провизіей и сообща вели свое несложное хозяйство. Послѣ каникулъ ученики привозили на квартиру муку, пшено, масло, яйца и проч. Понятно, что на первыхъ порахъ по пріѣздѣ они чувствовали себя крезами и потому жили сравнительно широко. Сами квартирныя хозяйки въ это время заискивали у своихъ юныхъ квартирантовъ. Послѣ всевозможныхъ поздравленій и привѣтствій отъ хозяйки, «воспитанникъ семинаріи надѣвается, вмѣсто обыкновеннаго тулупа, сѣрый армякъ своего извозчика и вмѣстѣ съ нимъ начинаетъ ссыпать муку, пшено, крупу, — словомъ все, что привезено. Здѣсь также участвуетъ и хозяйка; она теперь настоящая лиса: ея обращеніе, голосъ, взоръ невольно вызываютъ смѣхъ, потому что слишкомъ неестественны. Таковую роль она разыгрываетъ, вѣроятно, въ надеждѣ получить отъ гостя порядочный гостинецъ» ¹⁾). Закупивши затѣмъ все, что заказано изъ дома, семинаристъ не забываетъ и себя, разрѣшая себѣ иногда выпить съ то-

¹⁾ Изъ сочиненія ученика Д. Попова.

варищами при свиданіи на квартирѣ, а въ корпусѣ угостить пріятелей хорошимъ табакомъ. Но чрезъ недѣлю же это благополучіе исчезаетъ, такъ какъ исчезаютъ деньги, и семинаристъ начинаетъ жить кое-какъ. Прежде всего это замѣтно на привычкахъ, недозволенныхъ дисциплиной, въ родѣ куренія табаку. «Повсюду господствуетъ русскій табакъ—жилка, всё сдѣлались патріотами въ этомъ отношеніи. Спросите кого угодно, каждый отвѣтитъ вамъ, что онъ болѣе уважаетъ этотъ табакъ какъ изъ любви къ отечеству, такъ и потому, что этотъ табакъ онъ считаетъ для себя гораздо полезнѣе: онъ очищаетъ мокроту, голосъ, не вредитъ легкимъ и т. п.» ¹⁾). Затѣмъ недостатокъ начинаетъ ощущаться и въ самомъ необходимомъ.

Иногда семинаристъ для поправленія своихъ финансовъ рѣшался на легкомысленный, но довольно часто повторявшійся шагъ—на сватовство. Особенно часто случилось это съ воспитанниками старшаго отдѣленія, такъ наз. богословами, въ надеждѣ на скорое окончаніе курса. Такой порядокъ дѣла иногда какъ бы освящался самымъ епархіальнымъ начальствомъ, которое дѣлало по временамъ оффиціальныя предложенія ученикамъ высшаго отдѣленія, не пожелаетъ ли кто изъ нихъ жениться по окончаніи курса на такой-то невѣстѣ, съ тѣмъ чтобы поступить на освободившееся мѣсто. Прежде всего это явленіе было неудобно въ педагогическомъ отношеніи, такъ какъ отвлекало учениковъ отъ ихъ дѣла. А затѣмъ здѣсь были неудобства и матеріальнаго характера. Сосватавши себѣ невѣсту, семинаристъ очень часто забиралъ въ свои руки приданое и еще на школьной скамьѣ затрачивалъ изъ него значительную часть. Между тѣмъ, по окончаніи курса ему иногда почему-нибудь нельзя было жениться на сосватанной невѣстѣ. Бывали, конечно, и случаи прямой непорядочности семинаристовъ въ этомъ дѣлѣ, когда они оправдывали небла-

¹⁾ Изъ сочиненія ученика Д. Попова.

говидный поступокъ всевозможными, независящими отъ нихъ причинами. Естественно, что это возбуждало сильное неудовольствіе со стороны родителей невѣсты, которые вступались и за опороченное ими невѣсты, и за матеріальные убытки. Слѣдствіемъ этого были многочисленныя жалобы на семинаристовъ къ архіереямъ. Последніе по этому дѣлу неоднократно дѣлали предписанія Семинарскому Правленію, чтобы оно разясняло семинаристамъ неблаговидность этихъ поступковъ и положительно запрещало ихъ на будущее время. Съ своей стороны Семинарское Правленіе даже отбирало у учениковъ подписки въ томъ, что они не будутъ преждевременно свататься ¹⁾. Но несмотря на эти запрещенія случаи преждевременнаго сватовства повторялись и послѣ того—такова уже сила традиціи, укоренившейся среди семинаристовъ.

Д и с ц и п л и н а.

Поведеніе семинаристовъ опредѣлялось частію прежними, дореформенными правилами, частью новыми предписаніями, основанными на уставѣ духовныхъ семинарій 1808 г. и вызывавшимися обстоятельствами времени. Существенныя дисциплинарныя требованія были изложены въ цѣломъ рядѣ инструкцій, которыми руководствовались, такъ наз., старшіе и помощники инспектора.

Первая такая инструкція была составлена при самомъ преобразованіи семинарій и объявлена 30 Октября 1817 г. Этой инструкціей назначались старшіе: 1) для смотрѣнія за исправнымъ ходеніемъ учениковъ въ классы и церкви; 2) за благонавіемъ всѣхъ учениковъ въ классѣ и церкви, и 3) за домашнею жизнью учениковъ. При этомъ для бурсы было назначено три «горничныхъ» старшихъ. Квартирные старшіе, какъ и самыя квартиры, раздѣлялись по рай-

¹⁾ Сем. арх. 1851 г., 472, № 8.

онамъ, обнимавшимъ нѣсколько городскихъ приходовъ. Первый районъ квартиръ съ однимъ старшимъ во главѣ обнималъ приходы: Пятницкій, Смоленскій, на Лоску и въ Чижевкѣ; второй районъ—въ Вознесенскомъ и Ильинскомъ приходахъ; третій—въ Николаевскомъ и Успенскомъ; четвертый—въ Богословскомъ, Покровскомъ, Онуфріевскомъ и Богоявленскомъ; пятый—въ Спасскомъ. Должность старшаго въ общемъ соотвѣтствовала позднѣйшей должности помощника инспектора. Инструкція, выданная имъ, излагаетъ требованія, какія предъявлялись тогда къ семинаристамъ. 1) Ученики должны быть удалены отъ сожительства съ людьми, могущими имѣть вредное вліяніе на ихъ нравственность. 2) Они должны распредѣлять свое время, согласно предположенію Коммисіи Духовныхъ Училищъ, по установленному порядку. 3) Старшіе должны навѣдываться на квартиры сколько можно чаще, а особливо къ тѣмъ, о благоустройствѣ коихъ можно сомнѣваться. При этомъ должно примѣчать, какими ученики занимаются книгами, ибо не всякія книги въ духовныхъ училищахъ читать позволяется: о книгахъ сумнительныхъ доносить инспектору. 4) Употребленіе спиртныхъ напитковъ, пѣніе свѣтскихъ простонародныхъ, а паче развратныхъ пѣсней, сквернословіе и всякое пустословіе строго воспрещается. Самыя игры дѣтей должны имѣть свой родъ занятій; самыя прогулки должны быть поучительны. Должно предостерегать ихъ отъ разврата и доносить начальству. Кромѣ посѣщенія классовъ и церкви (5), старшіе (6) должны смотрѣть за обращеніемъ и дружескими связями учениковъ: кого они посѣщаютъ и кто ихъ. О сомнительныхъ посѣщеніяхъ доносить инспектору ¹⁾.

Въ 20-хъ годахъ надзоръ за поведеніемъ семинаристовъ былъ довольно слабъ, что зависѣло отчасти отъ тѣхъ неурядицъ, которыя происходили между начальствующими лицами. Вступивши въ пререканія съ архіереемъ, ректоръ

¹⁾ Сем. арх. 142, № 28. «Начертаніе должности старшихъ».

и инспекторъ даже не хотѣли допустить къ отправленію обязанностей вновь назначеннаго пр. Антоніемъ II помощника инспектора Ставрова. Ректоръ и инспекторъ, доносили св. Синоду пр. Антоній П, «не обращаютъ никакого вниманія на нравственность и ученіе учениковъ, такъ что ученики даже во время священнѣйшихъ занятій блуждаютъ по городу, какъ овцы безъ пастыря» ¹⁾. Особенно большіе безпорядки производили семинаристы, составлявшіе Акатовскій хоръ, которые часто самовольно отлучались на свадьбы и праздники. Быть можетъ, по случайному стеченію обстоятельствъ, за это время нѣсколько учениковъ было замѣчено въ нѣкоторыхъ очень крупныхъ проступкахъ. Въ Іюль 1829 г. ученикъ А. Поповъ подалъ профессору сочиненіе вольнодумнаго характера ²⁾. Семинарское Правле-

¹⁾ Арх. Кіевск. акад., 1829, № 106.

²⁾ Тема: «Могутъ ли быть чудеса?». «Подъ именемъ чуда разумѣется такое дѣйствіе, которое ни по какимъ законамъ природы не можетъ быть изъяснено. Принимая въ такомъ смыслѣ чудеса, никакъ не можно допустить бытіе оныхъ. Поелику чудо, взятое въ томъ смыслѣ, что ни по какимъ законамъ изъяснено быть не можетъ, возмущаетъ порядокъ природы, въ которой такъ все устроено, что все происходитъ по извѣстнымъ законамъ природы; то изъ сего слѣдуетъ, что въ природѣ ихъ должно отвергнуть. Ибо, ежели допустить, что они находятся въ порядкѣ природы, то изъ сего видно, что они не будутъ чудеса; ибо могутъ быть изъяснены порядкомъ оной; напротивъ, ежели положимъ, что они не находятся въ природѣ, т. е. что они восхищаютъ порядокъ природы, то вмѣстѣ должны положить, что они производятся не природою, но Богомъ, и слѣдовательно должны положить, что чудо производится для какой-либо высшей цѣли. Отсюда, спрашивается, предвидѣлъ ли Богъ, что Онъ долженъ будетъ въ извѣстное время дѣлать чудо для достиженія какой-либо цѣли? Ежели предвидѣлъ, то онъ же и установилъ оное въ порядкѣ природы; слѣд., всякое чудо не можетъ возмущать порядокъ оной и, слѣд., всякое чудо можетъ быть изъяснено порядкомъ природы, который всегда происходитъ по даннымъ природѣ законамъ. Но ежели мы представимъ, что Богъ не предвидѣлъ того, что должно ему будетъ дѣлать чудо для достиженія к.-л. важной цѣли, то это б. недостаткомъ его всевѣдѣнія,—это нелѣпо, и слѣд. мы должны отвѣргнуть бытіе чудесъ. Но ежели скажутъ: «что чудеса существуютъ на самомъ дѣлѣ, какъ-то: воскресеніе Лазаря и др.»... Отсюда опять спрашивается умъ, чѣмъ доказать, что воскресеніе Лазаря есть чудо? Кто постигъ всѣ законы природы? и слѣд. кто можетъ сказать, что воскресеніе Лазаря нельзя изъяснить законами природы? Никто. Итакъ лучше положить, что чудесъ въ природѣ быть не можетъ», и т. д.

ніе, низведши его за это въ 3 разрядъ, обязало его подпискою, «чтобы онъ впредь не вольнодумствовалъ, а покорялъ бы душевнаго и плотскаго въ немъ человѣка духу Христову». Пр. Антоній, которому было доложено объ этомъ дѣлѣ, предписалъ—Попова, «къ поношенію духовныхъ воспитанниковъ, дерзнувшаго суетсловить противу христіанской религіи, лжебуйнымъ ученіемъ могущаго заражать другихъ, исключить изъ семинаріи и духовнаго званія, учащимъ же, особенно профессору того ученика, подтвердить со всякимъ тщаніемъ предостерегать воспитанниковъ отъ противныхъ духу религіи лжеумствованій; ученикамъ же внушить, что истинная мудрость состоитъ не въ хитросплетенныхъ словесѣхъ и не въ буйномъ мудрованіи ума, но въ совершенномъ покореніи его слову Божію» ¹⁾. Еще ранѣе, въ 1828 г., ученикъ Е. Тарховъ обнаружилъ вольнодумство политическое, допустивши «отважное дерзновеніе писать на Высочайшее имя о предметахъ чуждыхъ понятію его, т.-е. о способахъ преобразования нѣкоторыхъ частей управленія», а также высказавши «ненависть къ своей отчизнѣ, безъ всякой основательной причины, и приверженность къ таковой странѣ (Сибири), которой онъ совсѣмъ не знаетъ, развѣ по одному только слуху». Тарховъ былъ уволенъ изъ семинаріи и изъ духовнаго званія, а «ректору и инспектору поставлено въ особенное замѣчаніе означенная безразсудная и отважная продерзость и предписано, особенно инспектору, на будущее время при посѣщеніи учениковъ въ квартирѣ бдительно смотрѣть, дабы они занимались единственно предметами до образованія себя относящимися, къ постороннимъ же занятіямъ не допускать» ²⁾. Наконецъ, въ 1829 г. возникло новое крупное дѣло. Въ Петербургскій педагогическій институтъ были отправлены ученики Н. Синявинъ и Ѳ. Сидоровъ, которые при освидѣтельствovanіи оказались зараженными «любострастною болѣзнью». Импе-

¹⁾ Списки воспит. семин., стр. 153—154. — ²⁾ Тамъ же, стр. 141—143.

раторъ Николай I, узнавшій объ этомъ, выразилъ сильное неудовольствіе оберъ-прокурору св. Синода кн. Мещерскому. Послѣдній, въ отношеніи къ пр. Антонію, предписалъ «по Высочайшей волѣ, обратить особенное вниманіе на нравственное образованіе въ духовныхъ училищахъ, столь необходимое для людей, готовящихся быть пастырями и наставниками и обязанныхъ въ семъ званіи наипаче собственнымъ примѣромъ споспѣшествовать къ насажденію въ вѣранныхъ имъ паствахъ добрыхъ нравовъ и благочестія» ¹⁾. Обнаруженіе «любострастной болѣзни» свѣтскимъ начальствомъ сильно обезпокоило Коммиссію Дух. Училищъ, которая отправила въ Воронежскую семинарію ревизора архим. Евлампія, специально для ревизіи нравственнаго состоянія семинаристовъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть отчетъ этого ревизора и потому мы не можемъ сдѣлать общихъ выводовъ о нравственномъ состояніи семинаріи за это время. Можно только положительно утверждать, что пр. Антоній былъ очень недоволенъ семинаріей въ этомъ отношеніи. Для возвышенія дисциплины онъ считалъ нужнымъ помѣстить всѣхъ учениковъ въ корпусъ, но это было немыслимо въ виду тѣсноты семинарскаго помѣщенія. Невозможно было даже помѣстить всѣхъ вблизи отъ семинаріи, такъ какъ рядомъ съ семинаріей—въ центрѣ города—квартиры были дороги. Нельзя было и увольнять многихъ семинаристовъ, такъ какъ это возбуждало ропотъ со стороны отцовъ. Оставалось, по мнѣнію архіерея, одно средство: переводить неблагонадежныхъ въ особое помѣщеніе въ корпусъ, лишая ихъ приличнаго содержанія. Признавались нужными и розги ²⁾.

Впрочемъ, пр. Антоній считалъ съ своей стороны необходимою мѣрою и увольненіе изъ семинаріи, только не высказался по этому дѣлу вдругъ. Спустя около года, онъ выразилъ свои мысли очень рѣзко. 1 мая 1831 г. на имя

¹⁾ Списки воспит. семина., стр. 151.—²⁾ Сем. архивъ, 208, № 101.

св. Синода поступилъ Имянной Указъ о разборѣ «всѣхъ излишнихъ и бесполезныхъ для духовнаго вѣдомства людей на дѣйствительную пользу государства». Семинарское Правленіе послѣ этого указа высказалось, что разбору подлежатъ не только уволенные изъ училищнаго въ епархіальное вѣдомство въ 1829—30 г.г., по недостаточному ученію и ненадежному поведенію, но и тѣ, кои и теперь обучаются въ семинаріи и низшихъ училищахъ, а между тѣмъ не надежны въ ученіи и поведеніи, хотя бы то были ученики высшаго отдѣленія семинаріи, включая въ таковыя свѣдѣнія тѣхъ учениковъ, коимъ 15 лѣтъ и болѣе». На томъ же журналѣ правленія преосвященный писалъ: «ежели, по указу св. Синода, подлежатъ разбору ученики, за худое поведеніе и безуспѣшность исключенные изъ училищнаго въ епархіальное вѣдомство въ 1829—30 г.г.: то кольми паче подлежатъ таковому же разбору нынѣ же обучающіеся въ семинаріи и низшихъ училищахъ тѣ ученики, кои не надежны въ ученіи и поведеніи; почему, не входя въ напрасную переписку, Сем. Правленіе имѣетъ выполнить Высоч. волю въ самоскорѣйшемъ времени». Несмотря на то, что послѣ этого Семинарское Правленіе дало хорошій отзывъ почти о всѣхъ ученикахъ, пр. Антоній не отступилъ отъ своего рѣшенія и собственноручно назначилъ къ увольненію въ военную службу 9 семинаристовъ изъ низшаго отдѣленія. Не ограничиваясь этимъ, онъ обратился къ кн. Мещерскому съ вопросомъ, какъ поступать съ учениками философскаго и богословскаго классовъ, «которые по замѣченной въ нихъ худой нравственности не только оказываются для духовнаго званія неблагонадежными, но и достойными еще того, чтобы по нынѣшнему разбору духовенства преданы были въ военное вѣдомство?». Въ отвѣтъ на это пр. Антоній получилъ довольно ѣдкое отношеніе кн. Мещерскаго. «Обязываюсь откровенно сообщить свое заключеніе, что еслибъ начальство семинаріи съ должною точностью наблю-

дало правила въ отношеніи къ таковымъ ученикамъ постановленныя въ училищныхъ уставахъ, то подобныхъ случаевъ и оказаться бы не могло. Правила сіи, не подвергая излишней строгости неопытную юность, весьма однако достаточны для огражденія духовныхъ учебныхъ заведеній отъ нравственной заразы. Вашему Архипастырскому попеченію предлежитъ токмо настоять за исполненіемъ оныхъ; въ случаѣ же какого сопротивленія со стороны Семин. Правленія законнымъ вашимъ по сему предмету требованіямъ, Ваше Преосвященство, конечно, не оставитъ войти въ сношеніе съ Коммиссіею Дух. Училищъ. Порядокъ сей, одинаково предписанный для всѣхъ епархій, представлялъ ненужными дальнѣйшія о порочныхъ ученикахъ распоряженія при нынѣшнемъ разборѣ, независимо отъ другихъ по сей части соображеній св. Синода. По симъ причинамъ остановился я вносить на разсужденіе онаго мнѣніе Вашего Преосвященства о распространеніи правилъ сего разбора на обучающихся въ семинаріяхъ св.-ц.-служительскихъ дѣтей»¹⁾.

Съ своей стороны семинарское начальство должно было озаботиться усиленіемъ надзора за семинаристами и составленіемъ болѣе подробныхъ инструкцій. Послѣднія были составлены къ концу 1829 г. инспекторомъ іером. Александромъ. Это инструкціи для помощника инспектора и для старшихъ. Въ общемъ, впрочемъ, эти инструкціи являются повтореніемъ прежнихъ, частью 1817 г., частью инструкцій св. Тихона I. Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить предписаніе этой инструкціи, требующее, чтобы квартирные воспитанники размѣщались у обывателей съ честнымъ именемъ и преимущественно у духовныхъ, группами отъ 7 до 10 человѣкъ. Кромѣ того, обращаетъ на себя вниманіе самый порядокъ надзора за семинаристами и нѣкоторыя частныя

¹⁾ Документальныя свѣдѣнія о перепискѣ между пр. Антоніемъ II, Сем. Правленіемъ и кн. Мещерскимъ, см. у Николаева, Списки, стр. 172—178.

дисциплинарныя требованія. «Предметъ надзора въ классѣ, хотя и сопряженъ съ неудобствомъ для старшаго тогда, когда сей не одного отдѣленія съ учениками, ввѣренными его смотрѣнію; впрочемъ свѣдѣніе о поступкахъ ихъ въ классѣ онъ можетъ пріобрѣтать, вслушиваясь въ разговоры учениковъ, по выходѣ ихъ изъ онаго. Узнавъ что-либо изъ таковыхъ разговоровъ ихъ между собою, а также объ отсутствующихъ отъ классовъ, доносить въ тотъ же день инспектору по вечеру. Во время стола старшій тщательно смотритъ, чтобы ученики входили въ столовую и выходили изъ оной въ означенное время въ порядкѣ, чтобы никто изъ нихъ не начиналъ кушать и не вставалъ изъ за стола до прочтенія молитвы, чтобы чтеніе правоученій въ продолженіи стола было соблюдаемо и ни подъ какимъ видомъ не прерывалось; поелику насыщеніе души тогда, когда насыщается тѣло, еще издревле почиталось необходимымъ въ христіанскихъ семействахъ; чтобы никто не бралъ съ собою въ комнату ни бѣлья, ни посуды изъ столовой, а если такія вещи будутъ найдены, то за сіе подвергается взысканію старшій»¹⁾).

Не смотря на усиленіе строгости въ надзорѣ за учениками, дисциплинарная сторона въ жизни семинаріи продолжала страдать замѣтными недостатками. На это указывалъ въ 1832 г. ревизоръ архим. Іеремія. Какъ и пр. Антоній II, онъ особенно былъ недоволенъ поведеніемъ квартирныхъ воспитанниковъ. «Квартирные ученики, писалъ онъ, по своей неопытности, часто замѣшиваясь въ постороннія негодныя дѣла, нерѣдко призываются въ разныя присутственныя мѣста для допросовъ и принятія присяги». Для усиленія дисциплины ревизоръ предлагалъ раздать ученикамъ инструкціи св. Тихона I, увеличить количество старшихъ, заставить ихъ ежедневно посѣщать порученныя имъ

¹⁾ Воронеж. Еп. Вѣд. 1886, № 5, стр. 179—184.

ученическія квартиры и ежедневно репортовать инспектору. Помощникъ инспектора, вмѣсто 1 раза въ мѣсяць, долженъ былъ посѣщать квартиры еженедѣльно. Впрочемъ, Комиссія Дух. Училищъ не одобрила предложенія ревизора, потому что старшіе и помощникъ инспектора такимъ образомъ могутъ отвлекаться отъ своихъ обязанностей. Инструкція же св. Тихона была признана устарѣвшею ¹⁾).

Въ 1839 г. для лучшаго надзора за учениками было назначено 4 помощника инспектора, вмѣсто одного, — 3 за квартирными воспитанниками и 1 за казеннокоштными. Но такъ какъ они въ то же время состояли профессорами семинаріи и получали незначительное жалованье, то ихъ дѣятельность была мало замѣтна въ семинарской жизни. До того времени на всѣхъ квартирныхъ учениковъ, которыхъ было болѣе 300 ч., распределенныхъ на 123 квартирахъ, было только 15 старшихъ. Пр. Антоній приказалъ раздѣлить квартиры на десятки, поручивши каждый десятокъ одному старшему, съ тѣмъ чтобы старшій производилъ ежедневно смотръ своимъ квартирамъ и чрезъ каждые три дня доносилъ на бумагѣ субъинспекторамъ, а эти инспектору. Послѣдній словесно докладывалъ о состояніи семинаріи самому архіерею ²⁾).

Въ 1848 г. на слабость дисциплины жаловался ревизоръ архим. Теофанъ, который нашелъ недостаточными прежнія инструкціи, почему предлагалъ составить новую инструкцію для квартирныхъ и пополнить инструкцію для комнатныхъ старшихъ. При этомъ онъ считалъ необходимымъ содѣйствіе инспекціи со стороны учителей. «Прявленію, сколько возможно, поддерживать власть инспектора, не оставляя его одного, т.-е. бороться съ юношескимъ нравомъ воспитанниковъ, раздѣляя неослабнымъ вниманіемъ всѣ его дѣйствія, мѣры, представленія». Для побужденія субъинспекторовъ и старшихъ къ болѣе добро-

¹⁾ Арх. Киевск. Акад. 1832, № 9. — ²⁾ Сем. арх., 343, № 89.

совѣстному исполненію ихъ обязанностей, ревизоръ предлагалъ выдавать тѣмъ и другимъ приличное вознагражденіе ¹⁾. Но это предложеніе не было выполнено.

Наконецъ, даже такой снисходительный ревизоръ, какъ архим. Леонтій (1854), нашедшій семинарію въ образцовомъ состояніи, не могъ не отмѣтить слабость дисциплины въ жизни квартирныхъ семинаристовъ ²⁾.

Такимъ образомъ, за все разсматриваемое время должны были замѣчаться безпорядки, зависѣвшіе сколько отъ неполноты семинарскихъ инструкцій и отъ недостатка инспекторскаго надзора, столько же и отъ неудобства этого надзора, при разбросанности квартиръ и безпорядочности квартирной жизни.

Не излагая всѣхъ частныхъ проступковъ семинаристовъ, отмѣтимъ изъ нихъ наиболѣе выдающіеся и часто повторявшіеся.

Наиболѣе частыми проступками противъ семинарской дисциплины были лѣность, нехожденіе въ классъ, грубость и пьянство. Въ инспекторскихъ донесеніяхъ за все время только и встрѣчаются упоминанія объ этихъ проступкахъ.

Казеннобоштные ученики не имѣли возможности часто уклоняться отъ уроковъ: имъ некуда было скрыться. Только послѣ перевода больницы въ главный корпусъ лѣнивцы стали убѣгать сюда, иногда находя себѣ гостепріимный пріютъ у фельдшера-семинариста. Квартирные воспитанники могли уклоняться отъ уроковъ довольно часто, за отсутствіемъ надлежащаго надзора. Бывали случаи, когда семинаристъ не заглядывалъ въ семинарію по нѣсколькимъ мѣсяцевъ. Напр., ученикъ Григорьевскій «въ продолженіе всей Сентябрьской трети 1849 г. ни однажды не былъ въ классѣ и, несмотря на неоднократныя внушенія инспектора, отказался, по упорной лѣности ходить въ классъ и заниматься своимъ дѣломъ». Несмотря на это, Правленіе не уво-

¹⁾ Арх. Кіевск. Акад. 1848, № 14.—²⁾ Тамъ же. 1854, № 5.

лило его изъ семинаріи, а постановило «объявить Г. во время присутствія членовъ, что если онъ на будущее время не оставитъ своей упорной лѣности и не будетъ постоянно ходить въ классъ, то послѣ іюньскихъ и іюльскихъ испытаній будетъ исключенъ изъ семинаріи съ неодобрительнымъ поведеніемъ» ¹⁾. Еще раньше, въ 1840 г., Сем. Правленіе выразило подобную же снисходительность къ лѣнивцамъ. Зная, что ученикъ въ 1½ года «едвали на половину ходилъ въ классы», а въ послѣдній мѣсяцъ ни разу не былъ тамъ, Правленіе наказало его только 5-дневнымъ заключеніемъ въ уединенное мѣсто» ²⁾. Неудивительно поэтому, что семинаристы привыкали смотрѣть на этотъ проступокъ, какъ на очень неважный. Отсюда нерѣдки записи учениковъ отсутствующими на 30 и даже 45 урокахъ въ мѣсяцъ ³⁾. Особенно часто уклонялись воспитанники отъ посѣщенія второстепенныхъ предметовъ, напр., языковъ, сельскаго хозяйства и медицины. Но бывали случаи, когда ученики въ большомъ количествѣ не являлись на уроки даже къ ректорамъ, такъ что архим. Веніаминъ даже просилъ Правленіе выработать какія нибудь мѣры противъ этого безпорядка: оказалось, что на его урокахъ не бывало очень многихъ учениковъ.

Сами семинаристы старались обставить уклоненіе отъ уроковъ благовидными причинами. Напр., свое запоздалое возвращеніе съ каникулъ они обыкновенно объясняли тѣмъ, что ихъ родственникамъ некогда было везти ихъ въ Воронежъ. Чтобы на будущее время преградить возможность подобныхъ отговорокъ, Семинарское Правленіе съ 1858 г. постановило: за каждый просроченный день съ священника взимать 1 р. штрафа, съ діакона 50 к., съ причетника 25 к. ⁴⁾. Обычное уклоненіе отъ уроковъ объяснялось и семинаристами, и начальствомъ неудобнымъ распредѣленіемъ

¹⁾ Списки, стр. 381. — ²⁾ Донесенія инспектора отъ 15 ф. 1840 г. —

³⁾ Сем. арх. 246, № 63, 29. — ⁴⁾ Тамъ же, 600, № 36.

классныхъ занятій. Занятія распадались на двѣ половины—до обѣда, съ 8 до 12 ч. дня, и послѣ обѣда, съ 2 до 4 ч. пополудни, причемъ до обѣда преподавались главные предметы, а послѣ обѣда—второстепенные. И для учителей, и для учениковъ было непріятно идти въ семинарію послѣ обѣда. Особенно же непріятно было это дѣлать тѣмъ учителямъ и ученикамъ, которые жили на квартирахъ вдали отъ семинаріи. Идти съ низовъ и окраинъ города въ осеннюю и весеннюю слякоть на такіе предметы, которымъ не придавалось большого значенія, для многихъ изъ учениковъ казалось совершенно излишнимъ. Въ виду такого неудобства, ректоръ арх. Иларіонъ въ 1850 г. предлагалъ Сем. Правленію ходатайствовать предъ Академич. Правленіемъ о соединеніи уроковъ въ дообѣденное время. Ходатайство, дѣйствительно, было представлено въ Окружное Правленіе, причемъ Воронежское Правленіе ссылалось на примѣръ Кіевской семинаріи ¹⁾. Но разрѣшеніе этого дѣла послѣдовало не скоро. Въ 1854 г. прежнее неудобство было отмѣчено ревизоромъ арх. Леонтіемъ ²⁾. Уже въ 1855 г. св. Синодъ, наконецъ, уважилъ просьбу Семинарскаго Правленія ³⁾.

Грубость и нетрезвость, на которые часто жалуется сем. начальство, по большей части соединяются вмѣстѣ: подвыпившій семинаристъ, замѣченный инспекторомъ, во хмѣлю показывалъ свою храбрость дерзкими рѣчами по адресу начальства. Въ инспекторскихъ записяхъ эти слабости отмѣчаются наиболѣе часто. И опять таки эта слабость чаще замѣчается за квартирными воспитанниками, чѣмъ за казеннокоштными. Разбросанныя по окраинамъ города, гдѣ-нибудь на Лоску или около Успенской церкви, квартиры были очень удобны для товарищескихъ пирушекъ. И по отзывамъ здравствующихъ священниковъ и причетниковъ, не мало молодыхъ жизней загублено на этихъ квартирахъ, многіе

¹⁾ Сем. арх. 472, № 15.—²⁾ Арх. Кіевск. Академ. 1854.—³⁾ Сем. арх., 497, № 3

здѣсь именно пріобрѣли несчастную склонность къ вину и къ безшабашному образу жизни. Картина семинарскаго ку-тежа, изображенная Никитинымъ, повидимому взята съ на-туры. Любители веселья, впрочемъ, не довольствовались по-пойками въ квартирахъ: нѣкоторые заботились о томъ, какъ бы обставить свое веселье наиболѣе поэтично. Съ этою цѣлью въ 20 г.г. семинаристы отправлялись на лодкахъ въ Тавровъ, а въ 30—50 г.г. для этой же цѣли избирался, такъ наз., Кругленькій лѣсъ или Викулина роща, находя-щаяся за Чижевкой. Здѣсь, вдали отъ инспекторскаго надзора, давался полный просторъ и хорошимъ, и—еще чаще—дур-нымъ склонностямъ молодыхъ людей. За кружкою пива или за бутылкою водки затѣвались отвлеченные споры философ-скаго характера или разговоры о литературныхъ новостяхъ, но въ той же обстановкѣ начиналось и безобразное пѣніе, и грубая брань, и драки. Возможность поговорить и поспо-рить на свободѣ привлекала сюда иногда и скромныхъ се-минаристовъ, не принимавшихъ участія въ попойкахъ.— Иногда, впрочемъ, и само семинарское начальство разрѣ-шало семинаристамъ загородныя прогулки, устраивая, такъ наз., рекреаціи и даже принимая въ нихъ участіе. Въ эти дни воспитанники освобождались отъ классныхъ занятій и отправлялись съ утра за городъ въ какую-нибудь рощу (семинаристы большею частію въ Загородную архіерейскую-Троицкую, а ученики дух. училища—въ Круглый лѣсъ), гдѣ и проводили время въ разныхъ играхъ до вечера. Въ прогулкахъ этихъ принимали участіе начальствующіе и уча-щіе, нѣкоторые даже съ семействами, озабочиваясь, чтобы воспитанникамъ было чѣмъ подкрѣпить свои силы. Бывали на рекреаціяхъ даже архіереи; «въ позднѣйшее время не разъ посѣщалъ оныя архіепископъ Парѣеній (старецъ) и отъ себя давалъ воспитанникамъ разныя утѣшенія чрезъ эконо-ма. Сюда же всегда являлись услужливые продавцы бу-локъ, пирожковъ, бубликовъ и разныхъ лакомствъ. Все

это иногда покупалось начальствующими и учащими и раздавалось ученикамъ. «Весело, оживленно проходили эти прогулки и благотворно дѣйствовали на укрѣпленіе здоровья учениковъ, но никакихъ безпорядковъ или неприличій на нихъ не было. Не въ ущербъ они были и занятіямъ, ибо ученики съ удвоеннымъ стараніемъ и охотою послѣ того принимались за дѣло» ¹⁾). Это свидѣтельство семинариста 30-хъ годовъ подтверждается и И. С. Никитинымъ, вышедшимъ изъ семинаріи въ 1843 г. Картина рекреации, нарисованная имъ въ «Дневникѣ семинариста» ²⁾), конечно, памятна всѣмъ, читавшимъ это сочиненіе, а потому достаточно замѣтить о ней, что она вполне вѣрна дѣйствительности.

Остается сказать еще о дисциплинарныхъ взысканіяхъ за проступки учениковъ. Самою обычною мѣрою взысканія былъ выговоръ провинившемуся отъ инспектора или помощника инспектора. Въ томъ случаѣ, когда проступокъ былъ крупный или часто повторявшійся, онъ заносился въ штрафную книгу и о немъ докладывалось Семинарскому Правленію. Последнее обязано было ежемѣсячно призывать неисправныхъ и въ присутствіи всѣхъ членовъ дѣлать имъ внушеніе. Въ то же время призывались въ Правленіе и особенно благонравные, которымъ выражалось одобреніе семинарскаго начальства. Слѣдующею мѣрою взысканія было лишеніе обѣда или ужина и заключеніе въ карцеръ. Последний представлялъ изъ себя темную комнату безъ всякой мебели. Онъ помѣщался въ семинарскомъ флигелѣ: въ 30 г.г. для него была отгорожена часть столовой. Что касается наказаній унижительнаго характера, то ихъ было очень мало, вѣроятно, потому что ихъ съ трудомъ выносили сами семинаристы, у которыхъ замѣчается сильное развитіе собственного достоинства. Вотъ одинъ изъ нѣсколькихъ случаевъ, засвидѣтельствованный официально. 8 Дек. 1841 г.

¹⁾ Свѣтозаровъ. Воспоминанія, стр. 57—59. — ²⁾ Никитинъ. Сочиненія, стр. 318—322.

ученикъ Гаевскій «произвелъ буйство съ правленскимъ служителемъ, за что въ наказаніе приказано было ему стоять въ столовой на колѣняхъ за ужиномъ. Но онъ не хотѣлъ выполнить этого штрафа, сказавши инспектору прямо: «я никогда не унижусь до того, чтобы стать на колѣна». На другой день Гаевскому за небытіе въ классъ назначено стоять въ классѣ на колѣняхъ; но онъ, узнавши объ этомъ, не хотѣлъ даже и сидѣть въ классѣ и когда инспекторъ изъяснилъ на него свой гнѣвъ и негодованіе за его ослушаніе и грубость, то онъ отважился на самоутопленіе, подкинувъ между тѣмъ записку, въ которой оправдываетъ себя, а инспектора обвиняетъ и описываетъ самыми мрачными красками. Но однако же почему то ему не удалось исполнить своего намѣренія»¹⁾).

Въ числѣ самыхъ строгихъ мѣръ, кромѣ стоянія на колѣняхъ, было еще прислуживаніе за ученическимъ столомъ. Что касается собственно тѣлесныхъ наказаній, то они несомнѣнно существовали. Законность и цѣлесообразность ихъ признана была официально пр. Антоніемъ II. Но примѣнялась эта мѣра чрезвычайно рѣдко. При этомъ она практиковалась только въ низшемъ отдѣленіи, гдѣ семинаристы еще живо помнили училищные порядки и, слѣдовательно, довольно спокойно относились къ этому наказанію. Въ среднемъ и высшемъ отдѣленіи эта мѣра взысканія совсѣмъ не допускалась. А къ концу періода эта мѣра почти не примѣнялась и въ низшемъ отдѣленіи.

Высшею мѣрою взысканія было увольненіе провинившагося изъ семинаріи. Эта крайняя мѣра приурочивалась болѣею частію къ концу учебнаго года. Только въ исключительныхъ случаяхъ допускалось увольненіе среди года. При этомъ нерѣдки случаи, когда уволенные, по прошествіи нѣкотораго срока, принимались снова въ семинарію.

¹⁾ Николаевъ, Списки, стр. 282—283.

Въ совершенно исключительныхъ случаяхъ провинившагося, послѣ увольненія изъ семинаріи, исключали изъ духовнаго вѣдомства и отдавали въ военную службу. Такъ было поступлено съ вышеупомянутымъ Тарховымъ, обвиненнымъ въ политической неблагонадежности. Предложеніе пр. Антонія примѣнить эту же мѣру ко многимъ лѣнивымъ и не исправнымъ семинаристамъ во время послѣдняго разбора не встрѣтило сочувствія со стороны оберъ-прокурора св. Синода и потому было отклонено.

Отмѣтивши отрицательную сторону въ поведеніи Воронежскихъ семинаристовъ, слѣдовало бы остановиться на положительной сторонѣ, на тѣхъ фактахъ, которые характеризуютъ благонравіе воспитанниковъ. Это было бы тѣмъ болѣе справедливо, что процентъ неблагонаправленныхъ въ штрафныхъ книгахъ, совершенно незначителенъ сравнительно съ общимъ количествомъ воспитанниковъ. Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ для характеристики добрыхъ сторонъ въ поведеніи семинаристовъ. Воспоминанія самихъ семинаристовъ, рисующихъ доброе старое время розовыми красками, слишкомъ общи и неопредѣленны въ этомъ пунктѣ, чтобы можно было воспользоваться ими. Это, впрочемъ, вполне естественно, такъ какъ вообще положительная сторона жизни съ трудомъ поддается опредѣленію, тогда какъ отрицательная рѣжетъ глаза и потому легко отмѣчается. Есть, впрочемъ, одинъ источникъ для опредѣленія положительныхъ качествъ семинаристовъ. Это тѣ же штрафныя книги, въ которыхъ наряду съ проступками отмѣчаются и выдающіяся добродѣтели избранныхъ по благонравію учениковъ. Послѣднія отмѣтки, не характеризуюя всей семинаріи, говорятъ однако о томъ, какія идеальныя требованія предъявлялись начальствомъ къ семинаристамъ. Вотъ нѣсколько наиболѣе часто повторяющихся отмѣтокъ. «Весьма тихъ и особенно усерденъ ко храму Божію, который украшаетъ благоговѣйнымъ чтеніемъ и пѣ-

ніемъ». «Ежедневно ходитъ въ храмъ Божій на всѣ службы». «Степенность не по лѣтамъ». «Дѣтски простодушенъ». «Отличается благородствомъ характера, вѣжливостью и прямодушіемъ». «Отличается благопокорливостью». «Съ большою охотою читаетъ хорошія книги, занимается рисованьемъ, музыкой, весьма трудолюбивъ». «Добръ: когда ученикъ, противившійся и грубившій ему, усмиренъ будучи, испрашивалъ у него, какъ у старшаго, прощеніе, самъ онъ былъ замѣченъ плакавшимъ». «Благодѣтель: бѣднаго ученика, ему ни сроднаго, ни знакомаго, снабдилъ одѣяніемъ». «Вообще же въ семинаріи соблюдается возможная тишина, надлежащій порядокъ и скромность». «Въ семинаріи тихо и смиренно». «Благодареніе Господу Богу: все благополучно».

Воронежская семинарія во время введенія духовно-учебной реформы 1867 года.

Неудовлетворительное состояніе духовныхъ школъ въ началѣ 60 годовъ вызываетъ особые толки и въ правящихъ сферахъ, и въ печати. Слѣдствіемъ этихъ толковъ является стремленіе произвести всестороннюю реформу духовныхъ школъ. Вопросъ объ этомъ преобразованіи съ 1860 до 1866 г. обсуждался двумя спеціальными комитетами, епархіальными архіереями, ректорами, академическими конференціями и печатью. На помощь духовному вѣдомству выступило и правительство, ассигновавшее на духовныя школы пособіе въ количествѣ 1¹/₂ милліона рублей. Наконецъ, въ 1867 г. началась самая реформа: Дух.-Уч. Управленіе замѣнено Дух.-Учебнымъ Комитетомъ и тогда же утверждены новые семинарскій и училищный уставы. Но эти уставы вводились постепенно, по частямъ. Въ Воронежской семинаріи преобразование закончилось уже 1 Іюля 1874 г., когда былъ преобразованъ учебный курсъ. Такимъ образомъ, 60-е и начало 70-хъ годовъ являются переходнымъ временемъ въ жизни Воронежской семинаріи, да-

же съ официальной точки зрѣнія. Еще съ большимъ правомъ можно назвать это время переходнымъ, если присмотрѣться къ внутренней жизни семинаріи: въ это время замѣчается сильное оживленіе въ семинаріи, старые порядки подвергаются критикѣ, иногда довольно рѣзкой, а взамѣнъ ихъ выставляются требованія улучшеній, примѣнительно къ общественнымъ теченіямъ 60 годовъ и принципамъ новыхъ духовно-учебныхъ уставовъ.

Еще 31 Іюня 1859 г. пр. Іосифъ обратился въ Семинарское Правленіе съ слѣдующимъ секретнымъ предписаніемъ. «Въ настоящее время, когда многіе изъ свѣтскихъ стороннихъ лицъ стараются подмѣтить въ нѣкоторыхъ духовныхъ училищахъ какія-либо затрудненія или *неразсудительно строгій образъ обращенія* начальниковъ и наставниковъ училищъ съ учениками, нужнымъ усматривается предложить Воронежскому Семинарскому Правленію обратить особое вниманіе на образъ дѣйствованія и самой жизни начальниковъ и наставниковъ училищъ, и когда въ какомъ-либо училищѣ замѣтится что-либо неодобрительное, доводить до свѣдѣнія моего для принятія, совокупно съ Семинарскимъ Правленіемъ, мѣръ къ предотвращенію могущихъ произойти отъ сего безпорядковъ». 5 Октября 1859 г. Семинарское Правленіе разослало всѣмъ смотрителямъ училищъ слѣдующее отношеніе. «Сообразно съ требованіями своего званія и *настоящаго времени*, позаботьтесь не только не дозволить себѣ какихъ-либо злоупотребленій и неприличныхъ дѣйствій въ управленіи ввѣреннымъ Вамъ заведеніямъ, но и показывать въ самихъ себѣ примѣръ *разумнаго и благороднаго дѣйствованія и обращенія съ подчиненными*; и наставникамъ внушать подобный, *честный и благородный образъ дѣйствованія въ отношеніи къ воспитанникамъ*, а равно и безукоризненный образъ жизни, свободный отъ всякаго нареканія» ¹⁾. Хотя это распоряженіе касалось соб-

¹⁾ Семин. архивъ, 618, № 43. Курсивъ нашъ.

ственно духовныхъ училищъ, но такъ какъ оно сдѣлано чрезъ Семинарское Правленіе и притомъ самимъ преосвященнымъ, то оно было обязательно и для семинаріи. Уже въ этомъ распоряженіи выставляется общественное мнѣніе, какъ основаніе для новаго направленія въ педагогию, при чемъ на первый планъ выставляется необходимость разумнаго, честнаго и благороднаго обращенія начальниковъ съ подчиненными и учениками. Эти требованія, въ первый разъ высказанныя офиціально пр. Іосифомъ, при его преемникѣ достигаютъ своего высшаго развитія. По особому стеченію обстоятельствъ, въ это время на Воронежской кафедрѣ является такой архипастырь, при которомъ новое вѣяніе въ духовныхъ школахъ могло развиваться особенно легко. Это былъ одинъ изъ популярнѣйшихъ въ Воронежѣ архіереевъ — пр. Серафимъ.

Пр. Серафимъ, долгое время прослужилъ въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ ¹⁾. Онъ посѣщалъ семинарію и особенно любилъ бывать на экзаменахъ, но не столько для контроля за порядками и методами преподаванія, сколько для того, чтобы подѣлиться своими богословскими разсужденіями съ молодыми слушателями. Назначеніе пр. Серафима было особенно важно въ то время, когда и по уставу Семинарскому Правленію и корпораціи было предоставлено больше самостоятельности, чѣмъ прежде. Освободившись отъ стѣснительной опеки такого строгаго архіерея, какъ пр. Іосифъ, и не имѣя надобности входить въ сношенія съ обружнымъ правленіемъ, которое новымъ уставомъ было уничтожено, Семинарское Правленіе очень свободно относится къ разнымъ педагогическимъ вопросамъ. Даже въ сухихъ архивныхъ документахъ можно замѣтить за это время громадную разницу сравнительно,

¹⁾ Онъ былъ инспекторомъ Казанской академіи и ректоромъ семинарій: Ставропольской, Могилевской, Херсонской и Тамбовской. Характеристику его, какъ инспектора Казан. акад. и ученаго, см. у П. Знаменскаго. Исторія Казанской дух. академіи, т. I, стр. 70—72; т. III, стр. 155.

напр., съ 50-ми годами: тамъ царить форма, за которою почти совсѣмъ не видно людей; здѣсь видна жизнь: многіе педагоги выступаютъ съ своими индивидуальными чертами. Пр. Серафимъ былъ человѣкъ чрезвычайно общительный и любившій духовную науку. И то, и другое имѣло благотворное вліяніе на жизнь семинаріи. Допуская семинарскую корпорацію до близкаго общенія съ собою и вступая съ преподавателями въ отвлеченныя религіозныя бесѣды и даже споры, пр. Серафимъ много способствовалъ поднятію самочувствія учителей и возбужденію среди нихъ научно-богословскихъ интересовъ. На послѣднее особенно сильное вліяніе имѣли, такъ называемые, «Серафимовскіе четверги», о которыхъ съ такимъ удовольствіемъ вспоминаютъ теперь участники. Это были особые вечера у пр. Серафима, на которые приглашались преподаватели семинаріи, воронежскіе священники и свѣтскія лица. Здѣсь поднимались оживленные разговоры о богословскихъ вопросахъ, причемъ душою всѣхъ разсужденій и споровъ былъ самъ владыка. Правда, его разсужденія болѣе свидѣтельствовали о его ораторскихъ приемахъ, чѣмъ о богатствѣ положительныхъ научныхъ свѣдѣній, и носили отвлеченный характеръ ¹⁾, но для провинціи, небогатой богословами, это былъ настоящій кладъ и потому различныя мнѣнія этого владыки и теперь передаются его слушателями-преподавателями семинаріи, какъ мнѣнія авторитетнаго богослова Православной Церкви.

Возбужденіе научно-богословскихъ интересовъ имѣло своимъ слѣдствіемъ открытіе публичныхъ лекцій въ Митрофановскомъ монастырѣ, гдѣ преподаватели семинаріи тоже принимали дѣятельное участіе наряду съ учеными воронежскими священниками. Это были не внебогослужебныя собесѣдованія съ народомъ, а именно богословскія лекціи полу-

¹⁾ Этотъ отвлеченно-риторическій характеръ его богословствованія прекрасно очерченъ у проф. П. В. Знаменскаго, Цит. соч., т. II, стр. 175, 190—196.

сы, возбуждавшіеся въ семинарской жизни, рѣшались однимъ Правленіемъ, состоявшимъ изъ ректора, инспектора и эконома. Теперь всѣ семинарскія должности сдѣлались избирательными. Только это избраніе получало значеніе при утвержденіи его Д.-Учебнымъ Комитетомъ. Правленіе, по уставу 1867 г. раздѣлялось на Распоряд. и Педагогическое Собранія, послѣднее въ количествѣ 12 членовъ, тоже избиравшихся всей семинарской корпораціей. — Въ Воронежской семинаріи всѣ эти измѣненія вводились постепенно, по мѣрѣ надобности. И во всѣхъ случаяхъ семинарская корпорація относилась къ этому новому для нея дѣлу съ живѣйшимъ участіемъ, иногда обнаруживая даже излишнюю горячность. Явились при этомъ и неизбѣжныя пристрастія, и оскорбленныя самолюбія, и даже своего рода партіи. Мы не рѣшаемся подробно излагать всѣхъ частныхъ обнаруженій этого новаго порядка, потому что большая часть тогдашнихъ преподавателей еще здравствуетъ. Только для иллюстраціи этого новаго явленія остановимся на одномъ фактѣ. Остальные достаточно перечислить. Въ 1867 г. было учреждено Педагогическое Собраніе, въ которое, кромѣ ректора, инспектора и 3 депутатовъ отъ духовенства, было избрано семь преподавателей или заслуженныхъ, или выдававшихся среди другихъ. Въ 1869 г. избранъ новый экономъ, послѣ смерти Щеголева. Въ 1868 г. избранъ инспекторъ Ермоленко, послѣ перемѣщенія іером. Арсенія. Наконецъ, въ 1872 г., послѣ возведенія арх. Веніамина въ епископа Острогжскаго, семинарская корпорація должна была избрать себѣ новаго начальника. Прежде всего были разосланы приглашенія баллотироваться на должность ректора. Всего было намѣчено 12 кандидатовъ. Изъ наличныхъ преподавателей семинаріи въ кандидаты были намѣчены: свящ. И. В. Адамовъ, свящ. П. Е. Палицынъ и П. А. Вышневскій, но послѣдній отказался отъ баллотировки. Кромѣ того, приглашенія сдѣланы были слѣд. лицамъ: прот. І. Дагаеву, ключарю Ал. Попо-

ву, смотрителю Павл. уч. Булгаревичу, свящ. И. Смирницкому (все отказались отъ баллотировки), свящ. Ѳ. Никонову («не прекословлю»), свящ. М. И. Некрасову, архим. Фотію, члену СПБ. цензурнаго комитета, и священнику г. Вязниковъ, Влад. епархіи, о Д. А. Пѣвницкому. На баллотировкѣ 17 Декабря 1871 г. большинство избирательныхъ шаровъ было положено Пѣвницкому (11 противъ 9), второе мѣсто занялъ о. Адамовъ (10 противъ 10). Такимъ образомъ, Семинарское правленіе указало только на одного кандидата въ ректора. Съ своей стороны пр. Серафимъ и объ этомъ кандидатѣ отзывался въ Уч. Комитетъ, какъ о лицѣ, ему совершенно неизвѣстномъ. Комитетъ самый порядокъ избранія призналъ неправильнымъ. Баллотировавшіеся изъ преподавателей сами участвовали въ своемъ избраніи, что противорѣчило уставу. Что же касается Пѣвницкаго, то мало того, что онъ былъ совершенно неизвѣстенъ ни семинарской корпораціи, ни Учебному Комитету, но и самое избраніе его происходило послѣ частной переписки съ нимъ препод. В. Маврицкаго, а не послѣ официальнаго сношенія съ нимъ Семинарскаго Правленія. Поэтому предписано было произвести другую баллотировку. Такъ какъ на этотъ разъ многіе изъ прежнихъ кандидатовъ отказались отъ баллотировки, то пришлось пригласить еще нѣсколькихъ кандидатовъ со стороны: препод. Тамб. сем. І. Сладкопѣвцева, П. Лосева, инсп. Рязан. семинаріи, свящ. Исаенко, инсп. Полтавской сем. и др. Но и на этотъ разъ большинство избирательныхъ шаровъ было положено Пѣвницкому. Послѣ этого избраніе новаго ректора было утверждено Д.-Учебнымъ Комитетомъ. Такимъ образомъ молодое избирательное собраніе не могло остановиться ни на одномъ своемъ Воронежскомъ кандидатѣ, а сочло нужнымъ избрать себѣ начальни-ка со стороны, который былъ извѣстенъ только одному преподавателю Маврицкому ¹⁾.

¹⁾ Сем. архивъ, 779, № 1.

Переходя къ характеристикѣ дѣйствій Педагогическаго Собранія, мы должны и здѣсь отмѣтить живое отношеніе членовъ его къ разнымъ педагогическимъ вопросамъ. Такъ, напр., члены Собранія изъ преподавателей принимали горячее участіе при выработкѣ новыхъ правилъ семинарской инструкціи. Многие, не соглашаясь съ предложеніями ректора и инспектора, оставались при особомъ мнѣніи о нѣкоторыхъ дисциплинарныхъ требованіяхъ, что и выражали въ особыхъ отношеніяхъ къ Правленію.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ это время и вообще преподаватели отличались такою самостоятельностью, которая не мыслима была ни прежде, ни теперь.

Самостоятельность преподавателей могла бы имѣть только благія послѣдствія, еслибы преподавательская корпорація въ своихъ цѣляхъ и дѣятельности шла рука объ руку съ инспекціей. Между тѣмъ въ рассматриваемое время чувствуется глухая, а иногда и открытая борьба между преподавателями и инспекціей. Въ официальныхъ донесеніяхъ неоднократно встрѣчается сѣтованіе инспектора Ермоленко на то, что «не примѣчалось ни въ комъ изъ наставниковъ сочувственнаго содѣйствія инспектору въ дѣлѣ воспитанія» ¹⁾. Особенно рѣзкимъ и даже болѣзненнымъ является протестъ противъ инспектора, а потомъ противъ Правленія и даже противъ пр. Серафима со стороны учителя А. Роменскаго. Еще въ отчетѣ за 1869—70 г.г. читаемъ, что онъ «противодѣйствовалъ распоряженіямъ инспектора, касавшимся благоустройства и порядка ученія и воспитанія, именно касательно переключки учениковъ на своемъ урокѣ, касательно объявленія штрафовъ, касательно требованія отъ учениковъ приличія и вѣжливости къ старшимъ и особенно къ начальствующимъ». Мало этого, Роменскій не стѣснялся въ классѣ предъ учениками осуждать мѣры начальства. На вопросъ

¹⁾ Сем. арх. 744, № 9, сравн. отчетъ за 1871—1872 г.

инспектора, объявилъ ли Роменскій въ классѣ положенный ученикамъ штрафъ, Роменскій отвѣчалъ: «что это? всякія глупости я стану объявлять?» А когда однажды при немъ вошелъ въ классъ для переклички помощникъ инспектора, то онъ грозилъ выгнать его оттуда палкою. Начатое послѣ этого слѣдствіе сдѣлало Роменскаго еще болѣе раздражительнымъ. Оправдываясь въ возводимыхъ на него обвиненіяхъ, онъ съ конца 1869 до 1871 г. подалъ въ Семинарское Правленіе 14 бумагъ, переполненныхъ самыми оскорбительными для начальства выходками. Инспектора Ермоленко онъ называлъ здѣсь недобросовѣстнымъ, клеветникомъ, его поступки монашескими и т. п. Въ Педагогич. Собраніи онъ однажды прокричалъ: «если у Васъ такъ будутъ идти дѣла и послѣ, какъ доселе ведены были, то, смотрите, уцѣлѣли бы ваши бороды!» Правленіе Семинаріи онъ называлъ недобросовѣстнымъ и легкомысленнымъ, дѣлающимъ глупости. Даже резолюціи пр. Серафима онъ проницески называлъ «премудрыми» и прямо — «капризными и легкомысленными». Между тѣмъ въ это время появилась корреспонденція въ газетѣ «Голосъ», оскорбительная для личности инспектора. А въ личныхъ объясненіяхъ съ инспекторомъ Роменскій обнаруживалъ даже желаніе драться. Вслѣдствіе этого пр. Серафимъ, заподозрѣвши въ немъ психическое разстройство, распорядился, чтобы надъ нимъ произведено было медицинское освидѣтельство. Для этой цѣли Роменскаго поддерживали двѣ недѣли въ городской больницѣ, а потомъ выпустили. Это еще болѣе раздражило его и онъ окончательно потерялъ всякій тактъ. Его прошенія объ увольненіи въ Петербургъ долго не удовлетворялись. Назначенный слѣдователь изъ духовенства, прот. Ивановъ, тоже высказался противъ него. Наконецъ, въ 1871 г. Роменскій былъ уволенъ отъ должности ¹⁾.

¹⁾ Сем. архивъ, 755, № 64.

Въ умственномъ отношеніи семинарская корпорація 60 и 70 годовъ рисуется свѣтлыми чертами. Въ это время среди преподавателей является множество даровитыхъ лицъ, каковы М. Ф. Ястребовъ, въ настоящее время профессоръ Кіевской академіи, Д. И. Самбикинъ, нынѣ архіепископъ Тверской, Н. П. Марковъ, составившій учебникъ по философіи, за который автору присуждена была премія м. Макарія, М. И. Невскій, въ настоящее время епископъ Смоленскій, М. И. Некрасовъ, бывший потомъ ректоромъ Московской академіи, въ настоящее время епископъ Курскій, П. А. Вышневскій, о которомъ и теперь бывшіе семинаристы говорятъ, какъ о человѣкѣ необыкновенно умномъ, Гр. Ив. Недѣтовскій, авторъ интересныхъ бытовыхъ романовъ, Н. И. Ляборинскій и др. Но, что особенно важно, большинство преподавателей были оживлены умственными интересами и горячо принимали къ сердцу современное общественное движеніе. Отсюда дѣленіе ихъ на славянофиловъ и западниковъ, отсюда вниманіе къ литературнымъ новинкамъ, отсюда же горячіе споры о вопросахъ общественныхъ не только въ частныхъ бесѣдахъ съ глазу на глазъ, но и на товарищескихъ вечеринкахъ. Для такой корпораціи требовался какой-нибудь періодическій органъ, чрезъ который бы она могла дѣлиться съ обществомъ своими мыслями и знаніями, такъ какъ сотрудничество въ мѣстныхъ газетахъ могло имѣть только случайный характеръ, вслѣдствіе несоотвѣтствія характера этихъ газетъ направленію и интересамъ богословски образованныхъ людей. Желаннымъ органомъ и явились Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости, основанныя въ 1865 г. и начавшія издаваться съ 1866 г. Съ первыхъ же лѣтъ своего существованія Вѣдомости сдѣлались преимущественно семинарскимъ органомъ, хотя редакторами ихъ иногда назначались и лица изъ городского духовенства (Никоновъ, Некрасовъ, Адамовъ). Конечно, на выхъ порахъ, по новости дѣла, въ молодомъ органѣ бы-

ло не мало промаховъ, преимущественно внѣшняго характера, различныхъ недочетовъ въ изданіи, недосмотровъ въ корректурѣ и т. п. Но въ общемъ задача органа была хорошо понята редакціей. Епарх. Вѣдомости—органъ мѣстный и потому больше всего должны удѣлять вниманія мѣстнымъ вопросамъ. Въ Воронежскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ, за рассматриваемое время, дѣйствительно, дается очень много матеріала по мѣстной, преимущественно церковной, исторіи. Особенно много потрудился въ этомъ направленіи А. И. Николаевъ. Редакція, кромѣ того, приглашала къ участію въ Вѣдомостяхъ и епархіальное духовенство, прося присылать статьи мѣстнаго характера. За первые годы поэтому мы находимъ въ Вѣдомостяхъ массу описаній церквей и монастырей, множество замѣтокъ о мѣстной старинѣ и т. п. Будущій историкъ Воронежскаго края и особенно Воронежской епархіи найдетъ въ этомъ органѣ драгоцѣнный, хотя часто и сырой, матеріалъ для своего труда.

Въ самомъ преподаваніи за это время замѣчается оживленіе, перемѣна стараго отвлеченно-діалектическаго метода на новый, болѣе современный, историческій и практический. Даже въ темахъ для сочиненій замѣчается меньше отвлеченности. Къ тому же иногда темы, напр., по словесности, по совѣту наставниковъ, разрабатываются не въ видѣ отвлеченныхъ разсужденій, а въ формѣ живыхъ разсказовъ и повѣстей. Таковы, напр., темы: «Начало учебной трети», «Воскресный день въ деревнѣ», «Священникъ у прихожанина на праздникъ Пасхи» и т. п. Нѣкоторыя изъ просмотрѣнныхъ нами работъ на эти темы отличаются живостью и литературностью изложенія и, что особенно интересно, рядомъ съ ними помѣщаются уже настоящія повѣсти учениковъ, очевидно, не имѣвшія значенія срочныхъ ученическихъ работъ, но снабженныя учительской рецензіей. Говоря о преподаваніи, нельзя обойти молчаніемъ и такъ наз. либерализма въ этомъ дѣлѣ. Положительно въ этомъ о

шеніи можно говорить только о двухъ преподавателяхъ. Напр., ученики смущались нѣкоторыми объясненіями Роменскаго и выражали это смущеніе Ермоленко, который тогда еще не былъ инспекторомъ. Однажды Роменскій далъ своимъ ученикамъ тему: «Сравнить, кто выше—Магометъ или Іисусъ Христосъ»? Замѣчательно, ни одинъ ученикъ не сталъ писать на эту тему ¹⁾).

Переходя къ характеристикѣ семинаристовъ, нужно прежде всего отмѣтить и въ нихъ возбужденіе умственныхъ интересовъ, любовь къ литературѣ и серьезное занятіе учебнымъ дѣломъ. Это вызывалось прежде всего отношеніемъ къ дѣлу самихъ наставниковъ, затѣмъ общимъ теченіемъ эпохи и, наконецъ еще однимъ внѣшнимъ побужденіемъ. Въ 1864 г. семинаристамъ былъ дозволенъ свободный доступъ въ университеты, а это, наполнивши молодыхъ головы смѣлыми мечтами о возможности будущей широкой дѣятельности, служило немаловажнымъ стимуломъ для усиленнаго занятія науками, особенно свѣтскими. Для характеристики этого умственного возбужденія расскажемъ нѣсколько фактовъ. Въ 1866 г. учитель Липскій докладывалъ Правленію: «ученики высшаго и средняго отдѣленія желаютъ изучать математику, но какъ въ этихъ классахъ она не читается, то я, желая помочь имъ, рѣшился читать математику вообще для всѣхъ, желающихъ изучать оную, учениковъ безмездно, о чемъ Семинарскому Правленію для надлежащаго свѣдѣнія и распоряженія насчетъ назначенія времени и класса честь имѣю донести» ²⁾. Занятія эти были разрѣшены, но почему то не долго продолжались.—Гораздо большимъ успѣхомъ отличались лекціи К. В. Федяевскаго по гигиенѣ въ 1868 г. Лекціи эти вызвали полный восторгъ въ семинаристахъ. Въ молодыхъ, увлекающихся умахъ возникла мысль отблагодарить лектора. Поднялись толки о

¹⁾ Сем. арх. 755, № 64, показаніе инспектора А. А. Ермоленко.—

²⁾ Влм. арх. 701, № 24.

томъ, въ какой формѣ выразить благодарность. Одни предлагали поднести Федяевскому цѣнный подарокъ рублей въ полтораста, напр., золотые часы, стаканъ или что-нибудь другое. Но другіе находили это неудобнымъ, полагая, что подобнымъ подаркомъ опозлится благодарность. Эти предлагали произнести лектору по окончаніи лекцій благодарственную рѣчь. Но противъ этого возражали первые, говоря, что рѣчь забудется, а подарокъ останется. Во время этихъ преній, однажды на переѣмнѣ выступилъ одинъ семинаристъ и съ жаромъ сказалъ рѣчь о достоинствахъ лекцій Федяевскаго; вслѣдъ затѣмъ онъ предложилъ выразить лектору благодарность подпискою на отпечатаніе его лекцій. «Этимъ, говоритъ онъ, какъ нельзя лучше и доказательнѣе, выразится наша благодарность лектору, и чрезъ это же наши сестры и будущія жены хоть сколько-нибудь познакомятся съ правилами разумнаго ухода за дѣтьми». Тотчасъ же послѣ этого появилось 70 подписей на предполагаемое изданіе, въ скоромъ времени подписка достигла 240 экземпляровъ. Замѣчательно, что на 3, 4, 5 и даже на 6 экземпляровъ подписывались большею частію бѣдняки. Но среди этого молодого и благороднаго увлеченія скоро обнаружили признаки расхолаживающаго свойства. Самъ Федяевскій, согласившись на отпечатаніе лекцій, отложилъ однако отдѣлку ихъ до лѣта, тогда какъ самое предпріятіе могло осуществиться только при быстротѣ исполненія, по пословицѣ: «куй желѣзо, пока горячо». Услышавши о томъ, что печатаніе начнется не ранѣе осени, семинаристы стали меньше подписываться на изданіе и медлить взносами. Въ это время и среди самихъ семинаристовъ произошелъ расколъ, окончательно подорвавшій предпріятіе. Вотъ что писалъ одинъ семинаристъ по этому поводу въ «Воронежскій Листокъ». «Мы не можемъ пройти здѣсь молчаніемъ одного случая, такъ какъ онъ ужъ слишкомъ курьезенъ. Одинъ изъ нашихъ мнимо-передовыхъ людей, которому больше, неже

кому-либо другому, должно было бы прійтись по сердцу описанное предпріятіе, вдругъ ни съ того ни съ сего объявилъ себя противникомъ онаго и поклялся, что всѣми силами будетъ препятствовать его исполненію. Это было въ субботу въ разгаръ первой подписки. Въ слѣдующій понедѣльникъ этотъ господинъ прислалъ въ классъ исписанный листъ бумаги, гдѣ онъ упрекалъ семинаристовъ въ непостоянствѣ и минутномъ увлеченіи, обвинялъ въ скоромъ прекращеніи математическихъ лекцій, читанныхъ когда-то однимъ наставникомъ (Липскимъ) для всѣхъ семинаристовъ бесплатно, въ несостоявшейся выпискѣ журналовъ и, кажется, въ неосуществленіи едва не пошедшаго въ ходъ семинарскаго литографированнаго періодическаго изданія. Затѣмъ онъ предсказывалъ полное фіаско начатому предпріятію и въ заключеніе созывалъ «подъ несломанное еще знамя въ силѣ и цвѣтѣ лѣтъ угасшаго «Семинарскаго Досуга» (бывшей рукописной газеты) всѣхъ благородно мыслящихъ людей семинаріи» чтобы совокупными силами противостать ложному увлеченію семинаристовъ и убить безумное предпріятіе въ самомъ началѣ» ¹⁾. Какъ ни курьезнымъ казалось семинаристамъ это предсказаніе, но оно исполнилось: молодое увлеченіе скоро остыло и предпріятіе не удалось, засвидѣтельствовавши только о томъ, какъ живо относилась тогда семинарская молодежь ко всякому живому дѣлу и слову.

Нѣкоторые семинаристы съ живымъ участіемъ относились къ новооткрытой тогда при семинаріи воскресной школѣ. Поощреніемъ для нихъ, кромѣ новизны и интереса самаго дѣла, были и тѣ денежныя субсидіи, которыя выдавались изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Эти субсидіи, начавшіяся съ 100 р. (въ 1867 г.), достигли 300 р. (въ 1873 г.). Уже въ 1868 г. эту школу носѣтилъ графъ Д. Н. Толстой вмѣстѣ съ чешскимъ путешественникомъ

¹⁾ «Изъ-за стѣнъ нашей духовной семинаріи». Ворон. Листокъ, 1868, № 30.

Ө. И. Іезбера. Отвѣты учениковъ школы найдены были успѣшными ¹⁾.

Говоря объ умственныхъ интересахъ семинаристовъ, нельзя не остановиться на вопросѣ о такъ наз. либерализмѣ, который былъ моднымъ общественнымъ теченіемъ въ 60 и 70-хъ годахъ. Естественно думать, что и семинарская молодежь, почувствовавшая это новое направленіе и имѣвшая полную возможность познакомиться съ нимъ изъ книгъ и особенно изъ періодическихъ изданій, должна была такъ или иначе откликнуться на это теченіе. Духовно-Учебный Комитетъ поэтому требовалъ, чтобы семинарское начальство въ своихъ годовыхъ отчетахъ отмѣчало, «не замѣчено ли проявленій матеріализма или либерализма» среди семинаристовъ? ²⁾ Въ отвѣтъ на этотъ запросъ отчеты говорятъ объ удовлетворительномъ религіозномъ настроеніи семинаристовъ. «Ученики съ благодушіемъ принимаютъ реформы въ полномъ убѣжденіи, что онѣ исходятъ отъ помазанника Божія къ ихъ благу» ³⁾. Въ доказательство этого отчеты ссылаются на чтеніе учениками духовныхъ журналовъ, въ избыткѣ имѣющихся въ семинарской библіотекѣ, на посѣщеніе ими богослуженія и особенно на то, что семинаристы по своей собственной волѣ составили нѣсколько хоровъ при различныхъ церквахъ г. Воронежа и по своей же волѣ въ этихъ церквахъ принимаютъ участіе въ чтеніи во время богослуженія ⁴⁾. Конечно, всѣ подобныя показанія очень мало могутъ характеризовать религіозныя убѣжденія учащихся, тѣмъ болѣе, что, напр., участіе въ хорахъ имѣло въ своемъ основаніи не религіозныя, а экономическіе интересы. Тѣмъ не менѣе можно положительно говорить, что большинство, масса учащихся не была заражена религіознымъ вольнодумствомъ серьезно. Учениковъ коробили и смущали конюн-

¹⁾ «Воскресная школа при Ворон. семинаріи». Ворон. Листокъ, 1868, № 88. — ²⁾ Сем. архивъ, 744. № 9. — ³⁾ Тамъ же. — ⁴⁾ См., напр. за 1870/71 г., Сем. арх. 755, № 55.

ственные выходки некоторых преподавателей и они, напр., выражали свои сѣтованія на некоторые объясненія учителя Роменскаго.—Большимъ распространеніемъ среди нихъ пользовался такъ наз. общественный либерализмъ. Имъ хорошо былъ извѣстенъ лексиконъ модныхъ либеральныхъ словъ, въ родѣ «передовые люди», «прогрессивные», «благородно-мыслящіе» и т. п. По всѣмъ признакамъ такимъ именно характеромъ отличались и ходившіе по рукамъ рукописныя и литографированныя газеты. Наконецъ, и внѣшній обликъ многихъ семинаристовъ отличался своего рода современностью: желая изобразить изъ себя взрослыхъ людей, многіе подражали костюмамъ тогдашнихъ либераловъ. Многіе, пишетъ въ своемъ донесеніи Правленію помощникъ инспектора А. И. Николаевъ, «выказывали излишнее вниманіе къ своему туалету, многіе ученики изъ силъ выбивались не походить на учениковъ, съ длинными, подвитыми или взъерошенными волосами, въ модныхъ костюмахъ, съ тросточкою въ рукахъ, превальяжно разгуливали наравнѣ съ другими въ мѣстахъ общественныхъ гуляній» ¹⁾. «Либеральное» настроеніе выражалось въ болѣе свободномъ отношеніи къ начальству, сравнительно съ прежнимъ временемъ, а иногда и въ грубыхъ отвѣтахъ инспекціи. «Почему г. инспектору неизвѣстна была причина моего нехожденія въ классъ, это не моя вина, а оплошность старшаго», пишетъ семинаристъ въ прошеніи къ ректору. «На этомъ основаніи, а также на основаніи медицинскаго свидѣтельства инспекторъ и Педагогическій Совѣтъ должны быть увѣрены, что я не исполнялъ своей обязанности по самой уважительной причинѣ, а не безпричинно» ²⁾. Особенно часто недовольство семинаристовъ за это время выражается по поводу неудовлетворительнаго состоянія семинарской кухни. Впрочемъ, на этотъ разъ неудовольствію учениковъ сочувствовало и начальство, въ виду небрежнаго отношенію къ своему дѣлу со стороны эконома.

¹⁾ Зем. архивъ, 736, № 50. ²⁾ Тамъ же № 793.

Особенныя неудобства и за это время представлялъ надзоръ за квартирными воспитанниками, на что жалуются особенно инспекція. Къ сѣваніямъ инспекціи присоединяются теперь и указанія врача на негигіеническую и антисанитарную обстановку квартиръ.

Для луднятія семинарской дисциплины были составлены въ 1874 г. новыя инструкціи, опредѣляющія поведеніе воспитанниковъ и обязанности помощниковъ инспектора. И та, и другая инструкціи были составлены примѣнительно къ требованіямъ новаго устава дух. семинарій 1867 г. Тогда же выработаны были и общія правила, опредѣляющія участіе учителей въ дѣлѣ воспитанія учениковъ семинаріи. Такъ какъ всѣ эти инструкціи легли въ основаніе дисциплинарной практики уже послѣдующаго времени, то намъ нѣтъ надобности останавливаться на ихъ изложеніи и характеристикѣ. Замѣтимъ только, что эти инструкціи, съ нѣкоторыми измѣненіями, удержали свое значеніе до настоящаго времени.

Наконецъ, въ концѣ періода намѣчено было рѣшеніе и самаго большого вопроса въ жизни семинаріи—вопроса объ упорядоченіи матеріальной и нравственной жизни своекоштныхъ семинаристовъ. Въ 1873 г. семинарію ревизовалъ ст. сов. И. К. Зинченко, который, отмѣтивши ненормальное положеніе этихъ семинаристовъ, призналъ необходимымъ для Воронежской семинаріи устройство *общежитія* для своекоштныхъ воспитанниковъ. Епархіальный сѣздъ духовенства, на обсужденіе котораго Семинарское Правленіе 19 Сент. 1873 г. представило предложеніе объ устройствѣ общежитія, призналъ необходимость общежитія, но пока еще не изыскалъ для этого средствъ. Такимъ образомъ, осуществленіе этой необходимой мѣры было отложено и состоялось уже впослѣдствіи—въ 1893 году.

Оглавленіе.

Періоды третій (1817—1841) и четвертый (1841—1874).

Стран.

Преобразование семинаріи по уставу 1808 года . . . 5—6

Средства содержанія семинаріи. Штатный окладъ.
Завѣдываніе штатными суммами. Ревизіи экономиче-
скихъ отчетовъ . . . 6—8

Отношеніе къ Воронежской семинаріи высшаго ду-
ховно-учебнаго начальства и мѣстныхъ архіереевъ. Зави-
симость семинаріи отъ Окружнаго Кіевскаго Академи-
ческаго Правленія и Коммиссіи Духовныхъ Училищъ,
замѣненной въ 1838 г. Духовно-Учебнымъ Управле-
ніемъ. Взаимныя отношенія между Семинарскимъ Пра-
вленіемъ и епархіальною властью. Семинарское Пра-
вленіе. Положеніе ректора и другихъ членовъ Правле-
нія Секретарь Правленія. Отношенія Сем. Правленія
къ духовнымъ училищамъ. Отношеніе къ семинаріи пр.
Епифанія, Антонія II, Игнатія, Пароенія и Іосифа . . . 8—19

Ректоры семинаріи . . . 19—21

Инспекторы семинаріи . . . 21—22

Учителя семинаріи. Ихъ образованіе. Матеріальное
обеспеченіе. Образъ жизни. Отношеніе ихъ къ своему
дѣлу. Умственные и литературные интересы. Открытіе
Библейскаго Сотоварищества. Составленіе полемическаго
сочиненія противъ сектантовъ. Вопросъ объ описаніи
Воронежской епархіи.—Краткія біографическія свѣдѣ-
нія объ учителяхъ семинаріи . . . 66—1

Учебный курсъ. Раздѣленіе курса по новому уста-
ву на училищный и семинарскій. Учебный курсъ третья-
го періода (1817—1841). Дѣленіе на классы. Дѣленіе

наукъ на главные и второстепенныя. Замѣчанія начальства о сокращеніи учебнаго матеріала. Учебники и записки („лекціи“) учителей. Учебные предметы: риторика, гражд. исторія, философія, математика, богословіе, археологія, церк.-библ. исторія, герменевтика, толкованіе св. Писанія. Языки: греческій, латинскій, еврейскій, новые языки. — Учебный курсъ четвертаго періода (1841—1874). Указъ о преобразованіи учебнаго курса—1838 г. Забота о полнотѣ и однообразіи въ преподаваніи. Частныя замѣчанія Академич. Правленія о нѣкоторыхъ предметахъ. Миссіонерское отдѣленіе. Вопросъ о подготовкѣ семинаристовъ къ учительству. Преподаваніе прикладныхъ свѣтскихъ наукъ: Геодезія. Сельское хозяйство. Медицина. Росписанія уроковъ . 137—165

Письменные работы . . . . . 165—168

Библіотека семинаріи. Ея составъ и ростъ. Выдача книгъ. Чтеніе книгъ семинаристами. Пользованіе книгами изъ частныхъ библіотекъ. Устройство ученической библіотеки. — Умственные интересы семинаристовъ. Отзывы ревизоровъ. Литературные интересы. Кружокъ А. Сребрянскаго. И. С. Никитинъ. Процентъ Воронежскихъ семинаристовъ, получившихъ высшее образованіе. Выдающіеся церковные и общественные дѣятели, вышедшіе изъ Воронежской семинаріи . . . . . 168—178

Помѣщеніе семинаріи. Построеніе семинарскаго корпуса. Распоряженіе о немъ Императора Николая I. Внутреннее устройство корпуса. Неудобства классныхъ и жилыхъ помѣщеній. Столовая. Больница. Баня . . . 178—190

Содержаніе учениковъ. Штатный окладъ на казенныхъ учениковъ. Ихъ содержаніе. Зачисленіе въ Кондиціи. Пѣвчіе. Квартирные ученики, ихъ содержаніе и содержаніе . . . . . 191—196

Дисциплина. Инструкція старшимъ 1817 г. Состояніе дисциплины въ 20-хъ годахъ. Мѣры къ поднятію дисциплины. Разборъ 1831 года. Инструкціи 1829 г. Состояніе дисциплины въ 30 г.г. Назначеніе 4 помощниковъ инспектора. Состояніе дисциплины въ 40 и 50 годахъ. Выдающіеся проступки. Уклоненіе отъ уроковъ. Поздняя явка послѣ каникулъ. Уклоненіе отъ

послѣобѣденныхъ уроковъ. Грубость и нетрезвость.—
Рекреаціи. Дисциплинарныя взысканія . . . . . 196—212

Воронежская семинарія во время введенія духовно-
учебной реформы 1867 года.—Переходный характеръ
въ жизни Ворон. семинаріи 60-хъ и начала 70-хъ го-
довъ. Отношеніе къ семинаріи пр. Серафима.—Улуч-
шеніе въ содержаніи семинарій. Перестройка семинар-
скаго корпуса.—Перемѣны въ административномъ по-
ложеніи семинаріи. Избраніе должностныхъ лицъ. Пе-
дагогическое Собраніе. Самостоятельность преподава-
телей. Дѣло Роменскаго. Умственные интересы препо-
давателей. Преподаваніе. Умственные интересы семи-
наристовъ. Замѣчаніе о семинарской дисциплинѣ. Во-
просъ объ улучшеніи быта квартирныхъ воспитанниковъ. 212—229

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Въ первой части.

Стр.		Напечатано:	Слѣдуетъ читать.
VI,	2 строка снизу	разгруппировали	разгруппировавши.
1,	6 снизу	исторіи	Исторіи.
—	8 —	духовнаго регламента	Духовнаго Регламента.
4,	11 снизу	впоследствии	впослѣдствіи.
19,	2 сверху	¹⁹ / ₃₀	⁴¹⁹ / ₃₀ .
—	5 —	48 чт. 5 ⁴³ / ₁₈₀ чк.	41 чт. 3 ⁹¹ / ₁₈₀ .
—	7 —	44 чт. 2 ¹⁰¹ / ₁₈₀ чк.	48 чт. 5 ⁴⁹ / ₁₈₀ .
21,	6 сверху	енархія	енархін.
36,	7 снизу	Эта	Это.
43,	5 сверху	такъ какъ	такъ что.
61,	1 снизу	греческій языкъ не преподавался	греческій языкъ въ дѣйствительности почти не преподавался.
67,	19 сверху	изданной 9 мѣсяцевъ	изданной за 9 мѣсяцевъ.
145,		Въ таблицѣ классовъ неправильно поставлены тире (—) въ графахъ богословія до 1779 г., философіи—до 1777 г., пѣтики—до 1767 г., грамматикъ до 1767 г. и нотнаго класса до 1768 г.	
184,	6 снизу	прот. г. Турбинъ	прот. I. Турбинъ.
211,	14 сверху	управительства	укрывательства.

Во второй части.

16,	9 сверху	въ каедральнаго протоіерея	на должность каедрал. протоіерея.
27,	1 снизу	и о помѣщеніи	и помѣстить.
43,	9 сверху	о томъ предметъ	о томъ предметъ.
47,	2 сверху	1848	1847.
58,	15 сверху	квартирныхъ старшинъ	квартирныхъ старшихъ.
76,	6 сверху	ощутительнымъ	съ ощутительнымъ.
91,	10 снизу	1878	1868.
94,	11 сверху	1858	1859.
100,	4 снизу	согласно прошенія	согласно прошенію.
130,	16 сверху	помощникомъ	— —
133,	2 сверху	смотрителемъ	преподавателемъ.
159,	8 сверху	именіе	имѣніе.
166,	5 сверху	дневникъ семинариста	«Дневникъ семинариста».
176,	7 сверху	1841	1839.
182,	6 снизу	въ 12 десятинь	12 десятинь.
193,	17 сверху	обеспечиванія	обеспеченія.
203,	4 сверху	доносить	доносить.
216,	8 снизу	полагавшагося	полагавшихся.
219,	5 сверху	Д. А. Пѣвницкому	Д. Θ. Пѣвницкѣ.